

ВЕСТНИК МГЛУ

СЕРИЯ 1
ФИЛОЛОГИЯ

№4 (59) / 2012

Серия основана в декабре 1996 года

Редакционная коллегия:

А.М. Горлатов (*главный редактор*),
З.А. Харитончик (*зам. главного редактора*),
П.В. Васюченко, Т.С. Глушак, Т.И. Голикова, Е.В. Зарецкая,
Г.Ф. Лепесская, Т.П. Карпилович, С.Е. Кунцевич, В.В. Макаров,
А.Н. Степанова, О.А. Судленкова

*Журнал «Вестник МГЛУ. Серия 1. Филология»
включен Высшей аттестационной комиссией
в перечень научных изданий Республики Беларусь
для опубликования результатов диссертационных исследований*

СОДЕРЖАНИЕ

Проблемы общего и типологического языкознания

Аль Шибани Дж. Роль модальных средств в изменении вектора категоричности дипломатического дискурса 5

Басовец И.М. Языковые и стилистические особенности конструкций деавторизации (на материале англо- и белорусскоязычных публицистических и научных текстов) 12

Конашенко Е.И. Основные приемы синтаксической компрессии в синхронном переводе 19

Мамедов Н.Ш. Связный текст и актуальное членение 25

Плотникова С.Н., Серебренникова Е.Ф., Хахалова С.А. Новейшая лингвистика: к проблеме отграничения и векторов развития 31

Шевцова А.К. Лексические и синтаксические средства создания естественности радиодискурса 35

Романское и германское языкознание

Борчук О.В. Реципиент как семантическая составляющая структуры немецкого предложения 43

Вологина О.В. Синестезия и тема-рематические различия в образной ткани английских и русских статей о музыке и живописи 49

Дворкина Е.Ю. Линейно-симультанное строение испанского экономического текста 61

Колбаско Е.П. Семантические характеристики фразовых глаголов со значением уменьшения в англоязычном медийном дискурсе 66

Кондракова С.В. Частеречная конвергенция в аспекте причастий немецкого языка 73

Лапунова О.В. Виды и функции полифонии во французском новостном дискурсе 79

Сокольчик Н.В. Междометие и языковые аналоги невербальных жестов (на материале французского языка) 87

Степанова А.Н., Шашкова С.А. Инфинитив в абсолютной позиции и в ситуации 93

Сытько А.В., Кисина А.И. Стратегический потенциал лексических экспликаторов эпистемической модальности в речи ведущего ток-шоу (на материале немецкого языка) ... 99

Якутенок Н.И. Эмоционально-оценочный компонент в семантической структуре диминутивов и аугментативов 109

Исследования славянских языков

Кязимова Ф.М. Акцентологические варианты в русском языке 117

Якушава А.М. Сэнсавыя змяненні ў семантычнай структуры кантэкстуальнага словаспалучэння 124

Литературоведение

Колядко Н.В. Отражение альтернативных концепций развития экологического сознания в романе Мэрилин Робинсон «Как вести домашнее хозяйство» 131

Сыраежска Т.Г. Беларуская экалагічная п’еса 138

Наши авторы 146

CONTENTS

General and Typological Linguistics

- Al Shibany J.* The Role of Modal Means in the Changing of the Categorical Vector of Diplomatic Discourse 5
- Basovets I.M.* Language and Discourse-Specific Features of Deauthorization Structures (in English and Belarusian Newspaper and Scientific Texts)..... 12
- Kanashenka K.I.* The Main Types of Syntactic Compression in Simultaneous Interpreting 19
- Mamadov N.Sh.* Connected Text and Actual Division Summary 25
- Plotnikova S.N., Serebrennikova E.F., Khakhalova S.A.* The “Innovative Language Science”: on Delineation of the Notion Within Contemporary Linguistics..... 31
- Shevtsova A.K.* Lexical and Syntactic Means of Creating Radio Discourse Natural Character ... 35

Romance and Germanic Linguistics

- Borchuk O.V.* The Recipient as a Semantic Constituent in the Structure of the German Sentence..... 43
- Vologina O.V.* Synaesthesia and Theme-Rheme Distinctions in the Figurative Texture of English and Russian Articles on Music and Art 49
- Dvorkina E. Y.* The Spanish Economy Text Structure 61
- Kolbasko E.P.* Semantic Characteristics of the Phrasal Verbs with the Meaning of Diminution in English Media Discourse 66
- Kondrakova S.V.* Parts of Speech Convergence in the Aspect of German Participles..... 73
- Lapunova O.V.* Types and Functions of Polyphony in French Information Discourse 79
- Sokolchik N.V.* Interjection and Gestures in French Language 87
- Stepanova A.N., Shashkova S.A.* The Infinitive in the Absolute Position and in the Situation 93
- Sytko A.W., Kisina A.I.* Strategic Capabilities of Lexical Modal Means in the Speech of a Talk Show Host (on the Material of German Language) 99
- Yakutsionak N.I.* Emotional-Evaluative Component in the Semantic Structure of Augmentatives and Diminutives 109

Slavonic Languages

- Kazimova F.M.* Accents Versions in the Russian Language 117
- Yakusheva E.N.* Notional Changes in the Semantic Structure of a Contextual Word Combination 124

Studies in Literature

- Koliadko N.V.* Alternative Ways in the Development of Ecological Thinking as Represented in Marilynne Robinson’s Novel *Housekeeping* 131
- Syrayezhka T.G.* Byelorussian ecological play 138
- Our authors* 146

ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕГО И ТИПОЛОГИЧЕСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Дж. Аль Шибани

**РОЛЬ МОДАЛЬНЫХ СРЕДСТВ В ИЗМЕНЕНИИ ВЕКТОРА
КАТЕГОРИЧНОСТИ ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА**

В статье рассматриваются *одновекторные* и *разновекторные* модальные средства, изменяющие степень категоричности высказывания в дипломатическом дискурсе на русском и арабском языках. *О д н о в е к т о р н ы м и* средствами являются модальные наречия и словосочетания, выражающие достоверность и необходимость – они всегда используются для усиления категоричности высказывания, выражая уверенность говорящего в сообщаемом. К *о д н о в е к т о р н ы м* принадлежат и грамматические средства выражения ирреальности (формы сослагательного наклонения), однако они используются для коммуникативного смягчения высказывания. *Р а з н о в е к т о р н ы м и* модальными средствами являются средства выражения возможности: в утвердительной форме они снижают категоричность высказывания, а в отрицательной – повышают.

Функциональная направленность современного языкознания обусловила вовлечение в сферу интересов лингвистов прежде всего тех языковых единиц и явлений, которые непосредственно связаны с реализацией коммуникативного намерения субъекта речевой деятельности. Наиболее четко и ярко антропоцентрическая сущность языка проявляется в категории *модальности*, выражающей отношение высказывания к действительности с точки зрения говорящего [1].

Во многих исследованиях в настоящее время *м о д а л ь н о с т ь* квалифицируется как функционально-семантическая категория, имеющая многослойный содержательный объем и широкий набор средств и способов ее выражения, организованных по полевому принципу. При этом наиболее оптимальной представляется нам точка зрения ученых, рассматривающих модальность как широкую семантическую категорию, содержательный объем которой определяются смысловой двухаспектностью предложения, а именно его номинативным (пропозициональным) и коммуникативным (прагматическим) аспектами (С.С. Ваулина, Л.В. Колобкова, И.Р. Федорова и др.). Семантический аспект модальности включает три вида значений: реальности/ирреальности; возможности, необходимости, желательности; достоверности [2]. Языковыми средствами выражения этих модальных значений выступают формы наклонения глаголов, модальные глаголы, модальные наречия, а также глаголы, имена существительные и прилагательные с модальной семантикой.

Прагматический аспект модальности определяется в контексте, исходя из намерений говорящего и условий речевого акта, должна учитываться также структура и семантика всего высказывания [3]. Так, в высказываниях, описывающих реальные факты, прагматическая информация не столь очевидна, как в высказываниях, выражающих ирреальность событий, их возможность, необходимость и другие значения. Семантика модальных средств в контексте обогащается за счет таких дополнительных смысловых оттенков, как

обещание, предупреждение, совет, просьба, благодарность и др. [4]. Еще более многообразным потенциалом обладают формы сослагательного наклонения. Например, значение нереальности подразумевает стремление говорящего придать своему высказыванию вежливую некатегоричную тональность. Формы сослагательного наклонения могут также передавать значения смягченного приказа, просьбы, совета, предупреждения и др. [5].

В настоящем исследовании выявляются прагматические значения модальных средств, функционирующих в дипломатическом дискурсе, с точки зрения уверенности/неуверенности говорящего и, соответственно, влияния на степень категоричности высказывания. Дипломатический дискурс – один из важнейших, но недостаточно изученных типов институционального дискурса. А ведь от успешности деятельности дипломатов зависит достижение внешнеполитических целей государства, его безопасность, благополучие его граждан.

Материалом данного исследования служат тексты публичных выступлений представителей министерства иностранных дел России и арабских стран (Сирии, Катара, Саудовской Аравии и др.), а именно речей, интервью и пресс-конференций с участием дипломатов.

Проведенный анализ показал, что в дипломатическом дискурсе среди модальных средств, влияющих на степень категоричности высказывания, наиболее употребительными оказались средства выражения достоверности, необходимости, возможности и ирреальности. Так, средствами выражения достоверности, которые относятся к средствам эпистемической модальности, в русскоязычном дипломатическом дискурсе являются модальные наречия и словосочетания *безусловно, естественно, конечно, несомненно, разумеется, без сомнения, нет сомнения*, а в арабскоязычном – *اعب ط* ‘конечно’, *الب* ‘несомненно’, *كش ندب* ‘без сомнения’ и др. Эти модальные средства передают уверенность говорящего в истинности суждений и, таким образом, усиливают категоричность высказываний. Например:

Это, конечно, не означает, что мир застрахован от вооруженных конфликтов в принципе [A1]; *دون شك موضوع الطاقة واحد من المواضيع الثنائية التي سنبحثها*. ‘Без сомнения, энергетика будет одной из тем, которые мы обсудим’ [A2].

Второе место по употребительности среди модальных средств в дипломатическом дискурсе на русском и арабском языках, влияющих на степень категоричности высказывания, занимают языковые единицы выражения необходимости. В русском языке это модальные предикативные наречия *надо, нужно, необходимо*, а также модальное прилагательное *должен*. В арабском языке это наречия *يجب* ‘надо’, *يلزم* ‘нужно’, *ضروري* ‘необходимо’, *يجب ان يكو* ‘должен’. Из указанных модальных средств наивысшей степенью категоричности, по нашим наблюдениям, обладает прилагательное *должен*, содержащее в своей семантической структуре сему ‘обязанность’ [6; 7, р. 173]. При этом обязанность как необходимость реализации действия определяется на основании неких норм, законов (моральных, социальных, религиозных) и часто рассматривается как долг (нередко обязанность сопровождается аксио-

логической оценкой). Обязанность выполнения какого-либо действия может также зависеть от внешних обстоятельств. С помощью высказываний, содержащих модальные средства необходимости, дипломат предлагает свою программу действий, необходимую, с его точки зрения, для благоприятного развития ситуации, например:

*Речь сегодня **должна** идти о партнерах, преследующих те или иные совпадающие интересы, а не объединяющихся против каких-то других стран* [A1];

علينا أن نتعاون لتحقيق الإصلاح والديمقراطية ، وأن نتكافل من أجل التنمية الاقتصادية والاجتماعية والثقافية
'Мы должны сотрудничать с целью осуществления реформ ...' [A3].

Далее по шкале уменьшения степени выражения категоричности размещаются русские наречия *надо*, *нужно* и их арабские эквиваленты. Эти модальные средства также способствуют повышению категоричности высказываний дипломатов, выступающих в качестве официальных представителей правительства, однако степень категоричности в таких случаях ниже, чем для модального прилагательного *должен*, поскольку указанные наречия содержат сему 'совет' [7, с. 379, 423], например:

*Но **надо** уметь уважать партнера, признавать его законные интересы (здесь оттенок совета – можно заменить на *следует*)* [A4];

لا بد من قيام المجتمع الدولي ولاسيما الأطراف الفاعلة بتوفير الضمانات الكافية لاستئناف العملية السلمية من النقطة التي توقفت عندها،
'Для международного сообщества, особенно участников, надо предоставить достаточные гарантии для возобновления мирного процесса ...' [A5].

В данную группу модальных средств русского языка входит также наречие *необходимо*, которое в анализируемом дипломатическом дискурсе часто выступает синонимом наречия *нужно* [7, р. 498], о чем свидетельствуют следующие высказывания:

***Нужен** новый документ, над выработкой которого мы как раз и ведем интенсивную работу* [A4]; ***Необходим** подлинно коллективный подход* [A4].

В дипломатическом дискурсе на арабском языке в основном используется наречие *ضروري* 'необходимо'. Например:

إنه لا بد من قيام المجتمع الدولي بتوفير الضمانات الكافية لاستئناف العملية السلمية من النقطة التي توقفت عندها، والالتزام بتقديم الدعم الكامل، السياسي والاقتصادي
'Это необходимо для международного сообщества, чтобы предоставить достаточные гарантии для возобновления мирного процесса ...' [A3].

'Интерес представляют случаи использования модальных средств выражения необходимости в отрицательной форме. Степень категоричности высказывания в таких случаях еще более усиливается, при этом прилагательное *должен* в отрицательной форме очень часто употребляется с другими средствами выражения отрицания: *ни одна из стран не должна обеспечивать свою безопасность за счет безопасности других* [A4];

أن أمريكا والعالم الإسلامي لا يقصى أحدهما الآخر ولا يحتاجان إلى التنافس
'Америка и мусульманский мир *не исключают* друг друга, они *не должны* конкурировать' [A6].

В дипломатическом дискурсе нередки высказывания, в которых одновременно использовано несколько модальных средств усиления категоричности, в том числе и принадлежащих к различным группам. В результате достигается еще более высокая степень категоричности: *Безусловно, необходимо следить за тем, чтобы опасные технологии не расползались по миру* [A4];

جامعة الدول العربية وقراراتها يعتبر مقدمة ضرورية لا يمكن تجاهلها أو التقليل من شأنها

‘Решение Лиги арабских государств *необходимо* исполнять, *нельзя его* игнорировать или недооценивать’ [A6].

Таким образом, употребление модальных средств достоверности и необходимости, особенно их сочетание в близком контексте, усиливает категоричность высказываний дипломатов, что опровергает стереотипное представление об уклончивости, некатегоричности и сдержанности их речевого поведения.

Вместе с тем, поскольку цели представителей дипломатического ведомства состоят и в достижении взаимоприемлемых решений с другими странами, предотвращении и урегулировании конфликтов, то, безусловно, речь дипломатов включает и различные способы и средства коммуникативного смягчения, которые направлены на снижение категоричности высказывания. Смягчение в прагматическом аспекте определяется как ослабление интенсивности иллокутивной силы высказывания, обусловленное индивидуальными-психологическими и социальными параметрами речевого контакта. Первые связаны с личностными характеристиками собеседников, а вторые – с нормами и правилами, которые регулируют речевое поведение коммуникантов, обеспечивая успешность реализации их намерений [8]. Среди языковых единиц коммуникативного смягчения в дипломатическом дискурсе на русском и арабском языках нами были выявлены модальные средства выражения возможности: модальный глагол *мочь* (الامكان), модальные наречия и словосочетания *возможно* (من الممكن), *можно* (يمكن) (в значении ‘возможно’), *может быть* (ربما), а также средства выражения сослагательного наклонения.

Модальный глагол *мочь* выражает значение эпистемической возможности в утвердительных предложениях и, следовательно, смягчает категоричность высказывания: *Экономические потрясения могут спровоцировать обострение некоторых локальных конфликтов* [A1];

وفي تقديري يمكن لألمانيا أن تلعب دورا نشطا في الشرق الأوسط في تحقيق الحلول للصراعات التي تشهدها المنطقة وفي مقدمتها القضية الفلسطينية والصراع في الشرق الأوسط

‘На мой взгляд, Германия *может* играть активную роль на Ближнем Востоке для достижения решения конфликтов в регионе, в частности, палестинской проблемы и конфликта на Ближнем Востоке’ [A2].

В отрицательной форме модальный глагол *мочь*, напротив, выражает уверенность говорящего и, следовательно, способствует усилению категоричности высказывания: *всех проблем саммит не решил, да и не мог этого сделать* [A1];

في الحقيقة ، لا يمكن أن تتحقق هذه الغايات إذا لم يتم تجاوز التحدي الأكبر الذي يواجهنا وهو العجز حتى الآن في تسوية القضية الفلسطينية والصراع في الشرق الأوسط

‘На самом деле, эти цели *не могут быть* достигнуты, если не будет преодолена самая большая проблема, стоящая перед нами, – неспособность до сих пор урегулировать палестинскую проблему и конфликт на Ближнем Востоке’ [A3].

Двойное отрицание, выражая утверждение, также способствует передаче высокой степени уверенности говорящего: *Такая политика не может не влиять на характер наших взаимоотношений* [A1].

Еще более высокая степень категоричности достигается в случае использования в одном высказывании глагола *мочь* в отрицательной форме вместе с другими средствами выражения отрицания. Например: *На эту тему президент России уже сказал, что здесь **никаких** разменов быть не может* [A6];

ما يحتم علينا السعي لمعالجة هذا الوضع في إطار من التضامن العربي - الأفريقي، إن خطر الانفصال لا يمكن ان يحقق معه أي مصلحة للسودان

‘Именно поэтому мы стремимся решить эту ситуацию в рамках арабо-африканской солидарности, так как риск разделения *не может* принести Судану ничего хорошего’ [A7].

Значения модальных наречий *можно, возможно* способствуют коммуникативному смягчению и, соответственно, снижению категоричности высказывания: *Существуют и другие проблемы, решение которых для американских партнеров исключительно важно, но едва ли **возможно** без коллективных усилий* [A4];

فمن حيث الشكل كان ممكناً للجنة أن تستوفي جميع جوانبه دون اعتراض من قبل سورية

‘По форме это было *возможно* для комитета...’ [A8].

Если наречие *можно* (в значении ‘возможно’) используется в контексте с глаголом пропозициональной установки в отрицательной форме, то хотя предложение имеет отрицательное значение, однако категоричность высказывания снижается. Например:

لأعتقد أن بالإمكان تحديد إطار زمني محدد لبلوغ المرحلة التي ننشدها لإخوتنا في العراق بسبب تعدد وتشابك الأسباب وتقاطع الاتجاهات سواء الوطنية أو الجوارية أو الدولية

‘*Я не думаю, что можно* определить конкретные сроки для достижения поставленной цели ...’ [A2].

Употребление наречия *невозможно* усиливает категоричность высказывания: *без доброй воли правительств устранить существующие в отношениях противоречия **невозможно*** [A1];

كما يمكنها أن تسهم إلى حد كبير في مشاريع تنمية المنطقة التي لا يمكن للأمن أن يتحقق بدونها. (لا يمكن)

‘Они также могут внести большой вклад в развитие проектов, что в регионе *невозможно* достигнуть ...’ [A2].

Употребление форм сослагательного наклонения в дипломатическом дискурсе также способствует коммуникативному смягчению. Такие формы выражают допущение возможности действия в зависимости от некоторых ус-

ловий. Эти условия могут передаваться эксплицитно с помощью придаточных предложений условия, например: *Нас вполне устроил бы формат Россия – НАТО, если бы он стал работать так, как задумывалось* [А6]. Однако чаще эти условия в дипломатическом дискурсе передаются именной группой, условное значение которой подтверждается возможностью трансформации в придаточное предложение условия. Например: *создание такой системы отслеживания рисков, которая позволила бы их вовремя распознать* ‘Если бы такая система была создана, то она позволила бы’ ...[А6].

Смягчают категоричность высказываний и речевые клише с глаголами в форме сослагательного наклонения *хотел бы сказать, хотелось бы подчеркнуть, хотелось бы верить* и др.: *В этой связи хотел бы также сказать, что современная международная жизнь с ее возросшей сложностью и динамикой требует творческих решений* [А1]; *Хотелось бы верить, что НАТО не заинтересована в возвращении к духу и логике “игр с нулевым вариантом”* [А1]; أود أن أعبر عن تقدير سورية لكل الجهود التي بذلتها بعض الدول الأعضاء ‘Я хотел бы выразить признательность Сирии за все усилия, предпринимаемые некоторыми государствами-членами’ [А8].

Следует отметить, что при одновременном использовании в одном высказывании модальных средств и усиления и смягчения категоричности высказывания, в большинстве случаев достигается прагматический эффект в пользу первых: *США и Россия могут и должны находиться среди тех, кто возглавляет общие усилия* [А4].

Итак, проведенный анализ дипломатического дискурса на русском и арабском языках позволил выявить модальные средства, которые выражают уверенность/неуверенность говорящего и, соответственно, изменяют степень категоричности высказывания. Установлено, что одновекторными средствами являются наречия и словосочетания, выражающие эпистемическую достоверность – они всегда используются для усиления категоричности высказывания, выражая уверенность говорящего в сообщаемом. Одновекторными являются и модальные средства выражения необходимости, однако степень категоричности высказывания в таких случаях ниже по сравнению с единицами первой группы. При этом различные средства (прилагательные и наречия), входящие в эту группу, обладают разной степенью категоричности в зависимости от реализации тех или иных семантических компонентов своих значений в контексте, а также в зависимости от использования в утвердительной или отрицательной формы. К одновекторным принадлежат и грамматические средства выражения ирреальности (формы сослагательного наклонения), однако они всегда используются для коммуникативного смягчения. Разновекторными средствами в дипломатическом дискурсе являются модальные средства выражения возможности: в утвердительной форме они снижают категоричность высказывания, а в отрицательной – повышают.

Таким образом, проведенный анализ показал, что категорические высказывания в речи дипломатов демонстрируют их убежденность в истинности представляемой информации, уверенность в себе и в правоте своих суждений, которые в конечном итоге призваны донести до адресата позицию правительства по внешнеполитическим вопросам. Однако, поскольку цели представителей дипломатического ведомства состоят и в достижении различных договоренностей с другими странами, то, безусловно, речь дипломатов включает и различные способы и средства коммуникативного смягчения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Виноградов, В.В.* О категории модальности и модальных словах в русском языке / В.В. Виноградов // Избр. тр. : Исследования по русской грамматике. – М. : Наука, 1975. – 559 с.
2. *Беляева, Е.И.* Функционально-семантические поля модальности в английском и русском языках / Е.И. Беляева ; науч. ред. З.Д. Попова. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. – 196 с.
3. *Милосердова, Е.В.* Семантика и прагматика модальности: На материале простого предложения немецкого языка / Е.В. Милосердова. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1991. – 180 с.
4. *Дружинина, В.В.* Модальность в языке и речи: На материале немецкого языка : учеб. пособие для студентов ин-тов и фак-тов иностр. языков / В.В. Дружинина, К.Келлер. – М. : Высш. шк., 1986. – 96 с.
5. *Мурясов, Р.З.* Опыт анализа оценочного высказывания / Р.З. Мурясов, А.С. Самигуллина, А.Л. Федорова // Вопр. языкознания. – 2004. – № 5. – С. 68-78.
6. *Паўлоўская, Н.Ю.* Катэгорыя мадальнасці ў беларускай мове / Н.Ю. Паўлоўская. – Мінск. : МГЛУ. – 245 с.
7. *Ожегов, С.И.* Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М. : Азбуковник, 1977. – 944 с.
8. *Тахтарова, С.С.* Категория коммуникативного смягчения (когнитивно-дискурсивный и этнокультурный аспекты) / С.С. Тахтарова ; ВолГУ. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2009. – 382 с.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

- A1 – Интервью министра иностранных дел России Русской службе Би-Би-Си 23.04.2009 [Electronic Resource]. – Mode of access : <http://newspr.com/novosti-rossii/2162>. – Date of access : 03.09.2009.
- A2 – Его Превосходительство шейх Хамад бен Джфсем бен Джабер Аль Тани, первый зам. премьер-министра и министра иностр. дел Катара. Интервью газете «Frankfurter Allgemeine» 22.04.2008. [Electronic Resource]. – Mode of access : <http://english.mofa.gov.qa/details.cfm?id=108>. – Date of access : 14.09.2009.
- A3 – Его Превосходительство шейх Хамад бен Джфсем бен Джабер Аль Тани, первый заместитель премьер-министра и министра иностранных дел Катара. Американский форум с исламским миром. Катар. 14/02/2010 [Electronic Resource]. – Mode of access : <http://english.mofa.gov.qa/details.cfm?id=108>. – Date of access : 25.03.2011.

A4 – 2 – Вступительное слово министра иностранных дел России С. Лаврова в Фонде Карнеги, Вашингтон, 7. 05. 2009 [Electronic Resource]. – Mode of access : <http://www.vietnam.mid.ru/press/297.html>. – Date of access : 10.09.2009.

A5 – Его Превосходительство шейх Хамад бен Джфсем бен Джабер Аль Тани, первый зам. премьер-министра и министра иностр. дел Катара. Открытые тематические прения на уровне министров на тему: «Устойчивый мир на Ближнем Востоке». Нью-Йорк 12.12.2006 [Electronic Resource]. – Mode of access : <http://english.mofa.gov.qa/details.cfm?id=108>. – Date of access : 26.03.2011.

A6 – Интервью министра иностр. дел России по вопросам внешней политики России // “Российская газета”, 6.04. 2009 [Electronic Resource]. – Mode of access : <http://www.russianembassy.org.il/article.php?id=530>. – Date of access : 15/09/2009.

A7 – Его Королевское Высочество принц министр иностр. дел Саудовской Аравии Сауд аль-Фейсал. Черезвычайная арабская встреча в Сирте. Октябрь 2010 [Electronic Resource]. – Mode of access : <http://www.mofa.gov.sa/ABOUT-KINGDOM/Pages>. – Date of access : 28.03.2011.

A8 – Министр иностр. дел Сирии Валид аль-Муллаем. Заседание Совета Безопасности ООН. 02.11.2005 [Electronic Resource]. – Mode of access : <http://majdah.maktoob.com/vb/majdah12610/>. – Date of access : 26.03.2011.

The article considers univector and multivector modal means influencing the degree of the categorical force of the utterance in diplomatic discourse in the Russian and Arabic languages. Two main groups of such modal means have been singled out: 1) those which are used only to increase or to lower the categorical force of the utterance and 2) those which are used for both purposes.

Поступила в редакцию 30.06.2012

И.М. Басовец

ЯЗЫКОВЫЕ И СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
КОНСТРУКЦИЙ ДЕАВТОРИЗАЦИИ
(на материале англо- и белорусскоязычных
публицистических и научных текстов)

В данной статье выявляются структурные, референциальные, семантические и прагматические особенности *конструкций деавторизации* в публицистических и научных текстах на английском и белорусском языке. В результате сопоставления к о н с т р у к ц и й д е а в т о р и з а ц и и в англо- и белорусскоязычных текстах определяются их языковые особенности, которые отражаются в структурных и частично референциальных характеристиках исследуемых конструкций; в результате сравнения конструкций деавторизации в публицистическом и научном тексте устанавливается специфика их функционирования в указанных типах дискурса, которая затрагивает семантические, прагматические, а также частично референциальные характеристики изучаемых конструкций.

В современных лингвистических исследованиях наметилась тенденция рассмотрения структурных и содержательных характеристик языковых явлений с учетом особенностей их функционирования в разных типах дискурса. В связи с этим особую актуальность приобретает изучение общих и специфических способов выражения и реализации синтаксических конструкций с нереферентным субъектом в различных функциональных стилях и разных языках.

Проблема изучения языковых и стилистических особенностей конструкций с нереферентным субъектом в англо- и белорусскоязычных научных и публицистических текстах пока не получила в современном языкознании достаточного освещения. На данный момент исследованы лишь некоторые ее аспекты: так, выявлены особенности синтаксических конструкций английского и белорусского языков (О.А. Нехай, Т.В. Поплавская); некоторые способы выражения нереферентного субъекта в русскоязычной прессе (М.А. Кормилицына, С.И. Виноградов), прагматические задачи, реализуемые отдельными конструкциями с нереферентным субъектом в научном (Р.С. Аликаев, Н.М. Разинкина, М. Bondi, С. Coffin, Р.М. Martin, R. Tang) и публицистическом (Т.Г. Добросклонская, R. Fowler, J. Cowper, J. Gripsrud, T. Vestergaard) дискурсе. Тем не менее на сегодняшний день открытым остается ряд вопросов, касающихся специфики *конструкций деавторизации*¹ (КД) в англо- и белорусскоязычных публицистических и научных текстах, а также выявления обусловленности такой специфики языковыми и стилистическими факторами.

Целью данной статьи является выявление структурных, референциальных, семантических и прагматических различий КД в публицистических и научных текстах на английском и белорусском языках. Реализация указанной цели потребовала решения следующих задач: 1) определение особенностей КД в английском и белорусском языках; 2) установление специфики КД в двух стилях; 3) выявление взаимосвязи между типом различий КД и языковыми факторами, с одной стороны, и стилистическими, с другой.

Анализ фактического материала (4000 английских и 4000 белорусских высказываний, которые содержат КД и отобраны из письменных англо- и белорусскоязычных *научных* и *публицистических* текстов) показал, что функционирование КД характеризуется рядом специфических тенденций, обусловленных как *языковыми*, так и *стилистическими* факторами.

Что касается языковых особенностей КД, то они проявляются прежде всего в синтаксических типах КД. Так, только английскому языку присущи пассивные КД, которые представлены в виде пассивно-усложненного сказуемого: (1) *These forms are assumed to be derived in the morphological component of grammar and therefore only the results of such processes occur in syntax*. На белорусский язык пассивно-усложненные

¹ Конструкции деавторизации – синтаксические конструкции, содержащие указание на нереферентный субъект – источник информации об объективной действительности.

конструкции, как правило, передаются безличными или неопределенно-личными предложениями, а интересующая нас пассивная КД становится главной частью сложноподчиненного предложения с придаточным изъяснительным: (1a) *Мяркуецца, што гэтыя формы захаваліся ў марфалагічным кампаненце граматыкі, таму ў сінтаксісе назіраюцца толькі вынікі такіх працэсаў.*

Для белорусского же языка специфичными являются неопределенно-личные КД: (2) *У Аргенціне лічаць, што няма падстаў верыць васьміногу больш, чым сабаку, але калі ўжо ў такіх пытаннях спадзявацца на “прадказанні”, зробленыя жывёламі, то сама меней выходзіць нічыя.* На английский язык подобные конструкции, как правило, передаются безличными или пассивными КД, а также, если субъект выражен косвенно при помощи обстоятельственного детерминанта места (как в приведенном примере), могут использоваться КД с субъектом, выраженным метонимичным или обобщенно-собирательным именем существительным. Таким образом, приведенная КД может быть передана на английский язык как *it is believed in the Argentine, The Argentine believes, Argentinians believe.*

Значительные формальные различия обнаруживаются в рассматриваемых языках в безличных КД. Эти различия обусловлены главным образом наличием обязательного фиктивного субъекта в английском безличном предложении: (3) *It is estimated that the population of the world reached one billion for the first time in 1804.* Кроме того, обоим языкам присущи специфичные безличные КД с особым лексическим наполнением. Так, только в англоязычных текстах представлены безличные КД, включающие существительные информационной семантики (в конструкциях типа *there is talk, it was common knowledge* и т.п.): (4) *There is talk of marking the 50th anniversary in 2013 of the Elysee treaty on Franco-German co-operation.* Только для белорусскоязычных текстов характерны безличные КД, конституируемые предикативами *вядома, агульнавядома, устаноўлена, вызначана, даказана, заўважана* и т.п.: (5) *Агульнавядома, што вышэйшая адукацыя стала ў нашай краіне масавай – колькасць студэнтаў дасягнула ўжо 420 чалавек на 10 тысяч насельніцтва;* (6) *Заўважана, што ступень асвоенасці іншамоўных слоў паніжаецца па меры аддалення ад старажытнасці і прыбліжэння да нашага часу.*

Помимо формальных различий в отношении синтаксических типов КД, языковые особенности отражаются также в способах выражения нереферентного субъекта. Так, в отличие от белорусского языка, в английском артиклевом языке специфичным средством выражения нереферентного субъекта является существительное с артиклем (в случае с неопределенным субъектом – существительное с неопределенным артиклем в значении ‘некий’, а в случае с обобщенным субъектом – существительное с определенным артиклем в родовом значении): (7) *A senior American official says that some of his country’s dealings with China are like those with the European Union;* (8) *All these cases have in common that one German linguistic item is identified by the competent bilingual individual as the equivalent of one particular English form, which might lead to a certain automatization in translation choices.*

Кроме того, в англоязычных КД нереферентный (обобщенный) субъект может выражаться при помощи специфичных атрибутивных конструкций типа *stone wall (state game officials)* и существительных в притяжательном падеже (*Israel's military*): (9) ***State policy groups and children's advocates say the situation has worsened this year as states grapple with 2011 budget cuts.***

Нетрудно заметить, что все названные различия носят частный характер и обусловлены особенностями грамматического строя сравниваемых языков.

Гораздо более выразительными в функционировании КД, на наш взгляд, являются стилистические факторы. Именно они обуславливают различия в а) наборе средств выражения нереферентного субъекта; б) круге потенциальных референтов; в) доминирующих семантических типах субъекта; г) спектре выполняемых КД прагматических функций; д) наборе КД в каждом стиле.

В публицистических текстах по сравнению с научной речью наблюдается расширение набора средств выражения нереферентного субъекта. Это касается прежде всего неопределенного субъекта КД, выраженного неопределенным местоимением. В отличие от научных текстов, в которых используются главным образом неопределенные местоимения *some, one/некоторыя*, в публицистике широко используются также существительное с неопределенным артиклем *a* (в значении 'некий'), а также неопределенные местоимения *several/хтосьці, нехта, адзін* (в значении 'некий'). Например: (10) ***Several economists reckon the quarterly growth rate peaked last year;*** (11) ***Адзін разумны чалавек аднойчы сказаў: «Калі ты хочаш знайсці дасканалы адказ на што-небудзь, ты павінен адказаць на тры пытанні: чаму яно наогул робіцца, чаму яно робіцца тым, хто яго робіць, і чаму яно робіцца менавіта тады, калі яно робіцца».***

Различия между рассматриваемыми стилями наблюдаются и в отношении круга потенциальных референтов. В первую очередь это касается метонимичного обобщенного или косвенного (выраженного при помощи локативного детерминанта) субъекта. Если в научных текстах представлен один вариант потенциальной референтной группы, то в публицистике есть альтернативы. Так, в научных текстах метонимичный или обстоятельственный субъект КД может обозначать представителей научных направлений, теорий: (12) ***Cognitive linguistics acknowledges that it may often be useful, for practical purposes, to treat areas such as syntax, semantics and phonology as being notionally distinct;*** (13) ***У айчынным мовазнаўстве прыняты такі пункт погляду: пры адсутнасці фармальнага падабенства паміж морфамі гавораць аб розных, хаця і сінанімічных марфемах, і, значыць, дадзеныя морфы не ўваходзяць у склад адной марфемы (не лічацца аламорфамі).*** В публицистическом же тексте вариантов потенциальных групп референтов для такого субъекта больше, где он может иметь территориально-социальную, территориально-культурную или социально-экономическую детерминацию, т.е. означать официальных представителей или население достаточно широкого географического региона, страны/стран или города/городов, либо озна-

чать представителей различных социальных институтов, учреждений, участников некоторой сферы деятельности. Ср.: (14) *The EU has told Moscow that it will suspend talks on a long-term partnership agreement unless it withdraws its forces*; (15) *На Захадзе і сёння грэчка лічыцца нечым накшталт птушынага корму*; (16) *Schools say they are seeing a rise in the number of students asking for help*; (17) *Асобныя дзяржструктуры настаялі на тым, каб ва ўказе замацоўвалася норма зваротнасці гэтых інвестыцый, хоць ва ўсім свеце такое і не практыкуецца*.

Весьма существенными оказываются и различия в доминирующих семантических типах субъекта в двух стилях. Так, во всех разновидностях КД в научной речи превалирует субъект мысли: (19) *Cognitive linguists assume that even closed-class words exhibit polysemy*; (20) *Менавіта парцэляваным канструкцыям, на думку даследчыкаў, належыць вядучая роля ў рытмічнай арганізацыі тэксту, якая нагадвае гучанне вусна-гутарковага маўлення*. В публицистике самым распространенным типом субъекта во всех разновидностях КД (за исключением предложно-падежных) является субъект речи: (21) *Sceptics say China is unlikely to mandate the use of new fuel technologies so early in the development of its car industry*; (22) *Але вось некаторыя псіхологі кажуць, што на рэчы трэба глядзець прасцей*. В предложно-падежных КД наиболее частотным является субъект оценки: (23) *For many physicists, the LHC is the most important experiment on Earth*; (24) *Па ацэнках асобных нямецкіх генералаў, наступствы гэтага паражэння для Германіі сталі больш цяжкімі, чым пад Сталінградам*. Такое распределение типов семантического субъекта в сравниваемых стилях объясняется тем, что научный текст направлен прежде всего на трансляцию знания, а публицистический текст в большей степени ориентирован на передачу сведений из разных источников, зачастую сопровождаемых комментариями и оценками.

В двух стилях КД выполняют как общие, так и специфичные прагматические задачи, причем спектр выполняемых КД прагматических функций в публицистике шире по сравнению с научной речью и включает две специфичные прагматические задачи, которые отсутствуют в научных текстах: сокращение субъекта по разным причинам и передача слухов.

Именно эти функции, а также функция снижения ответственности за сообщаемое обуславливают употребление в публицистических текстах более богатого набора КД по сравнению с научной речью. К специфичным конструкциям, которые в силу своей семантики не встречаются в научных текстах, относятся конструкции с семантикой слухов: *according to rumours, rumours swirl, rumours persist, rumours have spread/на чутках, чуткі разносяцца, чуткі пайшлі, хадзілі розныя чуткі, пагаворваюць, кажуць, казалі* и др.; конструкции с семантикой приблизительности, предварительности: *by rough estimate, by some accounts, below recent forecasts/наводле папярэдніх даных (інфармацыі), наводле неафіцыйных (некаторых) звестак, наводле самых смелых падлікаў (на розных падліках), на незалежных ацэнках, наводле апошніх прагнозаў* и т.п.; конструкции с субъектом с семантикой

неизвестности, анонимности: (*anonymous*) *officials said, people are talking, people close to informed, people familiar with said, a diplomat agreed, a person close to informed, a person familiar with said, one legislator says, sources suggested, authorities said*/(анонімныя) *крыніцы наведамілі, людзі казалі, людзі, блізкія да..., наведамілі; людзі, знаёмыя з..., кажуць; нехта лічыць, адзін вучоны патлумачыў* и др.

Любопытно, что в реализации общих прагматических задач в сравниваемых стилях наблюдаются определенные специфические черты. Так, в публицистике в функции подачи сведений как общеизвестных иногда встречаются случаи сдвига истинностного ранга суждения, когда посредством фактивных предикатов вводятся оценочные, интерпретирующие или прогностические пропозиции, истинность которых не верифицируема: (25) *Everybody knows that Mr. Sarkozy often makes more noise than trouble*; (26) *Нягледзячы на афіцыйны заклік да барацьбы з п'янствам, кожны мужчына добра ведае, што на самой справе нецвярозы лад жыцця адабраецца навакольнымі*. Кроме того, данная прагматическая задача в публицистике может дополняться подзадачей солидаризации с читателем, если обобщенный субъект КД представлен местоимением *we/мы* совместно с *all/усе*: (27) *However, to vote simply out of a fear of socialism is ludicrous given we all know that we need to reach an equilibrium which consist of a mix of both pure mercantilism for the sake of the trade and profit and the welfare of society as a whole*; (28) *Усе мы ведаем, што Беларусь і Літва вельмі цесна знітаваныя паміж сабой*.

В ходе реализации функции снижения авторской ответственности за сообщаемое в сравниваемых стилях выявляются различия в отношении достоверности передаваемого. Так, в публицистике, как единодушно отмечается в лингвистической литературе, КД, выполняющие такую задачу, не только снижают ответственность автора за точность и полноту передаваемых данных, но и одновременно снижают достоверность сообщаемого [1, с. 85; 2, с. 247; 3, р. 114], что не наблюдается в научной речи, где такие конструкции могут лишь являться своего рода «мерой предосторожности в целях минимизации возможной критики со стороны других исследователей» [4]. Ср.: (29) *One guess is that it may call for a cut of 20 % per person by 2020*; (30) *Існуюць меркаванні, што незамяшчальнасць сінтаксічнай пазіцыі дзеяслоўнага выказніка носіць сінкрэтычны характар*.

Специфические черты обнаруживаются и в функционировании КД, выполняющих функцию создания контраста. Кроме общих способов его реализации в двух стилях, в публицистике он может создаваться еще и путем противопоставления собственной авторской или некоторой описываемой им позиции а) мнению предполагаемого оппонента: (31) *Great [hotel] for many people, but not for me*; (32) *Для некага гэта проста рачулка, а для мяне, хлапчука – мяжа, за якой – невядомы свет*; или б) общепринятой точке зрения (в таком случае используются дополнительные маркеры: прилагательные и причастия со значением степени распространенности типа *traditional, widespread, popular/традыцыйны, агульнапрызнаны, распаўсюджаны*: (33) *Contrary to the widespread assumption that today's is the grudge football match*

which Gullit would dearly love to win above all others, Bates no longer figures among his people of importance; (34) **Насуперак распаўсюджанаму меркаванню, дудкі выкарыстоўваюцца і ў Еўропе, так што, можна меркаваць, што і на стадыёнах у ПАР яны не будуць выключнай з'явай.**

Итак, в целом структурные характеристики КД в английском и белорусском языках совпадают. Частные различия, обусловленные особенностями грамматического строя двух языков, отражаются в а) наличии специфичных для каждого языка конструкциях (пассивно-усложненных для английского и неопределенно-личных для белорусского); б) специфичных чертах, присущих общим для двух языков конструкциям (безличным). Референциальные характеристики КД детерминированы не столько языковыми (наличие специфических средств номинации нереферентного субъекта в английском языке), сколько стилистическими факторами (в публицистике больше средств номинации неопределенного субъекта и шире круг потенциальных референтов). Различия в семантических и прагматических характеристиках КД в двух стилях, которые проявляются в разных доминирующих типах субъекта исследуемых конструкций (в наличии в публицистике специфичных прагматических задач; более богатом наборе используемых конструкций; обогащении общих прагматических функций дополнительными эффектами) обусловлены стилистическими факторами.

Таким образом, на функционирование КД оказывают влияние как языковые факторы, которые затрагивают формальные и частично референциальные особенности исследуемых конструкций, так и стилистические факторы, которые детерминируют их содержательные и функциональные отличия.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Добросклонская, Т.Г.* Вопросы изучения медиатекстов (опыт исследования современной английской медиаречи) / Т.Г. Добросклонская. – 2-е изд., стер. – М. : Едиториал УРСС, 2005. – 288 с.
2. *Кормилицына, М.А.* Синтаксические способы деавторизации информации в современных СМИ / М.А. Кормилицына // Вопросы культуры речи. – М. : Наука, 2007. – Вып. 9. – С. 243–249.
3. *Langacker, R.W.* Investigations in cognitive grammar / R.W. Langacker. – Berlin, N.Y. : Mouton de Gruyter, 2009. – 396 p.
4. *Martin, P.M.* Personal attribution in English and Spanish scientific texts / P.M. Martin [Electronic resource]. – 2009. – Mode of access : <http://www.publicacions.ub.es/revistes/bells12/pdf/art09.pdf>. – Date of access : 30.03.2011.

The article focuses on structural, referential, semantic and pragmatic features of deauthorization structures in English and Belarusian newspaper and scientific texts. In the result of comparison of deauthorization structures in English and Belarusian newspaper and scientific texts their language-specific and discourse-specific features are defined.

Поступила в редакцию 29.06.12

Е.И. Конашенко

ОСНОВНЫЕ ПРИЕМЫ СИНТАКСИЧЕСКОЙ КОМПРЕССИИ В СИНХРОННОМ ПЕРЕВОДЕ

В статье рассмотрены характеристики синхронного перевода как особого вида вторичной речевой деятельности. Описаны ключевые когнитивные операции, которые совершает переводчик-синхронист. Выявлены основные виды *синтаксической компрессии*, используемые в процессе русско-английского синхронного перевода текстов публичных выступлений социально-экономической направленности. Проанализированы результаты применения *синтаксической компрессии*. Определена ее роль в достижении адекватности текста перевода.

В связи с тем, что *синхронный перевод* как профессиональный вид деятельности возник относительно недавно, всего лишь во второй половине XX века, многостороннее исследование его аспектов является актуальным направлением сравнительно-сопоставительного языкознания. До сих пор не существует однозначного определения этого явления. В данной работе *синхронный перевод* рассматривается как вид речевой деятельности, который имеет сложный, специфический и вторичный характер [1, с. 123; 2, с. 104; 3, с. 21; 4; 5, с. 55].

Сложность этого вида перевода проявляется прежде всего в способе обработки исходного и переводного сообщения. Экспериментально доказано, что в среднем 60–70 % (а в некоторых случаях и 80–85 %) исходного сообщения воспринимается переводчиком-синхронистом одновременно с собственным проговариванием переводного текста [5, с. 40–41]. В силу того, что в синхронном переводе имеет место параллельность процессов восприятия исходного текста (слушания) и порождения текста на языке перевода (говoreния), он характеризуется как «рецептивно-репродуктивная деятельность», которая предусматривает «хорошо развитое смысловое восприятие, адекватное осмысление и репродуктивное мышление» [1, с. 126–127; 6, с. 106–107]. Совмещение слушания и говорения является эффективным в синхронном переводе, так как «оба процесса осуществляются в пределах одного вида деятельности и имеют общее предметное содержание» [7, с. 93].

Более того, сложность данного вида перевода связана с тем, что «он включает в себя два комплексных механизма – вероятностное прогнозирование воспринимаемой и упреждающий синтез порождаемой речи» [5, с. 226–235]. Переформулирование мысли в процессе перевода происходит с помощью разных языковых средств, что, в свою очередь, также определяет синхронный перевод как сложный вид речевой деятельности.

К специфическим особенностям синхронного перевода относятся: заданный темп перевода оратором, ограниченный объем перерабатываемой информации, одноразовое предъявление материала, дефицит времени и максимальная нагрузка на оперативную память [8, с. 75].

В последние десятилетия в области лингвистической теории перевода наблюдается возрастающий интерес к когнитивным аспектам переводческой деятельности. Это связано прежде всего с развитием когнитивной лингвистики, которая исследует мыслительные процессы в сознании человека, в том

числе процессы усвоения, накопления и использования знаний, а также изучает взаимодействие в ходе речевой деятельности разнообразных видов знаний, накопленных и используемых в конкретный момент речевого общения [3, с. 4].

А.Г. Минченков разработал когнитивно-эвристическую модель процесса перевода, в соответствии с которой в процессе восприятия текста оригинала информация в виде ментальных образов слов поступает по специальному интерфейсу в информационный центр, находящийся в сознании переводчика, и активизирует в нем определенные концепты-понятия, которые взаимодействуют с фоновыми знаниями и знаниями ситуации, поступающими по другим интерфейсам, что приводит к актуализации субъективных концептов-представлений и образов, формирующих смыслы. Благодаря субъективным концептам планомерно образуется довольно четкая концептуальная структура в виде внутренней программы текста на языке перевода. Единое мысленное представление всей ситуации формируется на основе данной концептуальной структуры. Затем происходит порождение переводного текста и объективация концептуальной структуры, сформированной в сознании переводчика, через соотнесение образующих ее концептов со значениями единиц языка перевода и активацию различного типа знаний [9, с. 27–28].

Таким образом, в процессе синхронного перевода переводчик параллельно совершает несколько когнитивных операций. Прежде всего синхронист воспринимает входящую информацию, расчленяет вновь поступившие данные, обрабатывает уже полученные, соотносит их с имеющимися знаниями, кодирует обработанную информацию на язык перевода и осуществляет ее контроль на выходе [10, с. 53–54].

На этапе переработки полученной информации синхронист осуществляет процесс поиска и выбора переводческих решений, в ходе которого определяется синтаксическое и лексическое наполнение переводного высказывания, и зачастую прибегает к компрессии исходного сообщения, под которой понимается процедура сжатия информации, выраженной средствами различных языковых уровней. В синхронном переводе различают *слоговую*, *синтаксическую*, *лексическую* и *смысловую* компрессию. **С и н т а к с и - ч е с к а я** компрессия представляет собой «выбор более краткой и простой синтаксической конструкции в переводном сообщении по сравнению с некоторой, заданной в тексте оригинала» [5, с. 147–148].

Цель данного исследования заключается в выявлении основных способов реализации синтаксической компрессии в устных параллельных текстах, под которыми понимаются текст исходного и переводного сообщения. Материалом исследования послужили русскоязычные тексты докладов и выступлений социально-экономического характера на международных саммитах, форумах и конференциях и их переводы на английский язык, выполненные профессиональными переводчиками-синхронистами.

В ходе исследования было установлено, что в рассматриваемых типах текстов превалирует использование следующих приемов синтаксической компрессии: замена придаточного предложения причастным или предлож-

ным оборотом, замена причастного или деепричастного оборота предложным оборотом, а также замена словосочетания или придаточного предложения одним словом.

Как показал проведенный анализ, в 30 % случаев использования синтаксической компрессии переводчик-синхронист прибегает к замене придаточного предложения причастным оборотом, что иллюстрирует следующий пример: ... в рамках той самой президентской комиссии, **которая была создана** некоторое время назад. – ... *in the framework of the presidential commission **established** a while ago* [A].

В 22 % случаев наблюдается замена придаточного предложения предложным оборотом, например: **Нельзя закрывать глаза и на то, что ... происходит размывание** духа предпринимательства. – *We shouldn't close our eyes **on the delusion** of the spirit of entrepreneurship*; Пришло время начать предметный диалог о том, как сделать переход к новой модели плавным и необратимым. – *It's time to start a substantive dialogue **on making** transitions smooth and irreversible* [B].

Такого рода переводческие решения значительно сокращают время проговаривания текста перевода без искажения его смысла. Число слогов речевого отрезка, подвергнувшегося компрессии, значительно уменьшается, в среднем в полтора-два раза (таблица).

Длина проговариваемого речевого отрезка в исходном и переводном сообщении с синтаксической компрессией и без нее

№ примера	Текст оригинала	Количество слогов	Текст перевода без компрессии	Количество слогов	Текст перевода с компрессией	Количество слогов	Степень сжатия перевода текста, %
1	которая была создана	9	which was established	5	established	3	40
2	что происходит размывание	10	that the delusion ... takes place	7	on the delusion	5	29
3	как сделать переход	6	how to make a transition	7	on making	3	58
4	стала потрясенiem	7	has become a shock	5	shook	1	80
5	производным ценным бумагам	9	derivative securities	8	derivatives	4	50
6	корзину специальных прав заимствования МВФ – SDR	20	the IMF special drawing rights basket – SDR	15	the IMF SDR basket	9	40
7	что происходило	5	what was happening	5	events	2	60
8	начиная ... заканчивая	9	starting with... ending in	6	from ... up to	3	50

Сэкономленное время позволяет синхронисту сконцентрироваться на других когнитивных операциях и разгрузить оперативную память, нагрузка на которую чрезвычайно высока из-за экстремальных условий, в которых протекает процесс синхронного перевода.

В 38 % случаев в качестве синтаксической компрессии переводчик использует замену словосочетания одним словом, что демонстрирует следующий пример: *Эта трагедия стала настоящим потрясением для российского общества.* – *This tragedy indeed shook the entire Russian society* [C]. С помощью такого приема синтаксической компрессии переводчику удастся не только сжать переводное высказывание, но и сохранить прагматическую составляющую оригинала, что является важным условием при переводе текстов публичных выступлений. Так, в рассматриваемом выше случае синхронист заменяет словосочетание *стала настоящим потрясением* глаголом *shook* ‘потрясло’ в комбинации с наречием *indeed* ‘действительно, на самом деле’, введение которого сохраняет эмоционально-экспрессивный компонент высказывания и степень воздействия на слушателя. Данный пример наглядно иллюстрирует, что при такого рода компрессии переводчику не только необходимо в условиях острого дефицита времени подыскать более простую синтаксическую конструкцию, но и позаботиться о том, чтобы это упрощение не повлекло нежелательных смысловых и прагматических искажений.

Стяжение синтаксической структуры высказывания может происходить через подбор из синонимичного ряда или соответствующих эквивалентов единицы с более простой синтаксической структурой, что мы наблюдаем в следующем примере: *А по производным ценным бумагам Москва уже сейчас входит в десятку крупнейших мировых рынков.* – *But in terms of derivatives Moscow already is in the top ten global markets* [D].

Производные ценные бумаги – это бумаги, стоимость которых определяется стоимостью основной ценной бумаги. Полный эквивалент этого понятия на английском языке – *derivative securities*. Синхронист сознательно использует более короткую форму *derivatives* в тексте перевода, так как она, во-первых, хорошо известна и широко употребляема в бизнес-кругах и поэтому не должна вызвать проблем в понимании у целевой аудитории, а во-вторых, способствует сжатию переводного высказывания и сокращению времени, затраченного на его произнесение. Этим же принципом руководствуется синхронист и при передаче полного наименования в тексте оригинала сокращением на языке перевода: (*Содружество Независимых Государств* – *CIS*, *валовой внутренний продукт* – *GDP*, *Всемирная торговая организация* – *WTO*, *Европейский союз* – *EU*, *исследовательский университет* – *R&D university*, *«Большая восьмерка»* – *G8*, *четвертый квартал* – *Q4*). Такое переводческое решение, с одной стороны, позволяет сэкономить время и сократить отрыв в случаях отставания от быстрого темпа речи докладчика, с другой стороны, может применяться только тогда, когда данные сокращения не являются многозначными и легко воспринимаются на слух.

При опосредованной коммуникации часто встречаются случаи, когда переводчик-синхронист не включает расшифровку аббревиатуры в текст перевода при наличии ее в тексте оригинала, что видно из нижеприведенного

примера: *Я полагаю, что одну из идей можно было бы реализовать уже в ближайшее время, а именно включить валюты БРИКС в корзину специальных прав заимствования МВФ – SDR.* – *I believe that one of such ideas could be implemented in very shortly, that is to include the currencies of BRICS countries in the IMF SDR basket* [C].

Корзина специальных прав заимствования МВФ имеет аббревиатуру SDR (special drawing rights basket). Переводчик опускает расшифровку аббревиатуры SDR, тем самым сужая круг слушающих, для которых сообщение будет предельно ясным и прозрачным. Такого рода компрессия может иметь место лишь в случае, если отставание перевода достигает некоторой критической точки и пропуск существенной информации является неизбежным.

Субституция словосочетания одним словом также имеет место при замещении глагола с дополнением соответствующим однословным глаголом (*повлечь углубление – to deepen, подвергнуть угрозам – to threaten, принять решение – to decide, вызвать изменения – to change*), а также при замене одним словом определения с определяемым (*проекты подобного рода – similar projects, дела в области бизнеса – business affairs*).

Интерес представляют также случаи (6 %), когда компрессии в одно слово подвергается целое придаточное предложение, что отражено в нижеприведенных примерах: ... *любое выступление на тему кризиса начинается с развернутой критики того, что происходило в Соединенных Штатах.* – ... *every statement on this subject was started with the criticism of the events in the United States* [B] ; *Наконец, Россия, а стало быть, и все, кто принимает решения в России, не застрахованы от обычных ошибок.* – *Finally, Russia and all the decision-makers in Russia are not immune to ordinary mistakes* [C].

В первом примере синхронисту удастся сжать исходное сообщение больше чем в два раза без каких-либо смысловых или прагматических искажений. При компрессии придаточного предложения *кто принимает решения* ‘who make decisions’ и замене его на составное слово *decision-makers* переводчик не сокращает длину переводного высказывания, но при этом ему удастся упростить сложную структуру исходного отрезка текста, что облегчает процесс восприятия и усвоения информации реципиентом.

В 4 % случаев наблюдается замена деепричастного оборота предложным, что находим в следующем примере: *Мы опробуем ее во всех нюансах, начиная от правовых аспектов и заканчивая новыми принципами партнерства ...* . – *We will try it from different aspects, from legal aspect and all the way up to the new principles of partnership ...* [D].

Семантика двух деепричастных оборотов *начиная* и *заканчивая* полностью передана семантикой предлогов *от* и *до*, поэтому рассмотренная нами компрессия упрощает синтаксическую структуру высказывания и не приводит к искажению его смыслового компонента. Более того, повторное употребление лексической единицы *aspects* и предлога *from* способствует выделению ключевой информации в тексте сообщения.

Таким образом, в ходе проведенного исследования было установлено, что применение различных приемов синтаксической компрессии широко используется в процессе синхронного перевода текстов публичных выступлений социально-экономического характера, что позволяет сжать исходный текст, увеличить информационную плотность переводного сообщения и упростить его синтаксическую структуру. Наиболее употребительными приемами синтаксической компрессии, используемыми при переводе данных типов текстов, являются: замена придаточного предложения причастным или предложным оборотом, а также замена словосочетания и придаточного предложения одним словом. Трансформационная операция замещения деепричастного оборота предложным оборотом встречается гораздо реже. Следует отметить, что чрезмерное использование приемов синтаксической компрессии может существенно повлиять на качество синхронного перевода публичной речи, так как для данного вида публицистического стиля важно не только адекватно передать логико-смысловую, но и экспрессивно-прагматический компонент текста оригинала.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Зимняя, И.А.* Лингвopsихология речевой деятельности / И.А. Зимняя. – М. : МПСИВоронеж: НПО «МОДЕК», 2001. – 428 с.
2. *Комиссаров, В.Н.* Теория перевода (лингвистические аспекты) / В.Н. Комиссаров. – М. : Высш. шк., 1990. – 253 с.
3. *Маслова, В.А.* Когнитивная лингвистика / В.А. Маслова. – Минск : ТетраСистемс, 2008. – 272 с.
4. *Сорокин, Ю.А.* Перевод как специфический вид речевой деятельности / Ю.А. Сорокин // Перевод как процесс и как результат: язык, культура, психология : сб. науч. тр. / Калинин. гос. ун-т ; редкол. : И.Э. Ключанов (отв. ред.) [и др]. – Калинин, 1989. – С. 24–28.
5. *Чернов, Г.В.* Основы синхронного перевода / Г.В. Чернов. – М. : Высш. шк., 1987. – 256 с.
6. *Ширяев, А.Ф.* Синхронный перевод / А.Ф. Ширяев. – М. : Воениздат, 1979. – 183 с.
7. *Ермолович, В.И.* К вопросу об одновременности слушания и говорения в процессе синхронного перевода // Тетради переводчика : Науч.-теорет. сб.; под ред. Л.С. Бархударова. – М. : Междунар. отношения, 1978. – Вып. 15. – С. 82–93.
8. *Зимняя, И.А.* Психология перевода / И.А. Зимняя, В.И. Ермолович. М. : МГПИИЯ, 1981. – 99 с.
9. *Минченков, А.Г.* Когнитивно-эвристическая модель перевода : На материале английского языка : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.04 ; 10.02.20 / А.Г. Минченков. – СПб., 2008. – 43 с.
10. *Цурикова, Л.В.* Когнитивные и текстолингвистические аспекты устного перевода / Л.В. Цурикова // Социокультурные проблемы перевода : сб. науч. тр. ; Воронеж. госу. ун-т. – Воронеж : ИПЦВГУ, 2006. – Вып. 7. – Ч. 1. – С. 52–60.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

А – *Медведев, Д.А.* Выступление на Американско-Российском деловом саммите в Вашингтоне, 24.06.10 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.youtube.com/watch?v=Ip1h4lixеЕо>. – Дата доступа : 19.06.12.

В – *Путин, В.В.* Выступление на Всемирном экономическом форуме в Давосе, 28.01.09 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.youtube.com/watch?v=_2EG4KLLa8c&feature=related. – Дата доступа : 19.06.12.

С – *Медведев, Д.А.* Выступление на Всемирном экономическом форуме в Давосе, 26.01.11 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.youtube.com/watch?v=nFuHWprKF4E>. – Дата доступа : 19.06.12.

Д – *Медведев, Д.А.* Выступление на Петербургском международном экономическом форуме, 18.06.10 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.eng.news.kremlin.ru/video/444?page=3>. – Дата доступа : 19.06.12.

The article considers the most relevant characteristics of simultaneous interpretation and analyses the main types of syntactic compression used in Russian-English simultaneous interpreting of public speeches on socio-economic subjects.

Поступила в редакцию 28.06.12

Н.Ш. Мамедов

СВЯЗНЫЙ ТЕКСТ И АКТУАЛЬНОЕ ЧЛЕНЕНИЕ

В статье рассматривается связь между компонентами текста и изучаются текстообразующие свойства *актуального членения*. Объединение фрагментов текста происходит путем развития тематических прогрессий и за счет наличия в высказываниях рематической доминанты. Тема-рематическая связь элементов высказываний регулирует логическую последовательность изложения фактов, событий и т.д. Тема-рематические компоненты в равной степени выполняют текстообразующую функцию, обеспечивая организацию текста как речевого произведения.

Выяснение вопроса о взаимоотношении характера межфразовых связей и определенного типа текста с позиций коммуникативного (динамического) синтаксиса, в частности выяснение роли темы и ремы в организации *связности текста* определенного типа является одним из дискуссионных в синтаксисе. Между тем вопрос о наличии соотносительности между синтаксисом предложения и синтаксисом текста приобретает особую актуальность. Мы придерживаемся мнения о том, что «признание соотносительности предложения и сложного синтаксического целого (сверхфразового единства, фрагмента текста) принципиально возможно и необходимо» [1, с. 130]. Известные перспективы в решении этого вопроса открывает не формально-традиционный, а структурно-смысловой компонентный анализ.

Несмотря на разногласие в определении понятия *текст*, всеми лингвистами признается, что текст немислим вне связности. Связность речи – «это функционально-семантическая категория, выражающая информационно-лексическую последовательность высказываний посредством использования системы единиц всех уровней языка и определенных способов употребления этих единиц, выступающих в функции средств выражения этой категории» [2, с. 52].

В данной статье рассматривается роль *актуального членения* в организации связности текста определенного типа. Опираясь на представление о тексте как линейно строящейся речи (его процессуальность), и одновременно как о высшем коммуникативном целом (его результативность) рассматриваем связность в двух аспектах: 1) связность как отражаемое, передаваемое или создаваемое речью наличие общего в двух или более фактах, явлениях и т.д.; и 2) связность как отражаемое, передаваемое или создаваемое речью объединение фактов, явлений и т.д. в одно замкнутое в смысловом отношении целое [3, с. 50].

В связи с этим следует отметить, что именно *актуальное членение* выступает организатором связности в указанных двух аспектах. С помощью актуального членения прекращается один вид связности – внутренняя связность темы и ремы – на границах отдельных высказываний, а также устанавливается другой вид связности, внешний для высказывания, но внутренний для относительно самостоятельной группы высказываний сверхфразовых единств или целого текста [4, с. 63–64].

Объектом данного исследования является один из таких типов, а именно *описание*. Описание служит для изображения природы, местности, помещения, внешности человека, внешнего вида предмета, характеристики человека и др. Различают *статическое* описание и *динамическое* описание. В статическом описании речь идет об изображении предметов в их стабильности и неизменяемости в определенный промежуток времени; в динамическом описании фиксируются различные состояния и положения в процессе существования и сосуществования предметов, т.е. изображаются изменения, происходящие с предметами, что неизменно связано с представлением о течении времени [5; 6].

Обращение к анализу межфразовых связей текста вызвано тем фактом, что при всех различиях в понимании того, что такое текст, связность признается как конституирующий признак текста [7; 3]. Позиция коммуникативного (динамического) синтаксиса дает возможность проводить структурно-смысловый компонентный анализ и является перспективной в выяснении связи синтаксического состава предложения с окружением этого предложения в тексте.

Известно, что темы высказываний связывают текст, образуя тематическую прогрессию. Существуют тексты с последовательной организацией тематической связи и тексты, построенные по принципу параллельного соподчинения. Основную часть анализируемых типов текстов составляют тексты с параллельной связью, которая органична для описания потому, что структурным содержанием этого типа текста является соположение предметов в пространстве.

Чтобы определить характер межфразовых связей в тексте, необходимо установить степень *данности* или *новизны* компонентов актуального членения высказываний. Как показывают исследования, *тема* высказывания может содержать информацию как уже известную адресату, так и новую, *рема* – как новую информацию, так и уже известную. Особое значение разграничение понятий *данное* и *известное* приобретает в функционально-смысловом типе речи статического описания, построенном по принципу *параллельного соподчинения*.

Под «данным», вслед за И.И. Ковтуновой, мы понимаем «наличие в предшествующем контексте того, что содержится в последующих предложениях, а также то, что в какой-то степени предопределено предшествующим контекстом» [8]. Эта предопределенность предшествующим контекстом позволяет нам считать данное явлением не только лексическим, но и в некоторых случаях – денотативным. К принятому за основу определению «данного» И.И. Ковтуновой добавляем, что связь между последующими предложениями и предшествующим контекстом может возникать на основе докоммуникативных знаний адресата речи, т.е. на основе его жизненного опыта. Именно контекст, речевая ситуация и знакомство слушателя с окружающим миром являются источниками, в сфере которых знания слушателя и говорящего совпадают [9, 10].

В процессе анализа описаний картин природы, местности, внешности человека, обстановки в доме и т.д. мы столкнулись с тем фактом, что целое описывается через его неотъемлемые части. Например, *голова, руки, ноги* являются неотъемлемыми частями тела человека. Независимо от того, находятся ли эти слова в теме или в реме высказываний, эти названия частей целого являются данным. Такой тип данного называется *партитивным данным*.

Для статического описания характерны конструкции с препозицией обстоятельственных детерминантов со значением места, которые служат для включения предметов в пространственные рамки. В высказываниях эти обстоятельственные детерминанты представляют собой тему [6, с. 107]. Среди них часто встречаются такие, которые обозначают неотъемлемые части целого, что соответствует пониманию партитивного данного. Это обстоятельства, обозначающие оси симметрии предмета: *справа и слева, вверху и внизу, спереди и сзади, снаружи и внутри* и т.д. Например: ***Вверху*** – небо, ***вправо*** – померкшая заря, ***вперед***, за яблоней, – далекие красноватые просветы в черных лесных низах (И. Бунин. Полночная Зарница).

Партитивными данными в высказываниях являются также обстоятельства, указывающие стороны света: север, юг, восток и запад: *Мелиховский двор – на самом краю хутора. Ворота скотного база ведут на север к Дону. ... На восток – за красноталом гуменных плетней – Гетманский шлях ... С юга – меловая хребтина горы. На запад – улица, пронизывающая площадь, бегущая к займищу* (М. Шолохов. Тихий Дон).

В приведенном описании темами высказываний являются не детерминанты, а подлежащие. Слова *волосы, лицо, ноздри, нос, глаза* также представляют собой *партитивные данные*. Таким образом, независимо

от структурно-синтаксической роли этих компонентов в предложении, они, являясь партитивными данными, выполняют функцию средств межфразовой связи.

В описательных текстах связь между высказываниями осуществляется не только с помощью слов, представляющих собой партитивные данные, но и с помощью слов, входящих в состав различных лексико-семантических ассоциативных рядов, так, например, в описаниях обстановки в доме это могут быть названия предметов домашнего обихода. Например: *Из сеней он попал в комнату тоже темную, чуть-чуть озаренную светом, входящим из-под широкой щели, находившейся внизу двери ... На одном столе стоял даже сломанный стул ... На бюро ... множество всякой всячины ... По стенам навешано было весьма тесно и беспорядочно несколько картин ... С середины потолка висела люстра в холстинном мешке ... В углу комнаты была навалена на полу куча того, что погрубее и что недостойно лежать на столах* (Н. Гоголь. Мертвые души).

В этом описании мы видим знакомые нам партитивные данные – слова, называющие части комнаты: *стены, потолок, угол*. Помимо них есть еще два обстоятельственных детерминанта, представляющих собой так же, как и первые, т е м у высказываний: это слова *стол и бюро*, которые входят в состав лексико-семантического ассоциативного ряда «комната – мебель». Эти слова обладают семантической общностью и способны выполнять функцию средств межфразовых связей. Этот тип данного является ассоциативным данным.

Помимо того, в статическом описании функцию межфразовых связей выполняют также р е м ы . Сама природа описания – констатация наличия, существования предметов и явлений действительности – требует соответствующего выражения в речи. В языке существует типизированная коммуникативно-динамическая структура, выполняющая эту функцию, – это нерасчлененные высказывания с нулевой темой, целиком состоящие из ремы, которая и принимает на себя функцию связи между высказываниями. Например: *Железный рукомойник. Сосновый столик. Стул. Свеча в стеклянном подсвечнике. Зеленые решетчатые ставни-жалюзи. Крашеный пол, облезлый от постоянного мытья* (В. Катаев).

В приведенном примере наблюдаются партитивные данные – названия неотъемлемых частей помещения, а также ассоциативные данные, образующие лексико-семантические группы: названия предметов домашнего обихода. Высказывания данного описания связаны между собой благодаря наличию партитивных и ассоциативных данных, находящихся в составе рем.

Если в статическом описании имеется коммуникативная установка – сообщить о наличии предметов, составляющих описываемый предмет, то мы наблюдаем предметную рематическую доминанту. Под рематической доминантой понимается семантико-грамматическая однородность ударных, т.е. рематически выраженных слов. Например: *И внутри изба была такой же, как и другие избы. Большая горница, за ней спальня. В переднем углу*

божница – полочка с иконами, в другом – угловик с зеркалом и вышитым полотенцем, на стене фотографии, за перегородкой – кухня (А. Рыбаков. Неизвестный солдат).

Если имеется коммуникативная установка – сообщить о качестве предметов, входящих в состав описываемого предмета, наблюдается качественная рематическая доминанта: *Я поднял его (глухаря). В нем было фунтов около пятнадцати весу, а величиной он равнялся среднего роста индюку. Шея и живот – черные, спина светло-коричневая, с седоватыми пятнами, брови красные, бархатистого оттенка, лапы в серых штанишках, а пальцы их покрыты костяной бахромой, глаз круглый, коричневый, с большим круглым и черным зрачком* (А. Куприн. На глухарей).

В художественных текстах встречаются высказывания, где обстоятельственные детерминанты со значением места, являющиеся темой, занимают не начальную, а конечную позицию, например: *Изба лесника состояла из одной комнаты, закоптелой, низкой и пустой, без палаты и перегородок. Изодранный тулуп висел на стене. На лавке лежало одноствольное ружье, в углу валялась груда тряпок; два больших горшка стояло возле печки. Лучина горела на столе. На самой середине избы висела люлька, привязанная к концу длинного шеста* (И. Тургенев. Бирюк).

В данном описании наблюдается чередование высказываний с прямым порядком компонентов актуального членения «тема + рема», где обстоятельственный детерминант представляет собой тему, остальная часть высказывания – рема, и высказываний с обратным порядком тех же компонентов «рема + тема»: ... *в углу валялась груда тряпок; два больших горшка стояло возле печки*. Линейное соположение таких вариантов закономерно для поэтически окрашенной прозы, оно образует фигуру, называемую хиазмом.

От подобных высказываний, в которых обстоятельственные детерминанты со значением места вводят предметы в ситуацию и представляют собой тему (независимо от начальной или конечной позиции), следует отличать высказывания, цель которых состоит в сообщении местоположения предметов. В этих случаях обстоятельственные детерминанты со значением места являются ремами и располагаются в конце предложений. При этом обязательно, чтобы «глагол-сказуемое, если он есть, входил в тему. Такая позиция детерминанта ... – синтаксически слабая, и для выполнения данной предложно-падежной формой функции детерминанта необходима поддержка контекста, свидетельствующего о распределении глагола и детерминанта между различными компонентами актуального членения – между темой и ремой: а) «данность» глагола, б) наличие частиц, в) местоположение глагола – отрыв от детерминанта» [10, с. 52]. Например: ... *комната, определенная быть кабинетом, ... но прежде необходимо знать, что в этой комнате было три стола: один письменный – перед диваном, другой ломберный – между окнами перед зеркалом, третий угольный – в углу, между дверью в спальню и дверью в необитаемый зал ...* (Н. Гоголь. Мертвые души).

Нетрудно заметить, что в этих высказываниях выполняется одно из условий – «данность» глагола, опущенные глаголы-сказуемые входят в состав темы. Перед нами высказывания, в которых обстоятельственные детерминанты со значением места служат ремами, однородными в семантико-грамматическом плане. Сама по себе семантико-грамматическая однородность рем, т.е. наличие рematicкой доминанты текста, по аналогии с синтаксическим параллелизмом, является одним из средств межфразовых связей. Это еще одно проявление участия ремы в организации связности текста.

Тип текста и характер межфразовых связей – явления взаимообусловленные; типы текстов и коммуникативно-синтаксические типы предложений находятся в состоянии взаимодействия и взаимозависимости. Исследование вопроса о взаимозависимости типа текста и характера межфразовых связей с позиций коммуникативного синтаксиса открывает определенные перспективы в развитии как теории текста, так и теории синтаксиса предложений.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Золотова, Г.А.* Роль ремы в организации и типологии текста / Г.А. Золотова // Синтаксис текста. – М. : Наука, 1979. С. 129–138.
2. *Ляпон, М.Б.* Смысловая структура сложного предложения и текст (К типологии внутритекстовых отношений). / М.Б. Ляпон. – М. : Наука, 1986.
3. *Сидоров, Е.В.* Актуальное членение как фактор коммуникативности текста / Е.В. Свиридов // Функционирование языка и речи. – М. : МГУ, 1979. – С. 48–56.
4. *Абдуллаев, К.М.* Актуальное членение предложения в азербайджанском языке / К.М. Абдуллаев // Сов. тюркология. 1983. – №1. – С. 61–75.
5. *Гамидов, И.Г.* Семантика и структура предложения. / И.Г. Гамидов. – Баку : АГПУ, 1992.
6. *Падучева, Е.В.* Динамические модели в семантике лексики. / Е.В. Падучева. – М. : Языки слав. культуры, 2004.
7. *Коменская, О.Л.* Текст и коммуникация. / О.Л. Каменская. – М. : МГУ, 1990.
8. *Ковтунова, И.И.* Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. / И.И. Ковтунова. – М. : Просвещение, 1976.
9. *Мамедов, Н.Ш.* Коммуникативная структура сложного предложения : На материале русского языка. / Н.Ш. Мамедов. – Баку : Мутарджим, 2008.
10. *Крылова, О.А.* Детерминанты в аспекте коммуникативного синтаксиса // Вопр. языкознания. / О.А. Крылова – 1978. – № 2. – С. 43–52.

The article considers the connection between the components of a text and studies the text creation properties of actual division. Connection of fragments of the text takes place by development of thematic progression and rhematic dominant in utterances. The topic/rhematic connection of elements of utterances regulates the logical sequence of statement of facts, events etc. Topic/rhematic components in an equal way perform a text creation function, providing organization of the text as a speech product.

Поступила в редакцию 30.06.2012

С.Н. Плотникова, Е.Ф. Серебренникова, С.А. Хахалова

НОВЕЙШАЯ ЛИНГВИСТИКА: К ПРОБЛЕМЕ ОТГРАНИЧЕНИЯ И ВЕКТОРОВ РАЗВИТИЯ

В статье поставлен вопрос об отграничении понятия *новейшая лингвистика* как особого течения в поле современной научной парадигмы. Уточняются некоторые ключевые понятия новейшей лингвистики и задаваемые ею векторы развития.

Одним из кратких и эвристических способов концептуального представления эволюции науки о языке можно считать метафорическое ее видение в виде стрелы, пронзающей время. Такое представление позволяет с очевидностью осознать, с одной стороны, что тело стрелы образовано непрерывным размышлением, спрессованным в процессах верификации в качество системного знания об объекте науки – языке. С другой стороны, из метафоры следует, что движение во времени есть продвижение в непознанное, что непознанное преодолевается на острие стрелы. В этой связи, признавая фундаментальную роль осевых теорий и методов, которые, развиваясь по спирали, составляют само тело стрелы и позволяют движение вперед, необходимо условно отграничить то, что сегодня составляет «острие» лингвистики. Постановка вопроса об этом является закономерной несмотря на то, что ответ на него может быть получен только по прошествии некоторого времени (сущностное проявляется и видится на расстоянии). Закономерным данный вопрос является также потому, что он неизбежно возникает при анализе современных социокультурных реальностей и тенденций, которые проявляются в большинстве современных лингвистических исследований, в ряду которых отметим, в частности, следующие феномены.

- Сопряженность лингвистики и философии, психологии, социологии, семиотики культуры, коммуникологии в разработке объекта исследования
- Явная метафоричность часто используемых терминов (например: *пространство, сеть, игра, стратегия и тактика, контроль, спектакль, ключ, сценарий, манипуляция, симулякр* и т.д.)
- «Проблема термина». Переосмысление еще недавно казавшихся неизблемыми терминов, которое либо вызывает необходимость их объяснения при употреблении в исследовании (например: *значение vs информация, код vs система* и т.д.), либо в соседстве с новыми, но близкими по значению терминами, требует их переопределения (например, в парах: *смысл – концепт; концепт – категория, концепт – понятие, концепт – пропозиция* и т.д.)
- Использование «традиционных» терминов в рамках новых концепций языка. Термин становится эпистемой в различных теоретических концепциях (например: *структура – структура/модель; модус/диктум – модусность/холистичность* и т.д.).

Все эти и другие того же ряда феномены приводят к тому, что сегодня в лингвистике имеет место по крайней мере двойной процесс. На основе междисциплинарности, на новом витке накопленного знания формируются процессы обобщения, интеграции, переключения акцентов (например, в отношении ономаσιологического и семасиологического подходов к языку в связи с усилением внимания к смыслопорождению в высказывании). Внутри новых переключений лингвистическое знание специализируется, что требует от исследователей создания и знания общего языка, *lingua franca* научного общения, и усилий для овладения им.

Для оперирования в сфере структур нового знания мы вооружены сегодня понятием *научной парадигмы*. Обосновывая понятие *научная парадигма*, американский историк и философ науки Т. Кун пишет: «Под парадигмами я подразумеваю признанные научные достижения, которые в течение определенного времени дают модель постановки проблем и их решений научному сообществу» [1]. Движителем же смены парадигм Т. Кун считает членов научного сообщества в роли логического субъекта научной деятельности, который в ходе апробации вырабатывает некоторую единую систему стандартов и некий единый понятийный язык.

Период парадигмального перехода неизбежно ставит вопрос о том, каким образом содержательно квалифицировать совокупность тех достижений, которые выносятся, образно говоря, на острие стрелы. Можно ли как-то обозначить данный «продвинутый» фрагмент научного пространства, потому что назвать, наречь именем значит создать его для существования в мире действительного. В поиске ответа на этот вопрос, на наш взгляд, возникает некоторая развилка для логического субъекта научной деятельности: пойти по более легкому пути и воспользоваться обозначением хронологического порядка или дать более оценочную, сущностную дефиницию.

В хронологическом аспекте возможно обозначение с префиксом *пост-*, скорее всего, в виде именованного *постструктурализм*, но данное обозначение не целесообразно потому, что термин уже принадлежит определенной научной школе и направлению в семиотике, а также потому, что он не является объяснительным. Вместе с тем, не отказываясь от хронологизированного названия, можно предложить закрепить за лингвистикой на острие времени непротиворечивое обозначение *новейшей лингвистики*.

Данная описательная формулировка, на наш взгляд, четко отделяет лингвистику «на острие времени» внутри более широкого среза «современной лингвистики», не возводит многосоставное поле к одному единственному направлению, позволяет видеть в целом спектре сосуществующих сегодня направлений такое течение, которое выявляет разницу между традицией и инновацией. Понятие *новейшая лингвистика* одновременно имплицитно новейшую идеологию и телеологию исследований языка. В данном случае представляется возможным процитировать Т. ван Дейка: «На повестке дня – реальное использование языка реальным субъектом с реальными действительными целями в реальных условиях его функционирования» [2]. Задача, которая, на наш взгляд, относится к отдаленному будущему, тем не менее именно она составляет каркас устремлений, горизонт ожиданий и основной

вектор ее дальнейшего ее развития. Обратимся к существующим и относительно общим дефинициям оценочного содержательного плана для новейшей лингвистики.

В этой связи обращает внимание тот факт, что в одной из научных школ выделен и успешно используется отдельный термин интегрального характера для условно названной «новейшей лингвистики». Речь идет о французском термине *sciences du langage* и том направлении, которое во Франции образовано на питательной почве постструктурализма, анализа текста, теории интерпретации, прагматики и теории высказывания. На наш взгляд, не случаен факт того, что единый термин сложился именно на французском языке. Здесь можно вспомнить плодотворность именно слов французского языка, которые послужили ключевыми терминами Ф. де Соссюру в формулировании его концепции. Дело в том, что во французском языке имеется парадигма слов, номинирующих ту область, которая интересует лингвистику: *langue, parole, discours, langage*. Именно *langage* ‘речевая деятельность’ является искомым интегральным понятием для новейшей лингвистики (при особой востребованности также и *discours* ‘дискурс’). Время покажет, войдет ли выражение *sciences du langage* в международный лингвистический язык, как в него вошли термины *langue, parole, discours, langage*. Подчеркнем здесь трудности в достижении консенсуса, которые усугубляются тем, что сама сущность новейшей лингвистики такова, что она объективно разнообразна по набору приоритетных для отдельных учебных и отдельных школ выдвигаемых эпистем.

Бесспорно, наиболее принятым в научном сообществе является определение новейшей лингвистики как антропологической по доминанте нерасторжимости человека и его языка. Антропоцентрическая тенденция в лингвистике, переоткрыв многие важнейшие концепции прошлого, в частности, идеи В. фон Гумбольдта и многих других ученых, обнаружила себя в конце 1980-х – начале 90-х годов. Именно в это время появились работы, в которых принцип *антропоцентризма* был провозглашен парадигмообразующей идеей современного языкознания. Наблюдаемое размежевание внутри сторонников антропологической лингвистики начинается с самой исходной точки формулирования онтологической парадигмы «человек – язык – мир» по направлениям либо объектно-центрического, либо субъектно-центрического подхода к исходной сущности. Приверженцев субъектно-центрического подхода отличает, на наш взгляд то, что в качестве исходной точки парадигмы выступает «присваивающий язык» [3] “я” как субъект (точнее, субъектообъект) смыслопорождения, а понятие *мир* допускает измерение «возможного мира».

В российской лингвистике преобладающими квалификативными номинациями для парадигмы в состоянии становления, вслед за Е.С. Кубряковой, следует считать термины *когнитивно-коммуникативная*, или *когнитивно-дискурсивная* парадигма. Интегральность квалификации и ее вариативность показывает возможный разброс в понимании категориальных контуров направления и поэтому – возможность разных фокусировок и проставления акцентов. Е.С. Кубрякова пишет, что научная парадигма определяется сред-

ством получения знания и принципом исследования и включает три составляющие: 1) установочно-предпосылочную (взгляд, подход к языку как феномену); 2) предметно-познавательную (определение цели, задач, предмета познания); 3) процедурно-технологическую (методика исследования, ряд операций, применяемых к языковому материалу для получения результата) [4, с. 167]. Современная парадигма управляется принципами антропосентризма, знаменующего поворот от изучения языка как «имманентного» феномена к изучению языка в человеке и «человеку в языке», в терминах Н.Д. Арутюновой [5]; функционализмом, экспланаторностью, экспансионизмом. Как следствие, единицей лингвистического исследования предлагается считать проблемную ситуацию, вернее, моделирование проблемной ситуации. В целом, в основе современного лингвистического знания лежит комплексное междисциплинарное исследование, обращенное к когнитивным процессам, цивилизационным состояниям социума, теориям открытых систем, технологизации дискурса в современном обществе [6]. Следует признать, что одним из интегральных эпистем новейшей лингвистики является понятие *дискурса*, в котором концентрируется новый подход к языку/речи.

Вектор перспектив исследований, задаваемый произошедшим переносом тяжести в теории языка в русло когнитивно-дискурсивной парадигмы, по-разному видится в различных теоретических моделях. От точки отсчета – *структурной лингвистики* – одни ученые вырисовывают вектор к углублению когнитивизма, все большего присутствия когнитивной психологии и когнитивной грамматики как объяснительного фактора в лингвистических исследованиях. В российской лингвистике делается акцент на *антропологизме* языка и, следовательно, науки о языке. Одним из ведущих парадигмальных понятий в данном направлении является понятие *языковой картины мира*, в рамках которого разрабатываются проблемы концептуализации, категоризации и репрезентации опыта познания мира человеком. Исследуется *языковая личность* как хранитель и носитель культуры народа; изучаются константы культуры – многомерные смысловые образования, являющиеся точками пересечения ментального мира человека и мира культуры. В русле лингвистики дискурса разработаны положения теории *дискурсивной личности* [7]. Центральной проблемой новейшей лингвистики остается проблема разработки ее методологии, в частности, в русле моделирования дискурса и определения важнейших категорий его реализации, к которым следует отнести категории *реагирования* и *технологичности* [6]. В современной концептологии разрабатывается проблема *креативности смыслопорождения*, особенно явно прослеживаемая в русле теории *метафоры* [8; 9]. Постановка вопроса об оценочном измерении дискурса в интерпретации познания как освоения и присвоения мира человеком говорящим стимулирует развитие *лингвоаксиологии* [10]. Новейшая лингвистика, таким образом, расширяет и углубляет русло, очерченное принципами современной парадигмы, накапливая знания для следующего витка спирали познания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кун, Т. Структура научных революций / Т. Кун. – М. : Прогресс, 1975.
2. Дейк, ван Т.А. Язык. Познание. Коммуникация / Т.А. ван Дейк ; пер. с англ. – М. : Прогресс, 1989.
3. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист ; пер. с фр. – М. : Просвещение, 1974. – 356 с.
4. Кубрякова, Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX в. / Е.С. Кубрякова // Язык и наука конца 20 в. – М. : Школа «Языки рус. культуры», 1995. – С.144–238.
5. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – М. : Языки рус. культуры, 1999.
6. Технологизация дискурса в современном обществе / под ред. С.Н. Плотниковой. – Иркутск : ИГЛУ, 2011. – 320 с.
7. Плотникова, С.Н. Языковая, коммуникативная и дискурсивная личность: к проблеме разграничения понятий / С.Н.Плотникова // Лингвистика дискурса / отв.ред. С.Н.Плотникова. – Иркутск : ИГЛУ, 2005. – С.5–16.
8. Хахалова, С.А. Фрактальность метафоры / С.А. Хахалова // Сублогический анализ языка : юбилей. сб. науч. тр. / под ред. проф. В.Н. Базылева. – М. : СГУ, 2011. – С. 379–383.
9. Хахалова, С.А. Метафора в аспектах языка, мышления и культуры / С.А. Хахалова. – 2-е изд., испр. и доп. – Иркутск : ИГЛУ, 2011. – 292с.
10. Лингвистика и аксиология: этносемиотика ценностных смыслов / отв. ред. Л.Г. Викулова. – М. : Тезурус, 2011. – 352 с.

The article focuses on the concept of “innovative language science” as a scientific trend correlating with the notion of “contemporary scientific paradigm” and distinguished at the background of other trends at the synchronous cross-section of present-day linguistic knowledge. The object, methodology and several key concepts reflecting the innovative nature of this trend are specified.

Поступила в редакцию 30.06.2012

А.К. Шевцова

ЛЕКСИЧЕСКИЕ И СИНТАКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ЕСТЕСТВЕННОСТИ РАДИОДИСКУРСА

В статье выявлены языковые средства лексического и синтаксического уровней, создающих спонтанный, естественный характер дискурса англо- и белорусскоязычных радиодискуссий. В результате проведенного исследования были выявлены такие лексические средства, как дискурсивные слова, разговорная лексика, “заполнители пауз”, “лишние” лексические элементы, перебор синонимичного ряда, повторы и ряд синтаксических средств: эллиптические предложения, вводные, вставные и присоединительные

конструкции, перебивы и подхваты, перебои синтаксических структур. Спонтанное производство новых слов и словосочетаний, самокоррекция, грамматические неточности, так же как и вышеназванные языковые средства, обеспечивают неофициальный, непринужденный тон речи участников радиодискуссий.

Дискуссия на радио как отдельный жанр медийного дискурса пользуется все большей популярностью и вызывает интерес и со стороны слушательской аудитории, и у исследователей радиодискурса. Вместе с популяризацией радиодискуссии происходит ее эволюция и удаление от норм кодифицированного литературного языка. Жанр дискуссии приобретает все больше вид спонтанного, непринужденного, неофициального и естественного разговора.

Радиовещание, представляющее собой особое коммуникативное пространство, имеет ряд специфических признаков, отличающих его от сферы межличностного общения: дистантность, опосредованность, отсутствие визуализации, массовость слушательской аудитории, всеохватность, скорость передачи информации, связь со временем, которая выражается в необратимости, одномоментности, линейности, непрерывности [1]. Ориентация на массовую аудиторию обуславливает использование преимущественно нейтральных, общелитературных языковых средств. Публичная речь, по мнению Е.А. Земской, всегда в целом ориентирована на систему кодифицированного литературного языка, а не на систему разговорной речи [2, с. 58]. Однако при этом допускается использование ряда приемов из арсенала разговорной речи, что объясняется установкой на интимизацию общения, “оживление” беседы [Там же].

Обобщая подходы к рассмотрению *разговорной речи* (Б.М. Гаспаров, О.Б. Сиротина, Е.А. Земская, Ю.М. Скребнёв, Н.А. Шигаревская, Э.Г. Ризель, В.Д. Девкин), следует назвать комплекс основных признаков, достаточных для ее реализации и идентификации. Важнейшими особенностями *разговорной речи* являются, в основном: устная форма реализации, непринужденность, неподготовленность речевого акта, отсутствие установки на официальное сообщение, непосредственное участие партнеров в акте коммуникации, неофициальные отношения между участниками речевого акта, эмоциональная насыщенность, ситуативная обусловленность. Лексика разговорной речи характеризуется стилистической пестротой. Она допускает использование сниженных разговорных и даже просторечных слов, вместе с ними могут встречаться специальные, книжные слова. При этом гораздо чаще используются нейтральные лексические единицы [3, с. 6].

Материалом данного исследования послужили 60 дискуссий белорусского и британского радио. Основу любой радиодискуссии составляет обсуждение актуальной проблемы с гостем студии, получение комментариев, разъяснений по тому или иному вопросу, интересующему слушателей данной радиостанции. Как правило, участники дискуссий являются авторитетными, известными людьми, но не профессиональными ораторами. Поэто-

му при отсутствии возможности подготовиться ко всем вопросам заранее в их речи присутствуют черты спонтанности. В свою очередь, ведущие-профессионалы также стараются звучать естественно, не акцентируя внимания на продуманных для эфира вопросах. В большинстве исследований по лингвистике и теории коммуникации *спонтанность* и *естественность* рассматриваются как синонимы [4]. С точки зрения качества дискурсивного поведения коммуниканта, *естественность* может рассматриваться с позиций адекватности и уместности коммуникативной деятельности, ее “нормальности” и приемлемости для участников общения. Опираясь на когнитивно-прагматический подход, Л.В. Цурикова отождествляет естественность дискурса с такой коммуникацией, которая соответствует интуитивным представлениям членов конкретного социума о приемлемом и “нормальном” дискурсивном поведении друг друга в конкретной ситуации общения [4, с. 424]. Исходя из данного положения, трудно дать точное определение естественности, так как речь идет об интуитивных, а не рациональных оценках. Такую оценку могут давать только носители языка на основе их подсознательных коммуникативных ожиданий, являющихся частью общей коммуникативной компетенции. В данном ракурсе проблема естественности дискурса относится к области когнитивной лингвистики. В нашем исследовании мы будем придерживаться традиционного подхода к рассмотрению естественности дискурса как синонима спонтанной разговорной речи.

В исследовании по спонтанной речи Е.В. Вельмезовой, М.В. Завьяловой и Т.М. Николаевой, представленном на XV Международном конгрессе фонетических наук в Барселоне в 2003 г., отмечается, что спонтанная речь в зарубежных и отечественных трудах по лингвистике именуется по-разному: разговорная речь, устная речь, речь, речевой поток, *continuous speech*, *unrestricted speech*, *talk-in-interaction*, *spontaneous discourse*, *spoken (English)*, *natural discourse* [5, с. 24–25]. Наличие термина *естественный дискурс* в данном списке еще раз подтверждает тождество понятий *спонтанная* и *естественная разговорная речь* на различных языковых уровнях.

Как было отмечено выше, черты спонтанности характеризуют как речь гостей студии, так и речь самих ведущих радиопередач. Рассмотрим языковые средства, способствующие созданию естественности дискурса радиодискуссий.

В лексический состав спонтанной речи входит *разговорная лексика* [3; 6]. Как правило, *р а з г о в о р н а я л е к с и к а* употребляется в непринужденной речи, в неофициальной обстановке. Она относится к сниженной лексике, но не настолько экспрессивна, как просторечия, употребляемые в эмоциональных речевых ситуациях, при дружеских и фамильярных отношениях. Собственно разговорная лексика не нарушает норм литературного языка, в то время как просторечные элементы, вбираемые разговорным стилем, нарушают нормы кодифицированного языка [7, с. 294–295]. Поскольку в данном исследовании речь идет о медийном массово ориентированном дискурсе,

чрезмерное употребление жаргонизмов и просторечий, по нашему мнению, было бы неуместно и неестественно. В литературе по лингвистике говорится о том, что разговорно маркированные слова составляют не более 8–10% от всего лексического фонда высказываний в обиходной речи [6]. Проведенный нами анализ показал, что в радиодискуссиях на английском и белорусском языках количество разговорных слов составляет менее 5 %. Например: *Tell us about that story, you must be **dead beat** (= exhausted, informal¹)* гэта не будзе які-небудзь еўрапамонт, як часта робіцца, ай, там **шлён-шлён**, затынкавалі, навясную столь зрабілі, і ўсё. Использование в исследуемых радиодискуссиях разговорной лексики снимает установку на официальность сообщений, способствует интимизации общения.

В свободной и дружеской атмосфере общения реализуются две противоположные тенденции разговорной речи: производство новых языковых единиц и стремление к использованию готовых (клише, шаблонов, стереотипов) [2]. В эфире радиодискуссий участники могут прибегать к игре слов, спонтанно сочетая морфемы, слова, производя свежие комбинации, которые звучат достаточно креативно: *Слава Богу і маім настаўнікам валагодскім!* ; *She is **multiheaded, multitongue, wow-how manager** (about the guest)*. Данная тенденция была выявлена в 27 % белорусских и 33 % британских радиодискуссий. Стереотипные лексические единицы встречаются в 100 % радиодискуссий на обоих языках.

Для выражения коммуникативно-прагматической информации и создания эффекта неподготовленности используются модальные наречия и частицы, вводные (модальные) слова, междометия. В 90-е гг. для обозначения данного функционального класса лексических единиц стал широко употребляться термин *дискурсивные слова* или *дискурсивные маркеры* [8]. В данном случае акцентируется связь с коммуникативной ситуацией, дискурсом. Основной функцией дискурсивного слова в устной коммуникации является функция структурирующего маркера, объединяющая в себе функцию конектора (действующего внутри высказывания) и артикулятора (служащего для упорядочивания различных мыслительных операций внутри текста) [9]. Например: *I'm blessed, **you know**, to be here now* ; *I ўжо прайшло, **ну**, каля дзесятка такіх канферэнцый*.

Одним из наиболее очевидных индикаторов спонтанности речи являются заполнители пауз (time-fillers). В анализируемых дискуссиях они представляют собой звукосочетания (*eh, em, э-э, м-м*) или слова (*well, just, yes, вось, там*). Как правило, названные элементы заполняют паузы колебания (хезитации) или обдумывания. В качестве заполнителя пауз может выступать целая фраза, которая готовит слушателей к восприятию дальнейшего текста и в то же время позволяет говорящему сформулировать мысль. Например: *very hard to explain* ; *Што я хачу сказаць*.

¹ Longman English Dictionary of Contemporary English. – London : Longman, 1995. – P. 116.

Являясь несомненными спутниками разговорной речи, заполнители пауз придают ей некоторую небрежность. Такой же эффект достигается путем использования “лишних” лексических элементов в высказывании. Например: *Ну вось такая гісторыя што вельмі простая.* Кроме того, в разговорной речи участников радиодискуссий могут встречаться грамматические неточности, такие как несогласованность грамматических форм, контаминация прямой и косвенной речи. Например: *I'm ... think ... I'm lucky ; Ён казаў ... што ... я вельмі ганаруся краінай, дзе нарадзіўся.* Говорящие часто (в 90% белорусских и в 76% британских дискуссий) неоправданно дублируют имена существительные личными местоимениями. Например: *Гэтыя акцыі, яны накіраваны на палітэканне сучаснага стану навакольнага асяроддзя.*

Поскольку спонтанная речь допускает неточности, то в дискурсе радиодискуссий достаточно распространенным явлением представляется самокоррекция в ходе коммуникации. Она может осуществляться различными способами. Для белорусских дискуссий характерна самокоррекция путем повторения исправленного слова или части фразы. Например: *тэатральным ... тэатральнай машынарыі ; Альбо дырэктывы пра месца абітання ... месца жыцця.* Чаще всего самокоррекция в дискуссиях белорусского радио имеет место, когда участники передачи “передумали” употребить какое-то слово и спонтанно заменили его другим или словом, более типичным для белорусского языка. Значительно реже белорусские гости радиостудии акцентируют внимание слушателей на моменте самокоррекции. Например: *гэта мая праграма, каторая ... мая ... я кажу мая ... наша праграма ... праграма нашай радыёстанцыі “Беларусы ў свеце”.* Они предпочитают просто вернуться и дать правильный вариант. Для британских дискуссий также характерна самокоррекция путем повторения исправленного фрагмента. Однако участники дискуссий радио BBC, как правило, не стремятся скрыть допущенную неточность. Чаще всего они корректируют сказанное с помощью слов *sorry + исправленный вариант* и *no + исправленный вариант*. Например: *You told us about that country ... sorry, Spain.*

Неточности и ошибки в речи и, как результат, самокоррекция указывают на спонтанность дискурса, т.е. на “непосредственное отражение процесса первоначального развертывания лексико-грамматической программы, его самый первый, черновой вариант” [10, с. 245]. О спонтанности речи участников радиодискуссий также сигнализирует перебор синонимичного ряда, многократный повтор одного и того же слова в пределах одного или нескольких предложений: *Выказаць некаторыя свае думкі, свае разважанні, прапановы ; каб людзі ганарыліся сваім паходжаннем ... мы павінны ганарыцца гэтай гісторыяй. Я сам як гісторык, я ганаруся нашай гісторыяй ... У нас гэта вызывае годнасць, ... мы ганарымся гэтым. Жадаю, каб усе нашы беларусы ганарыліся гэтым.* В последнем примере слово *ганарыцца* использовано шесть раз в шести предложениях подряд. Многократные повторы и нагромождение синонимов являются в дискурсе радиодискуссий наиболее распространенным способом подчеркнуть важность информации, выделить конкретные элементы.

Большинство исследователей разговорной речи, как отмечалось выше, среди ее типичных характеристик называют эмоциональную насыщенность. Эмоциональность речи придает использование эмотивных слов и клише (*Божа мой! Дзякуй Богу! Heavens! Gosh!*), метафор (*сэрца абмірае*), сравнений (*like angel's wings*), превосходной степени имен прилагательных, восклицательных и вопросительных предложений, эмфатических наречий и частиц (*вельмі, настолькі, аж, так, absolutely, so, such*), междометий (*о, ой, wow, ау*), эмфатического повтора, риторических вопросов. Например: *Беларусам ну так гэта спадабалася! It's absolutely fascinating for me! How cool, I'm shocked!*

Обращаясь в синтаксическому уровню дискурса радиодискуссий, следует отметить тенденцию к упрощению, сокращению, типичную для разговорной речи [2 ; 11 ; 12]. Речь идет, главным образом, об эллиптических предложениях, которые подразумевают опущение того или иного члена. В белорусских радиодискуссиях эллипсы, в основном, встречаются в речи участников, отвечающих на вопросы ведущих. В дискуссиях британского радио эллиптические высказывания характерны в равной степени как для ведущих, так и для гостей студии. Например: *В е д у щ и й . Just wanna come back to that story ; Г о с т ь . Лічу, што за гэтыя дзесяцігоддзі нічога не змянілася.*

Для дискуссий на белорусском языке, для которого характерен свободный порядок слов, типичным представляется “естественное” развертывание фразы [13, с. 92]. Такое развертывание отражает очередность появления в сознании говорящего компонентов мысли и является синтаксически непоследовательным. Зависимые слова располагаются не всегда рядом. “Речевая цепочка” часто разорвана, происходят перебои в синтаксической структуре [10 ; 13]. Прежде всего это неплавные стыки синтаксических структур, обрывочные фразы, спонтанный переход от одного компонента фразы к другому. Например: *Ды я магу сказаць ... Упэўненая, я адчуваю сябе ўпэўнена.* При этом на первое место в высказывании выносятся новая, наиболее важная информация. Например: *І гэта вось упершыню беларуская дыяс-пара зрабіла.* “Разорванность” синтаксической структуры характерна и для дискурса британских радиодискуссий: *It's a sort of ... It's a temptation.* Достаточно часто, особенно в белорусских дискуссиях, встречаются “недосказанные” фразы, которые можно условно восстановить. Например: *Кажу, вось калі партрэт сацыяльны ствараць нашых людзей, нашых землякоў у Краснаярску ... (= якім ён будзе?). А яна мне адказвае: “Мы гэта ўжо зрабілі...” ; Аказваецца, яны паміж сабой ... (= размаўляюць) Хто? Дзе? Як даведаліся?.*

При сопоставлении радиодискуссий на белорусском и английском языках, в последних было выявлено больше перебивов и подхватов, шероховатостей в процессе смены коммуникативных ролей. Например: *Г о с т ь . to a certain extent, I mean ... В е д у щ и й . sure of it ... Г о с т ь . Sure of it... You know it's an ambition of a big company.*

Для синтаксиса разговорной речи характерно употребление вводных, вставных и присоединительных конструкций. Они широко используются в речи участников исследуемых радиодискуссий. Такие компоненты, содержащие дополнительную информацию, попутные замечания или выполняющие модально-оценочную функцию, размыкают непрерывность синтаксических связей во фразах и создают впечатление неподготовленности речи [7 ; 14]. Например: *Гэта ... ну я не ведаю ... гэта так проста – знайсці падыход да гэтых людзей!* ; *У іх ёсць сетка Натура 2000 (эквівалент нашым заказнікам), якая мае сваёй мэтай* ; *What effect did it make on you, this experience you had?*

Итак, применяя основные критерии разговорной речи к анализу современной радиодискуссии, очевидно, что в целом речь участников дискуссий белорусского и британского радио соответствует представлениям о естественной спонтанной речи. Неофициальный характер дискурса радиодискуссий, а также отношений между коммуникантами обусловлен использованием разговорной лексики, дискурсивных слов, эллиптических предложений, заполнителей пауз, вводных, вставных и присоединительных элементов. О неподготовленности и спонтанности речи участников радиопрограмм свидетельствуют перебои в синтаксической структуре, “недосказанные” фразы, перебивы и подхваты, самокоррекция, повторы и перебор синонимичного ряда.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Нестерова, Н.Г.* Коммуникативно-прагматическая специфика спонтанного радиодискурса / Н.Г. Нестерова // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2009. – № 318. – С. 37–41.
2. *Земская, Е.А.* Русская разговорная речь / Е.А. Земская, М.В. Китайгородская, Е.Н. Ширяев. – М. : Наука, 1981. – 276 с.
3. Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского языка. Лексика / О.Б. Сиротина [и др.]. – 2-е изд. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – 251 с.
4. *Цурикова, Л.В.* Естественность дискурса как когнитивно-прагматический феномен / Л.В. Цурикова // С любовью к языку : сб. науч. тр., посвящ. Е.С. Кубряковой. – М. ; Воронеж : ИЯ РАН ; Воронеж. гос. ун-т, 2002. – С. 419–429.
5. *Вельмезова, Е.В.* Исследования по спонтанной речи, представленные на XV Междунар. конгрессе фонетических наук (Барселона, 2003) / Е.В. Вельмезова, М.В. Завьялова, Т.М. Николаева // Проблемы фонетики : сб. ст. ; отв. ред. Р.Ф. Касаткина. – М. : Наука, 2007. – Вып. 5. – С. 24–43.
6. *Девкин, В.Д.* Немецкая разговорная речь: Синтаксис и лексика / В.Д. Девкин. – М. : Междунар. отношения, 1979. – 256 с.
7. *Жеребило, Т.В.* Словарь лингвистических терминов / Т.В. Жеребило. – 5-е изд., испр. и доп. – Назрань : Пилигрим, 2010. – 486 с.

8. *Кобозева, И.М.* Описание означающего дискурсивных слов в словаре: не-реализованные возможности / И.М. Кобозева // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9, Филология, 2006. – № 2. – С. 37–55.
9. *Алексеева, А.А.* Дискурсивное слово “enfin” – коннектор или артикулятор? / А.А. Алексеева // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19, Лингвистика и межкультур. коммуникация, 2005. – № 3. – С. 118–123.
10. *Долинин, К.А.* Стилистика французского языка / К.А. Долинин. – 2-е изд., дораб. – М. : Просвещение, 1987. – 303 с.
11. *Трофимова, Э.А.* Структурные особенности английской разговорной речи / Э.А. Трофимова. – Ростов н/Д, 1972. – 99 с.
12. *Скребнёв, Ю.М.* Введение в коллоквиалистику / Ю.М. Скребнёв ; под ред. О.Б. Сиротининой. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1985. – 210 с.
13. *Мечковская, Н.Б.* Общее языкознание. Структурная и социальная типология языков : учеб. пособие для студентов филол. и лингв. специальностей / Н.Б. Мечковская. – 2-е изд. – М. : Флинта: Наука, 2001. – 312 с.
14. *Валгина, Н.С.* Синтаксис современного русского языка : учебник / Н.С. Валгина. – М. : Агар, 2000. – 416 с.

The article deals with some lexical and syntactic means that make the speech of participants in British and Belarusian radio discussions spontaneous, free and natural. These are such lexical means as discourse and colloquial words, time-fillers, repetitions, and syntactic means – elliptic sentences, parenthetical clauses, interruptions, taking up the speech and some others. Moreover self-corrections, grammatical errors and spontaneous production of new words and word combinations make the character of radio discussions informal and colloquial.

Поступила в редакцию 29.06.12

РОМАНСКОЕ И ГЕРМАНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

О.В. Борчук

РЕЦИПИЕНТ КАК СЕМАНТИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ
СТРУКТУРЫ НЕМЕЦКОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

В статье продолжает дальнейшее развитие тема гиперролевого характера адресата сквозь призму изучения его варианта – семантической роли *реципиент*. Определение семантического статуса реципиента зиждется на нескольких положениях. В качестве основополагающего рассматривается самостоятельность семантической категории реципиентности, что находит свое подтверждение в явлении *топикализации*, присущего ряду языков, в том числе немецкому.

Детальное рассмотрение реципиента в ходе практического анализа материала позволяет утверждать, что, являясь вариантом гиперроли *адресат*, реципиент сам предстает как инвариант, включающий объединенные общим смыслом реципиентности *реального реципиента* и *потенциального реципиента*. Анализ реализационных особенностей реципиента выявляет присутствие в одной семантической структуре разных конstituентов с общим смыслом адресации, например, реципиент и бенефактив, а также разных вариантов самого реципиента, что закрепляет тезис о возможности более чем одноразовой представленности в семантике предложения тождественных по денотату ролей.

В концептуальном плане рассмотрение вопроса о семантическом статусе реципиента основывается на целом ряде положений. Суть основного положения может быть кратко сформулирована следующим образом: как и гиперроль *адресат*, составляющими которой являются реципиент, бенефактив, дебенефактив, акциональный адресат, речевой адресат и процессуальный, реципиент, входя в поле адресации, сам выступает как самостоятельная, производная категория, отражающая определенную структуру ситуации во внеязыковой действительности. Одним из доводов в пользу такого взгляда может служить, по утверждению Ч. Филлмора, присущее ряду языков явление *топикализации* заинтересованного лица [1, S. 79]. В случае т о п и к а л и з а ц и и адресат (реципиент) предстает как лицо или объект, по отношению к которому рассматривается весь процесс, он становится отправной точкой формирования предложения (традиционным подлежащим). В некоторых языках это оказывается настолько важным, что возрастание семантической значимости адресата (реципиента) приобретает уже не окказиональный, а постоянный характер с соответствующим синтаксическим выражением. В качестве яркого примера постоянного возведения адресата в ранг “топика” – исходной точки высказывания – при переходе от реляционной пропозиции к первичному предложению называется баскский язык, чешский, “пассив-2” во французском языке и др. В немецком языке данное явление фиксируется в так называемом косвенном (адресатном) пассиве (*indirektes Passiv*, *Adressatenpassiv*, *Rezipientenpassiv*) [2, S. 75]. Тенденцию превращения косвенного дополнения в подлежащее пассивной конструкции объясняют тем, что с глубинной точки зрения косвенное дополнение ставится перед прямым как следствие интереса, проявляемого именно к людям, а не к предметам, вещам. При адресатном пассиве лицо – адресат действия становится

исходным предметом мысли. Эта разновидность пассива указывает на то, что лицо, в интересах которого совершается действие и которое образует исходный момент формирования высказывания – это величина данная, известная, о ней должно сообщаться нечто новое. Следовательно, наряду с семантическим выделением адресата (реципиента), косвенный пассив выдвигает роль адресата в позицию темы сообщения. В немецком языке косвенный пассив образуется почти от всех глаголов, управляющих дательным падежом, что и отражено в самом названии “*indirektes Passiv*”. Название же “*Rezipientenpassiv*” объясняется иначе, за счет того, что образование этого вида пассива отмечено участием глаголов с семой получения: глагол *bekommen* и его эквиваленты *kriegen*, *erhalten*. И такие сочетания, т.е. сочетания названных глаголов с причастием II переходного глагола, заметно превращаются из приметы стиля только обиходно-разговорной речи в общую черту языка, принадлежность и других стилей, в частности, художественной литературы и прессы. Тем самым они приобретают характер узуального явления в языке, а не какого-то особого, стилистически маркированного средства выражения.

Глаголы группы *bekommen* пассивны по своей природе, означают получение или приобретение чего-либо без собственного участия, а по своей морфолого-синтаксической форме эти глаголы являются активными, так как передают действие, исходящее от агента и направленное на семантическую единицу – не-агента. Именно эта семантическая единица (адресат, реципиент) выдвигается в косвенном пассиве из периферийной позиции грамматического объекта – традиционно дательного падежа (*Aktiv*, *Passiv*) в центральную позицию субъекта – традиционно именительный падеж. Если сопоставить три предложения *Der Betrieb hat meinem Bruder eine Wohnung zugesprochen* (*Aktiv*) ‘Предприятие выделило моему брату квартиру’ (активный залог) ; *Die Wohnung wurde meinem Bruder vom Betrieb zugesprochen* (*Passiv*) ‘Квартира была выделена моему брату предприятием’ (пассивный залог) ; *Mein Bruder hat vom Betrieb eine Wohnung zugesprochen bekommen* ‘Мой брат получил от предприятия квартиру’, то правомерным будет утверждать, что, несмотря на эквивалентное содержание, оно по-разному ”перспективизируется“ в каждом из них. В примере (*Aktiv*) внимание акцентируется на роли агента, т.е. все событие представляется с той точки зрения, кем осуществляется действие. Семантической же роли *адресат* отводится при этом периферийная роль косвенного объекта. Во втором примере пассив сигнализирует о нарушении соответствия *агента=субъект* и о возросшей значимости смыслового объекта. Третий пример показывает уже возникновение соответствия *адресат=субъект*, т.е. возросшую значимость семантической роли *адресат*. Адресат может быть при этом получателем глагольного действия в прямом смысле, т.е. реципиентом: *Sie bekam einen kleinen Hund geschenkt* ‘Ей подарили собаку’ ; *Er erhielt das Schreiben ausgehändigt* ‘Ему вручили письмо’. Он может быть и тем, в чью пользу совершается действие, т.е. бенефактивом, например: *Ich bekomme meine Bitte erfüllt* ‘Мою просьбу выполнили’. Он может быть также синтаксическим вы-

разителем семантической функции того, кому просто адресуется действие, т.е. собственно адресатом: *Er bekam eine Szene geschildert* ‘Ему описали происшествие’. Изложенное подтверждает, что гиперроль *адресат*, как и все ее составляющие, в том числе реципиент, имеют собственный денотат и обладает способностью выступать в качестве подлежащего синтаксической структуры предложения.

Следующим положением, заслуживающим особого внимания, является внутренняя неоднородность реципиента как инварианта, предстающего в конкретной реализации в разного рода вариантах, объединенных общим смыслом рецепции. Реципиент как воплощение получателя действия реализуется глаголами со значением передачи чего-то, приема какого-либо предмета. Именно семантическим типом предиката определяется выведение инварианта – вариантов семантической роли. Об этом прямо говорил в свое время Ф. Данеш [3, S. 120], утверждая, что различные ценности именных компонентов (носителей семантических ролей в структуре предложения) зависят от свойств конкретного финитного глагола. Столь же однозначно высказывался и У. Чейф, по мнению которого природа глагола определяет, что собой будет представлять остальная часть предложения: какие имена существительные будут сопровождать глагол и какие роли при нем они будут выполнять [4, с. 167]. Учет широкого семантического взаимодействия, а не только одностороннего воздействия самой общей семантики предиката на именованное слово в ролевой позиции позволяет дифференцировать в реципиенте такие его семантические составляющие, как *реальный реципиент*, *потенциальный реципиент*.

Р е а л ь н ы й р е ц и п и е н т означает такую семантическую единицу в сфере предиката, которая воплощает прямого получателя действия. Отношение реальной рецепции осуществляется глаголами, обуславливающими своей семантикой обязательное вручение объекта реципиенту. Действие, исходя от агента и будучи активным, вместе с тем отмечено и признаком ‘пассивность’, если считать включенной в него позицию того, кому оно адресовано и кто сам не действует, а лишь принимает результат действия. Эта семантическая роль верифицируется вопросом: “Что имеет кто-то после совершения определенного действия?": *aus Freundlichkeit haben Obengenannte ihm hier und da einen Groschen für seine Vermittlung gegeben ...* ‘из любезности вышеназванные давали ему копейки за его посредничество ...’; *...er hat einem Polenmädchen einen Kamm geschenkt ...* ‘... он подарил польской девушке гребенку ...’ [Н.К.]. Глаголы *geben*, *schenken* содержат сему ‘вручение’, которая и детерминирует переход объекта от активного лица (агента) к пассивному получателю (реальному реципиенту). В результате действия-передачи реципиент становится обладателем определенного материального объекта (денег, гребенки). Но для реализации рецепции глагол может и не содержать в своем основном статусе сему ‘вручение’, а приобретать такой семантический компонент, а вместе с ним и способность реализовать отношение конкретной рецепции. *Sie nimmt, sie dankt und kämpft*

ihm sechzig Pfennig über den Preis in die Hand Hände ‘Она берет, благодарит и сует ему в руку шестьдесят пфеннингов сверх цены’ [Н.К.]; *Sie nahm die Sachen vom Fensterbrett und drückte sie der Mutter schnell in die* ‘Она взяла вещи с подоконника и незаметно сунула в руки матери’ [Ch.W.]. Глаголы *kämpfen, drücken* получают сему ‘вручение’ в контекстах *in die Hand kämpfen, in die Hände drücken* (кому-то что-то). Ситуация реальной рецепции находит свое отражение главным образом в агентивно-реципиентно-пациентивной структуре предложения-высказывания. Но глаголы с семой ‘получение’ способны отражать реальную рецепцию и в реципиентно-пациентивной структуре: это означает, что наличие агента не всегда обязательно, он может быть presupponирован или имплицирован в более широком реализуемом содержании. *Das Nachthemd, das sie in Meissen bekommen hatte, kam als nächstes an die Reihe ...* ‘Следующей была на очереди ночная сорочка, которую она получила в Майсене...; *Hagen hatte nämlich einen eingeschriebenen Brief erhalten* ‘Хаген получил заказное письмо’ [J. В.]. В первом предложении активное лицо (*sie*), вручившее реципиенту предмет (*das Nachthemd*), presupponировано и поэтому известно: это отец получательницы, т.е. отправитель, который живет в Майсене. И во втором предложении, лицо, приславшее письмо (мать домработницы Хагена), т.е. агентив (отправитель), передано реализуемым и более широким содержанием и не выражается в структуре самого высказывания. Что касается предмета передачи – пациентива, то его присутствие обязательно, без него ситуация реальной рецепции в ее языковой передаче просто не может состояться. Подлинная ситуация реальной рецепции предполагает разные денотаты для агента и реципиента, поэтому и выражение в высказывании у них бывает преимущественно раздельным, не синкретичным. Но в редких случаях наблюдается синкретичность реципиента и агента: *Er gab sich selbst gern Weihnachtsgeschenke* ‘Он любил делать себе рождественские подарки’; ... *der Vater hatte sich ein Pferd zum Geschenk gemacht...* ‘... отец подарил себе лошадь...’ [A.S.]. В текстовом воплощении возможны случаи, когда отношение рецепции реализуется не глаголами приема и передачи, а какими-то другими, и тогда определение роли реального реципиента возможно только с учетом всего смыслового окружения: *Die Braut hatte ihm geschrieben, sie habe eingesehen, ihr Verlöbniß sie ein Irrtum* ‘Невеста написала ему, она поняла, что их помолвка была ошибкой’ [A.S.]. Глагол *schreiben* предполагает адресата, но не детерминирует обязательное вручение написанного определенному лицу. Однако в приведенном примере речь идет не просто об адресате, а о женихе, получившем письмо от невесты, т.е. о реципиенте. Это становится очевидным только из всего смыслового окружения.

П о т е н ц и а л ь н ы й р е ц и п и е н т как семантическая единица в сфере предиката воплощает возможного получателя. Отношение потенциальной рецепции реализуется глаголами, которые или парадигматически обладают семой предназначения, или получают ее в реализуемом высказы-

вании. Актуализируя потенциальную рецепцию, глаголы не детерминируют обязательное вручение объекта реципиенту, в отличие от глаголов, актуализирующих ситуации реальной рецепции, где это условие является определяющим. Потенциальный реципиент верифицируется вопросом: “Что может иметь кто-то после совершения действия?”: *Wenn nicht der Vater in seinem Begleitbrief dieses Geschenk ausdrücklich für beide Töchter bestimmt hätte, ... hätte die Mutter die ukrainische Sendung allein der Jüngeren zugedacht* ‘Если бы отец в своем сопроводительном письме категорически не предназначил этот подарок для обеих дочерей... она бы вручила украинскую посылку только младшей’ [A.S.]. Глаголы *zudenken*, *bestimmen* содержат сему ‘предназначение’, а значит, и возможное (но не обязательное вручение чего-то определенному лицу. Поэтому лицо, могущее получить или не получить предназначенный для передачи предмет (деньги, подарок), может рассматриваться только как потенциальный реципиент. Если сема ‘предназначение’ не задана парадигматической семантикой глагола, он может приобретать ее (и свойство реализации потенциальной рецепции) в окружении реализуемого содержания: *Sie blättern ihm die zwölfhundert Jahresmiete auf den Tisch ...* ‘Она положила ему на стол двести марок квартплаты ...’ [H.L.]. Глагол *blättern* приобретает способность передавать отношение потенциальной рецепции в смысловой дистрибуции *j-m die zwölfhundert Mark auf den Tisch blättern*.

Потенциальный реципиент еще в большей степени, чем реальный, отмечен признаком ‘пассивность’: действие может происходить не только без его участия, но даже и без его ведома: *Für die “Nachtwache” verlieh ihm die Akademie ihren Preis* ‘За “Ночной дозор” академия присудила ему премию’ [B.R.]. Иначе говоря, потенциальный реципиент может какое-то время не знать о том, что он является возможным получателем чего-то (приза и т.п.), и это еще больше усиливает пассивный характер его роли. Наличие предмета передачи (пациентива) является обязательным для реализации потенциальной рецепции, а значит, отношение потенциальной рецепции может реализоваться только в агентивно-пациентивной структуре: *Sie könnte dem seltenen Gast leider nur eine Tasse Kaffee anbieten* ‘Она смогла предложить редкому гостю, к сожалению, только чашку кофе’ [W.J.] ; *Sie hatte den Lohn und kleine Trinkgelder regelmäßig der Mutter nach Pellwarm geschickt* ‘Она регулярно посылала зарплату и небольшие чаевые матери в Пеллварм’ [A.S.]. В отличие от реальной рецепции, при которой агентив может иметь имплицитный характер, потенциальная рецепция предполагает эксплицитность этой роли в семантике предложения-высказывания: *Er wartete seit zwei Stunden in Ferdinands Zimmer, Bozena hatte ihm Tee und danach Likör aufgetragen* ‘Он ждал уже два часа в комнате Фердинанда, Божена принесла ему чай и затем ликер’ [P.H.] ; ... *sie warf ihm das verschlossene alte Honigglas mit den Würmern hinüber* ‘... она бросила ему закрытую банку из-под меда с червями’ [J.B.].

Границы между потенциальным и реальным реципиентом нельзя считать жестко фиксированными. В определенных условиях возможна перекалфикация потенциального реципиента в реального получателя действия: *Sie nahm eine Zigarette an, die ihr aufmerksamer Reisegefährte ihr anbot* ‘Она взяла сигарету, которую предложил ей предупредительный попутчик ; *Sie sah die illustrierte Zeitung, die er ihr herüberreichte* ‘Она просматривала иллюстрированную газету, которую он ей подал’ [Ch.W.]. Здесь сведения, предшествующие обоим предложениям-высказываниям с потенциальным реципиентом, делают очевидным тот факт, что действия *anbieten, herüberreichen* достигают лица, оно конкретно получает их результаты. Разумеется, такой исход не всегда обязателен, реципиент может так и остаться лишь возможным получателем, например: *Meine alte Peinigerin überraschte mich eines Tages gegen das Frühjahr damit, dass sie mir eine neue Jacke und einen kurzen Rock in die Zelle brachte* ‘Моя старая мучительница удивила меня однажды ранней весной тем, что принесла мне в камеру куртку и короткую юбку’ [W.J.]. Ближайшее содержание раскрывает тот факт, что узница концентрационного лагеря, отказавшись от принесенной ей новой одежды, остается лишь возможным получателем глагольного действия. Потенциальный реципиент никогда не бывает однореферентным с агентивом. Эта особенность обусловлена тем, что за обеими семантическими ролями в реальной действительности стоят разные денотаты: *Die Eltern schickten ihrem Patenmädchen ein großes Paket* ‘Родители отправили своей крестнице большой пакет’ [J.B.].

Еще одно положение находит свое подтверждение по ходу наблюдения за реализационными особенностями реципиента: в одной семантической структуре могут сочетаться разные семантические роли – конститuentы гиперроли *adpescat*: *Und wenn sie für das Kind einen Krippenplatz bekamen, würde auch Marion mitverdienen können...* ‘И если они получают в яслях место для ребенка, тогда и Марион сможет подрабатывать...’ [H.K.]. Адресация реализуется здесь сочетанием реального реципиента (*sie*) и лица, в пользу которого совершается действие – ‘бенефактив’ (*das Kind*). В одной семантической структуре могут совмещаться разные виды реципиента: *Er bekam Aufträge an den Konsul und die ausländischen Parteistellen* ‘Он получал поручения для консула и партийных организаций’ [A.S.]. Этим предложением-высказыванием передается комплексное содержание реципиентности: получатель действия (*er*) – ‘реальный поциент’ – должен передать полученное им одушевленному лицу (*an den Konsul*) – ‘потенциальный реципиент’ и неодушевленной сущности (*an die Parteistellen*) – ‘условный реципиент’.

Заключая все вышеизложенное, можно с уверенностью утверждать, что проникновение во внутреннюю дифференциацию семантической категории адресации и ее составляющих и изложенные здесь наблюдения, рассуждения и выводы намечают интересные перспективы исследования других семантических категорий (гиперролей и ролей) в структуре немецкого предложения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Fillmore, Ch.* Plädoyer für Kasus / Ch. Fillmore // Kasustheorie. – Athenäum, 1971. – S. 1–118.
2. *Lötzsch, R.*, Die Kategorie des Genus verbi in ihrem Verhältnis zu einigen verwandten morphologischen Kategorien / R. Lötzsch, W. Fiedler, K. Kostow // *Studia grammatica*. – 1976. – Bd. 13. – S. 63–94.
3. *Daneš, F.* Semantische Struktur des Verbs und das indirekte Passiv im Tschechischen und Deutschen / F. Daneš // *Studia grammatica*. – 1976. – Bd. 13. – S. 113–124.
4. *Чейф, У.* Значение и структура языка / У. Чейф. – М. : Просвещение, 1975. – 432 с.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

- H.K. – *Kant, H.* Das Impressum / H. Kant. – 1. Aufl. – Berlin : Rütten/Loening, 1972. – 478 S.
- J.B. – *Brěsan, J.* Christa / J. Brěsan. – 20. Aufl. – Berlin : Verl. Neues Leben, 1976. – 180 S.
- A.S. – *Seghers, A.* Sie bleiben jung / A. Seghers. – 10. Aufl. – Berlin ; Weimar : Aufbau-Verl., 1967. – 595 S.
- H.L. – *Lauterbach, H.* Die schöne Marion / H. Lauterbach. – 1. Aufl. – Berlin : Verl. Neues Leben, 1977. – 583 S.
- B.R. – *Reimann, B.* Franziska Linkerhand / B. Reimann. – 4. Aufl. – Berlin : Verl. Neues Leben, 1977. – 583 S.
- W.J. – *Joho, W.* Die Kastanie / W. Joho. – 6. Aufl. – Berlin ; Weimar : Aufbau-Verl., 1975. – 329 S.
- P.H. – *Härtling, P.* Eine Frau / P. Härtling. – 1. Aufl. – Berlin ; Weimar : Aufbau-Verl., 1976. – 318 S.
- Ch.W. – *Wolf, Ch.* Der geteilte Himmel / Ch. Wolf. – 16. Aufl. – Halle/Saale: Mitteldeutscher Verl., 1971. – 270 S.

The semantic role of the recipient as the constituent of the hyperrole of *the addressee*, that is equal to the semantic role of the benefactive and the debenefactive and the addressee, is the subject detailed in this article. The recipient is not heterogeneous in character and has a number of peculiarities.

Поступила в редакцию 21.06.12

О.В. Вологина

СИНЕСТЕЗИЯ И ТЕМА-РЕМАТИЧЕСКИЕ РАЗЛИЧИЯ В ОБРАЗНОЙ ТКАНИ АНГЛИЙСКИХ И РУССКИХ СТАТЕЙ О МУЗЫКЕ И ЖИВОПИСИ

В статье представлены результаты исследования семантической структуры образной ткани искусствоведческого текста и места синестетической образности в ней (на материале английских и русских статей о музыке и живописи). Проведена семантическая классификация тем и рем образных характеристик феноменов музыки и живописи. Установлено, что в тема-рематиической структуре образной ткани текстов о музыке и текстов о живописи больше сходств, чем различий, однако в текстах о музыке тропы, и в частности синестетические образы, встречаются в среднем чаще, чем в текстах о живописи. Выявленные различия обусловлены своеобразием музыки и живописи как разных по устройству и функционированию семиотик.

1. О синестетических тропах в образной такни искусствоведческого текста. Искусствоведческие тексты почти всегда, хотя и в разной мере, содержат словесные образы, в том числе образы *синестетические*, которые представляют собой "использование слов, связанных с каким-нибудь органом чувств, для обозначения понятий, относящихся к сфере другого чувства" [1, с. 191]. Иными словами, синестетическим является такой образ, тема (объект характеристики) и рема (то, с помощью чего характеризуется объект) которого принадлежат разным сенсорным областям. Например, в сочетании *сладкое соло* слово *соло* – это тема образа: речь идет о феномене, который относится к слуховой сенсорной сфере. Между тем эпитет *сладкое* (рема образа, т.е. то, что автор говорит о теме) принадлежит сфере вкусовых ощущений.

Синестетические образы встречаются в искусствоведческих текстах отнюдь не часто, но они парадоксальны, субъективны и поэтому неожиданны и экспрессивны. Чтобы увидеть место и роль синестетических тропов в образной ткани искусствоведческого текста, было предпринято следующее исследование. В восьми статьях на русском и английском языках о музыке и живописи (по две на каждом из двух языков о каждом виде искусства)¹ путем сплошной выборки были извлечены и проанализированы все образные средства (синестетические и несинестетические)². Далее были вычислены коэффициенты насыщенности образными средствами каждого текста; выявлены семантические группы тем и рем образцов, характеризующих феномены музыкального искусства и живописи, и определены сходства и различия в семантической структуре образной ткани текстов о разных видах искусства. Это позволило определить место и роль синестетических образов в понятийно-смысловой организации рассмотренных статей и выяснить, в каких текстах – о музыке или о живописи – синестетическая образность представлена шире и почему.

2. Почему в текстах о музыке тропы встречаются в среднем чаще, чем в текстах о живописи? В табл. 1 приведены данные об объеме статей, количестве тропов и коэффициентах насыщенности³ образными средствами для каждой статьи в отдельности и для каждой пары статей.

¹ См. список условных обозначений исследованных статей (источников языкового материала) в конце статьи.

² Принимая во внимание тот факт, что рассмотренные тексты написаны на разных языках, различны по объему и жанрово-тематической направленности, мы тем не менее предположили, что в некотором смысле все статьи о музыке однородны и противопоставляются статьям о живописи, а статьи о живописи в свою очередь также рассматривались как в некотором общем смысле однородные тексты, отличные от статей о музыке. В связи с этим рассматриваемые статьи исследовались в работе не только по отдельности, но и в их совокупности (в парах, подкорпусах).

³ Коэффициент насыщенности статьи тропами равен отношению количества всех тропов (и синестетических, и несинестетических) в статье к ее объему, определенному по количеству словоупотреблений. Для удобства табличного представления результатов вычислений полученные коэффициенты были умножены на 100.

Таблица 1

Насыщенность исследуемых статей о музыке и живописи тропами и синестетической образностью в частности

Статья	Объем статьи в словоупотреблениях	Суммарный объем каждой пары статей в словоупотреблениях	Общее количество тропов в статье	Коэффициент насыщенности статьи тропами (ранг)	Средний коэффициент насыщенности тропами каждой пары статей	Количество синестетических образов в статье	Удельный вес синестетической образности в образной ткани статьи, %	Средний удельный вес синестетической образности в образной ткани для каждой пары статей, %	Коэффициент насыщенности статьи синестетической образностью	Средний коэффициент насыщенности синестетической образностью каждой пары статей
МузРус1	180	895	20	11,11 (II)	5,36 (II)	4	20 (I)	16,7 (I)	2,22 (I)	0,89 (II)
МузРус2	715		28	3,92 (VI)		4	14,3 (IV)		0,56 (V)	
МузАнгл1	287	1107	41	14,29 (I)	7,77 (I)	6	14,6 (III)	12,8 (II)	2,09 (II)	0,99 (I)
МузАнгл2	820		45	5,49 (V)		5	11,1 (V)		0,61 (IV)	
ЖивРус1	1374	1654	38	2,77 (VII)	3,57 (III)	1	2,6 (VII)	5,1 (IV)	0,07 (VIII)	0,18 (IV)
ЖивРус2	280		26	7,5 (III)		2	9,5 (VI)		0,71 (III)	
ЖивАнгл1	677	3007	41	6,06 (IV)	2,39 (IV)	3	7,3 (VII)	12,5 (III)	0,44 (VI)	0,3 (III)
ЖивАнгл2	2330		31	1,33 (VIII)		6	19,3 (II)		0,26 (VII)	
Всего тропов:			265			31				

Диапазон количественных различий в степени насыщенности рассмотренных статей образностью довольно широк и колеблется в пределах от 1,33 в статье на английском языке о живописи (ЖивАнгл2) до 14,29 в английской статье о музыке (МузАнгл1). Если объединить статьи в пары по видам искусства и языкам, то можно видеть, что в английских статьях о музыке средний коэффициент насыщенности тропами максимален (7,77), а в английских о живописи – минимален (2,39). Далее исследуемые статьи были сгруппированы по тематике (музыка/живопись) и языку (русский/английский) в четыре подкорпуса, для каждого из которых также был высчитан средний коэффициент насыщенности тропами, равный отношению общего количества тропов в подкорпусе статей к суммарному объему подкорпуса в словоупотреблениях. Полученные результаты представлены в табл. 2.

Таблица 2

Насыщенность тропами исследуемых подкорпусов статей

Подкорпус	Коэффициент насыщенности тропами
Подкорпус статей о музыке	6,69
Подкорпус статей о живописи	2,81
Подкорпус русских статей	4,2
Подкорпус английских статей	3,84

Из табл. 2 следует, что рассмотренные статьи о музыке в 2,38 раза более насыщены тропами, чем статьи о живописи, а русские искусствоведческие тексты в 1,09 раза более насыщены тропами, чем тексты на английском языке. Значимость выявленных различий в насыщенности тропами между текстами о разных искусствах была проверена и подтверждена с помощью методов математической статистики, позволяющих “с установленной надежностью по малым выборкам судить о поведении исследуемого признака в генеральной совокупности” [2, с. 65]. Проверка путем вычисления так называемого “выборочного критерия” [2, с. 93] показала, что различия в насыщенности тропами между текстами о музыке и текстами о живописи не случайны, а вызваны некоторыми систематическими факторами, поэтому действительно можно полагать, что насыщенность тропами текстов о музыке в среднем выше насыщенности тропами текстов о живописи. Это объясняется тем, что музыка – более абстрактное, чем живопись, неденотативное искусство, произведения которого сложнее точно охарактеризовать словами и интерпретировать, используя прямые, необразные характеристики, поэтому авторам статей о музыке приходится чаще обращаться к воображению читателя, вызывая у него нужные для понимания того или иного музыкального произведения ассоциации с помощью образно-выразительных средств.

Аналогичным образом была проверена значимость выявленных межъязыковых различий, в результате чего выяснилось, что различия между русскими и английскими искусствоведческими текстами хоть и минимальны, но значимы: тексты на русском языке в большей степени насыщены тропами, чем тексты на английском языке. Это связано с тем, что русские авторы более экспрессивны и эмоциональны в своей манере вербального представления феноменов искусства, чем английские.

3. Темы (“объекты”) образных характеристик в статьях о музыке и в статьях о живописи: факторы сходств и различий. Семантика тем образов в статьях о музыке представлена следующими семантическими группами и подгруппами. 1. “Музыкальное произведение”: 1.1. “Часть произведения” (34/ 25,4%)¹, 1.2. “Произведение в целом” (29/21,6%), 1.3. “Структурный элемент произведения” (22/16,4%), 1.4. “Альбом (собрание произведений)” (15/11,2%), 1.5. “Музыкальный стиль, жанр” (5/3,7%), 1.6. “Текст песни” (2/1,5%); 2. “Исполнитель (композитор) произведения”: 2.1. “Манера исполнения” (14/10,5%), 2.2. “Личные качества исполнителя” (4/3%), 2.3. “Голос исполнителя” (3/2,2%); 3. “Музыкальный инструмент (его звучание)” (3/2,2%); 4. “Лейбл звукозаписи” (3/2,2%). В статьях о живописи присутствуют следующие группы и подгруппы тем образов. 1. “Произведение живописи”: 1.1. “Картина (живописное творчество художника в целом)” (40/30,5%), 1.2. “Предмет изображения” (36/27,5%), 1.3. “Цвет, тон, оттенок, краски” (23/17,6%), 1.4. “Выставка (собрание произведений)” (6/4,6%); 2. “Художник”: 2.1. “Живописная манера” (11/8,4%), 2.2. “Личные качества” (9/6,9%); 3. “Впечатление (эффект), который картина (живопись) производит на зрителя” (6/4,6%).

Группы образов, темами которых являются “Произведение (музыки/живописи)” и “Музыкант (композитор)/Художник”, присутствуют и в текстах о музыке, и в текстах о живописи, причем в текстах об обоих искусствах они являются наиболее многочисленными. Для образной ткани рассмотренных текстов, как о музыке, так и о живописи, характерны следующие подгруппы данных семантических групп: “Музыкальное произведение/картина (творчество художника в целом)” (*симфония*² более эпична, монументальна (МузРус2); *lovely song* ‘прекрасная песня’³ (МузАнгл2); *Каждая работа Инессы Помеловой исполнена особой поэтичностью* (ЖивРус2); *apocalyptic paintings* ‘апокалиптические картины’ (ЖивРус1); *somber works* ‘темные (мрачные) произведения’ (ЖивРус1); “Личные качества музыканта/художника” (*a pianist of extraordinary precision* ‘пианист исключительной точности’ (МузАнгл1); *unique artist* ‘уникальная артистка’ (МузАнгл2); *стоит вспомнить о пути народного мастера, пройденном с волевой и страстной целеустремленностью* (ЖивРус1); “Манера исполнения (музыкального про-

¹ В скобках указаны количество и процент образов, относящихся к той или иной семантической группе.

² В примерах, иллюстрирующих семантику тем образов, выделены темы, а в примерах, иллюстрирующих семантику рем, – ремы.

³ Семантизация английских примеров представляет собой “технический”, почти дословный перевод.

изведения)/Живописная манера” (*his over-deliberate approach to the central climax* ‘его чрезмерно осторожное приближение к центральной кульминации’ (МузАнгл1); *мягкость касания кисти* (ЖивРус2); *Nickson's brushwork is exquisite and yet explicit to the point of aggressiveness...* ‘Живописная манера Никсона изысканна и точна (ясна, подробна) до агрессивности...’ (ЖивАнгл2).

Таким образом, тексты о музыке и живописи схожи в главном: в них присутствуют основные объекты критических статей – произведение и его исполнитель или создатель. Семантическая группа образов с темой “Произведение” является наиболее многочисленной в обоих корпусах образов, а группа образов, темой которых является “Музыкант/Художник”, стоит на втором месте. Подгруппы “Часть произведения” (34/25,4%) и “Произведение в целом” (29/21,6%) преобладающей семантической группы (“Произведение”) чаще всего становятся объектами характеристики в статьях о музыке, в то время как в статьях о живописи чаще встречаются характеристики подгрупп “Картина (творчество художника в целом)” (40/30,5%) и “Предмет изображения” (36/27,5%). Наличие групп “Альбом (собрание музыкальных произведений)” и “Выставка (собрание произведений живописи)” можно считать еще одной общей чертой текстов о музыке и живописи, поскольку по сути они являются аналогами друг друга, но для разных искусств.

Что касается различий между рассмотренными статьями о музыке и живописи, семантика тем образов в статьях о музыке, представленная 11 семантическими подгруппами, более разнообразна, чем в статьях о живописи, где присутствует 7 семантических подгрупп тем. Так, в корпусе образов из текстов о живописи нет, например, семантических групп “Часть произведения” (*монументальный финал* (МузРус2), *deceptively calm opening* ‘обманчиво спокойное вступление’ (МузАнгл1)) и “Структурный элемент произведения” (*в альбоме нет взрывной динамики* (МузРус1), *cosy harmonies* ‘уютные гармонии’ (МузАнгл2)). Этот факт обусловлен такой семиотической особенностью произведений изобразительного искусства, как их одноуровневость: «живописное произведение не строится из содержательных единиц “младшего ранга”, в отличие от музыкального произведения» [3, с. 344].

Причины отсутствия группы “Цвет, тон, оттенок, краски” в текстах о музыке являются очевидными. Что же касается текстов о живописи, то в них данная группа является одной из наиболее важных. Цвет для художника – сильное средство выразительности, с помощью которого он передает не только физические качества изображаемых объектов, но и общий психологический тон, вызывая радостное, бодрое чувство или тоску, печаль. Пионер и теоретик абстрактного искусства В.В. Кандинский в книге “О духовном в искусстве”, рассуждая о значении цвета в живописи, отмечает его мощное физическое и психическое воздействие на человека: “... цвет является средством, которым можно непосредственно влиять на душу. Цвет – это клавиш; глаз – молоточек; душа – многострунный рояль” [4, с. 45]. Не удивительно поэтому, что в рассмотренных текстах о живописи группа “Цвет, тон, оттенок, краски” (*щедрые краски* (ЖивРус1), *empty reds* ‘пустые красные цвета’ (ЖивАнгл1) – одна из наиболее многочисленных (23/17,6%).

Живописи, исключая абстрактное искусство, как известно, свойственна изобразительность, фигуративность, т.е. в ней “преобладает прямая и сильная иконичность” (в противовес условности, абстрактности музыки) [3, с. 344]. Поэтому в текстах о живописи присутствует группа тем, не характерная для образов из текстов о музыке, – “Предмет изображения”. Образы с такой темой характеризуют ту часть действительности, которую художник запечатлел на своем полотне, т.е. то, что зритель видит на картине: *sky agitated by ragged clouds* ‘небо, взволнованное рваными облаками’ (ЖивАнгл2); *frieze-like arrays of bathers can be seen as dispositions of shapes under the control of an elevated purpose...* ‘похожие на фризы построения (войска) купальщиц можно рассматривать как расположения форм под контролем высокой цели...’ (ЖивАнгл2).

Группа “Впечатление (эффект), которое картина (живопись) производит на зрителя” (*Rothko's apocalyptic, wine-red paintings of illusory windows or doors take viewers to disorientating depths of the imagination* ‘Апокалиптические, цвета красного вина, изображения иллюзорных окон или дверей Ротко уводят зрителей в дезориентирующие глубины воображения’ (ЖивАнгл1) также присутствует только в рассмотренных текстах о живописи. Однако не исключено и вполне вероятно, что ее аналог для статей о музыке (“Впечатление (эффект), которое музыка производит на слушателя”) может появиться при условии исследования большего объема текстов.

Специфическими только для текстов о музыке семантическими группами тем образов, по понятным причинам, являются группы “Голос исполнителя” (*laconic vocal delivery* ‘лаконичная вокальная подача’ (МузАнгл2), “Текст песни” (*puppy-love lyrics* ‘слова песни о детской любви’ (МузАнгл2), “Музыкальный инструмент (его звучание)” (*paradisical flutes* ‘райские флейты’ (МузАнгл2), “Лейбл звукозаписи” (*Лейбл “Dynamophone” (Калифорния) в последнее время становится если не флагманом, то, по крайней мере, очень заметным игроком на поле инструментальной музыки* (МузРус1). А вот тот факт, что в исследуемых статьях о живописи отсутствует группа “Стиль, жанр” (*мечтательный гитарный эмбиент* (МузРус1), *jarringly inserted rap* ‘резко/раздражающе вставленный рэп’ (МузАнгл2), не исключает вероятности ее появления в других текстах о живописи, не вошедших в рассматриваемую выборку, в связи с чем ее нельзя считать семантической группой, специфической только для текстов о музыке.

4. Ремы (“сказанное о теме”) образных характеристик в статьях о музыке и в статьях о живописи: факторы сходств и различий. В рассмотренных статьях о музыке выявлены следующие семантические группы и подгруппы рем образов. 1.“Абстрактные характеристики” (65/48,5%); 2.“Синестетические характеристики” (19/14,2%); 3.“Человек”: 3.1.“Качества, присущие человеку” (14/10,5%), 3.2. “Действия, присущие человеку” (4/3%); 4.“Действия, не свойственные феноменам музыки” (11/8,2%); 5.“Характеристики, принадлежащие сфере музыки” (10/7,5%); 6.“Характеристики, относящиеся к другому искусству или другой сфере жизни” (6/4,5%); 7.“Материальные сущности” (5/3,7%).

Семантика рем образов в рассмотренных статьях о живописи представлена следующими группами и подгруппами. 1. “Абстрактные характеристики” (61/46,6%); 2. “Человек”: 2.1. “Качества, присущие человеку” (13/9,9%), 2.2. “Действия, присущие человеку” (6/4,6%); 3. “Действия, не свойственные феноменам живописи” (17/13%); 4. “Характеристики, относящиеся к другому искусству или другой сфере жизни” (17/13%); 5. “Синестетические характеристики” (12/9,2%); 6. “Характеристики, принадлежащие сфере живописи” (6/4,6%). Как можно видеть, большинство семантических групп рем образов встречается как в текстах о музыке, так и в текстах о живописи. Исключение составляет группа “Материальные сущности” (*Мэтт создает звуковые ландшафты, величавые и спокойные, как зимний пейзаж; Партии сливаются в монолитную массу* (МузРус1), отсутствующая в рассмотренных текстах о живописи, однако появление которой в таких текстах за пределами исследуемой выборки в принципе возможно.

Существенно, что в текстах как о музыке, так и о живописи для характеристики феноменов искусства чаще всего используются ремы из семантической группы “Абстрактные характеристики”. Ремы таких образов представлены в основном качественными прилагательными, в большинстве своем обычно выражающими оценку, за исключением прилагательных, которые называют свойства и качества, воспринимаемые органами чувств, а также свойства характера человека и особенностей его психологического склада (так как эти прилагательные вошли в группы “Синестетические характеристики” и “Человек” (“Качества, присущие человеку”). Подобные оценочные прилагательные используются для характеристики всех (кроме группы “Лейбл звукозаписи”) групп тем образов, представленных в обоих корпусах текстов, например: *поразительное мастерство* (МузРус2); *выразительная музыкальная речь* (МузРус2); *величественные звуковые ландшафты* (МузРус1); *the finale is breathtaking* ‘финал захватывающий/изумительный’ (МузАнгл1); *expressive melody* ‘выразительная мелодия’ (МузАнгл1); *his impeccable technique* ‘его безукоризненная техника’ (МузАнгл1); *изысканные сочетания цвета* (ЖивРус2); *легкость и свобода художественного выражения* (ЖивРус2); *abstract reds* ‘абстрактные красные цвета’ (ЖивАнгл1); *apocalyptic landscapes* ‘апокалиптические пейзажи’ (ЖивАнгл1). В текстах о музыке ремы этой группы используются наиболее широко для характеристики “Произведения в целом” и “Части музыкального произведения”, а в текстах о живописи – для характеристики “Предмета изображения” и “Картины (живописного творчества художника в целом)”. Вообще, высокий удельный вес оценочных характеристик в искусствоведческих текстах вполне объясним, ведь “оценивающая активность ... как необходимый компонент заключена в процессе восприятия произведения искусства” [5, с. 108] и является основополагающим стержнем художественной критики. Оценка может излагаться открыто или быть завуалирована: “оценка ... может быть подана концентрированно, ясно сформулирована или растворена в эпитетах, в избранной лексике” [6, с. 127].

Для обоих корпусов текстов свойственно представление феноменов искусства сквозь призму человека (или живого существа) – его свойств и качеств (*волевой элемент* [темы главной партии. – О.В.] (МузРус2); *insouciant "swing"* ‘беззаботный “свинг” ’ (МузАнгл1); *садам на картинах художницы всегда свойственна проникновенная человечность* (ЖивРус1), *солнечной добротой* *напитаны полотна Белокур* (ЖивРус1) и присущих ему действий (*chromatically wailing motif* ‘хроматически причитающий/вопящий мотив’ (МузАнгл1), *выразительная музыкальная речь* (МузРус2); *darkness beckons, mordantly inviting the beholder to imagine...* ‘темнота манит, язвительно приглашая зрителя представить себе...’ (ЖивАнгл1), однако для текстов о живописи группа “Человек” является более значимой: ее ранг – II, в отличие от ранга III для текстов о музыке. Такое свойство человеческого сознания – представлять те или иные феномены через сравнение с самим собой – является универсальным и понятным, ведь “человек измеряет все формы бытия в масштабе своего опыта и знания и по своему образу и подобию” [7, с. 41].

Семантическая группа рем “Действия, не свойственные феноменам живописи” имеет бóльшую значимость в текстах о живописи, чем группа “Действия, не свойственные феноменам музыки” в текстах о музыке. Группа рем “Действия, не свойственные феноменам живописи” представлена глаголами, причастиями и отглагольными существительными со значением ментального действия или физического движения: *the Rothko room is disturbing, but liberating too. It frees the imagination* ‘комната Ротка волнующая, но и освобождающая тоже. Она освобождает (выпускает на свободу) воображение’ (ЖивАнгл1); *картины пронизаны трепетным движением* (ЖивРус1); *мазки свободно струятся* (ЖивРус2); *The hazy outlines of what might be doors, windows, or the gates of heaven and hell hover on the surfaces of Rothko's abstractions* ‘Неясные очертания того, что могло бы быть дверями, окнами или воротами рая или ада, парят на поверхностях произведений абстрактного искусства Ротко’ (ЖивАнгл2); *the scene is in flux* ‘пейзаж (картина) находится в постоянном движении’ (ЖивАнгл2). Особенность произведения живописи состоит в том, что в нем мир представлен в статике: художник запечатлел отдельное мгновение, как бы остановив его. С помощью рем со значением движения авторы текстов о живописи создают образы, нарушающие статику живописного мира и придающие ему динамику, и, таким образом, облегчающие, благодаря возникающим ассоциациям, восприятие живописного произведения читателем.

5. Почему в статьях о музыке синестетические тропы встречаются чаще, чем в статьях о живописи? Еще одним важным отличием текстов о музыке от текстов о живописи является то, что синестетические характеристики занимают разное место в системе образов текстов об этих искусствах. Так, в текстах о музыке образы, ремами которых являются “Синестетические характеристики”, – вторая по численности группа образов, в то время как в статьях о живописи это пятая по численности группа. Синестетические ремы в статьях о музыке наиболее широко используются для характеристики образов, темы которых относятся к группе “Музыкальное произведение”, а именно: “Часть произведения” (*яркость заключительной партии* (МузРус2),

glittering finale ‘сверкающий/блистающий финал’ (МузАнгл1) – слухозрительная синестезия), “Структурный элемент произведения” (*мягкая лирическая фраза* (МузРус2) – слухо-тактильная синестезия) и “Произведение в целом” (*light cover* ‘легкая кавер-версия [песни. – О.В.]’ (МузАнгл2) – слухо-гравитационная синестезия, *darker composition* ‘более темное произведение’ (МузАнгл2) – слухозрительная синестезия). Реже синестетические образы используются для характеристики музыкального альбома, манеры исполнителя, личных качеств исполнителя, его голоса, музыкального инструмента. В текстах о живописи синестетические образы чаще всего используются для характеристики тем, входящих в группу “Цвет, тон, оттенок, краска”, передавая сложные для вербального представления цветовые нюансы словами, обращенными к чувствам и поэтому доступными для любого читателя. В результате возникает зрительно-слуховая (*приглушенные сочетания цветов* (ЖивРус2), зрительно-температурная (*cool lavender* ‘прохладный лавандовый цвет’ (ЖивАнгл2), зрительно-тактильная (*dense color* ‘густой (плотный) цвет’ (ЖивАнгл2), зрительно-вибрационная синестезия (*трепетность цветовых оттенков* (ЖивРус2). Синестетические ремы также могут быть использованы для характеристики тем образов, относящихся к группам “Картина (живописное творчество художника в целом)” и “Предмет изображения”. Наличие синестетической образности в искусствоведческих текстах, в том числе в рассматриваемых текстах о музыке и живописи, вполне закономерно, поскольку, как писал искусствовед и философ Б.М. Галеев, “синестетичность является сущностным признаком художественного мышления применительно ко всем видам искусств” [8, с. 36]. Автор искусствоведческого текста, которому необходимо вербализовать невербальную (аудиальную и визуальную) информацию, как замечает И.Н. Горелов, пытается преодолеть “обобщающую функцию вербального знака в пользу передачи конкретного ощущения и конкретного восприятия”, что ведет к образованию синестетически мотивированных слов и словосочетаний [9, с. 76].

Данные о коэффициентах насыщенности синестетической образностью рассмотренных статей представлены в табл. 1. Были высчитаны также коэффициенты насыщенности синестетической образностью для четырех подкорпусов статей (табл. 3).

Таблица 3

Насыщенность синестезией исследуемых подкорпусов статей

Подкорпус	Коэффициент насыщенности синестезией
Подкорпус статей о музыке	0,95
Подкорпус статей о живописи	0,26
Подкорпус русских статей	0,43
Подкорпус английских статей	0,49

Легко видеть, что в статьях на английском языке синестетические тропы встречаются в 1,14 раза чаще, чем в русскоязычных статьях. Однако в результате проверки значимости выявленных языковых различий по выборочному критерию [2, с. 93] было установлено, что эти различия не являются значимыми, поэтому нет оснований считать, что синестетические тропы шире представлены в английских искусствоведческих текстах, чем в русских.

Рассмотренные статьи о музыке оказались в 3,65 раза более насыщенными синестетической образностью, чем статьи о живописи, и проверка по выборочному критерию подтвердила значимость этих различий. Поэтому можно сделать вывод о том, что синестетическая образность в большей степени свойственна текстам о музыке, чем текстам о живописи. Этот факт можно объяснить тем, что музыка, в силу своей неденотативности, абстрактности, условности, труднее поддается словесной интерпретации. Она, как говорит Б.М. Галеев, “невидима, неосязаема, эфемерна” и “формируется из специфической материи – звуков, которые появляются на мгновение, чтобы тут же исчезнуть, раствориться в воздухе” [10, с. 149]. Поэтому авторам музыковедческих текстов чаще, чем авторам текстов о живописи, приходится “переводить” с языка музыки на “язык для глаза”, а то и для “нёба” [3, с. 330], как бы дополняя звуковые впечатления ощущениями других рецепторов.

6. Семиотическое своеобразие музыки и живописи как главный фактор различий в средствах вербального образного представления феноменов изучаемых искусств. В целом в тема-рематической структуре образной ткани текстов о музыке и живописи больше сходств, чем различий. Это обусловлено тем, что искусствоведческие тексты, вне зависимости от вида искусства, которому они посвящены, подчинены общим целям искусствоведческой критики. В качестве главных объектов характеристики в таких текстах выступают произведение искусства и его создатель (исполнитель), а в самой характеристике, как правило, выражена оценка – стержневой компонент критической статьи. Межъязыковые различия в степени насыщенности тропами рассмотренных текстов проявились в том, что в русских статьях тропы встречаются чаще, чем в английских; различия же в степени насыщенности синестетической образностью рассмотренных статей на разных языках оказались незначимыми. Все наиболее существенные качественные и количественные различия в структуре образной ткани исследованных текстов (в том числе бóльшая насыщенность образами музыкальных текстов, чем текстов о живописи, бóльший удельный вес синестетических тропов в образной ткани музыкальных текстов, их бóльшая насыщенность синестетическими тропами, чем текстов о живописи) связаны с семиотическими различиями между музыкой и живописью. Музыка – более сложная, многоуровневая семиотика, в то время как живопись – одноуровневая. Для живописи характерна бóльшая денотативность, музыка же практически не денотативна. Произведение живописи, однажды созданное, доступно для восприятия постоянно и чаще всего воспринимается зрителем целостно. Музыкальное произведение воспринимается (т.е. живет) только во время исполнения (и в этом смысле оно эфемерно), поэтому в текстах о музыке так важны индивидуальные впечатления автора, его субъективное, личностное восприятие отдельных моментов и нюансов, которое передается, в частности, с помощью синестетических образов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гак, В.Г.* Сопоставительная лексикология / В.Г. Гак. – М.: Междунар. отношения, 1977. – 265 с.
2. *Носенко, И.А.* Начала статистики для лингвистов / И.А. Носенко. – М.: Высш. шк., 1981. – 157 с.
3. *Мечковская, Н.Б.* Семиотика: Язык. Природа. Культура: Курс лекций / Н.Б. Мечковская. – М.: Академия, 2008. – 426 с.
4. *Кандинский, В. В.* О духовном в искусстве [1912] / В.В. Кандинский. – М.: Архимед, 1992. – 110 с.
5. *Каган, М.С.* Художественная критика и научное изучение искусства / М.С. Каган // Искусствознание и художественная критика : избр. ст. / М.С. Каган. – СПб.: Петрополис, 2001. – С. 105–129.
6. *Курьшева, Т.А.* Слово о музыке: О музыкальной критике и музыкальной журналистике : очерки / Т.А. Курьшева. – М.: Композитор, 1992. – 174 с.
7. *Телия, В.Н.* Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция / В.Н. Телия // Метафора в языке и тексте. – М.: Наука, 1988. – С.26–52.
8. *Галеев, Б.М.* Синестезия и музыкальное пространство / Б.М. Галеев // Музыка – культура – человек : сб. ст. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. – Вып. 2 / отв. ред. М.Л. Мугинштейн. – С. 36–43.
9. *Горелов, И.Н.* Синестезия и мотивированные знаки подязыков искусствоведения / И.Н. Горелов // Проблемы мотивированности языкового знака. – Калининград: Изд-во Калинингр. ун-та, 1976. – С. 74–81.
10. *Галеев, Б.М.* «Зримая музыка», дарованная природой / Б.М. Галеев // Мир романтизма. – Тверь: Изд-во ТГУ, 2002. – Вып. 6 (30). – С. 148–156.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

- МузАнгл1 – Chiu: dazzling but dry // Classic CD. – 1998. – № 5. – С. 58.
- МузАнгл2 – *Brown, H.* Amy Winehouse's Lioness: Hidden Treasures / H. Brown // The Telegraph [Electronic resource]. – 2011. – Mode of access: <http://www.telegraph.co.uk/culture/music/cdreviews/8916693/Amy-Winehouses-Lioness-Hidden-Treasures-CD-review.html>. – Date of access: 01.12.2011.
- МузРус1 – Disinterested. Behind Us // Play. – 2007. – № 12. – С. 100.
- МузРус2 – Симфония No 41 до-мажор (“Юпитер”) // Моцарт, Вольфганг Амадей [Electronic resource]. – 2011. – Mode of access: <http://wolfgang-mozart.ru/11.php>. – Date of access: 10.05.2011.
- ЖивАнгл1 – *Jones, J.* The Tate's Mark Rothko exhibit: a room with a view of the subconscious / J.Jones // The Guardian [Electronic resource]. – 2011. – Mode of access: <http://www.guardian.co.uk/artanddesign/jonathanjonesblog/2011/mar/30/tate-modern-mark-rothko-room>. – Date of access: 01.04.2011.
- ЖивАнгл2 – *Ratcliff, C.* Nickson's Republic of Sensibility / C. Ratcliff // Art in America. – 2007. – №2. – P. 130-135.

ЖивРус1 – Черноруков, Е. Екатерина Белокур – живопись цветов / Е. Черноруков // Студия Егора Чернорукова [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа: <http://www.chernorukov.ru/articles/?article=401>. – Дата доступа: 12.05.2011.

ЖивРус2 – Топурия, Н. Инесса Помелова / Н. Топурия // ArtRu.Info [Электронный ресурс]. – 2008. – Режим доступа: <http://artru.info/st/692/>. – Дата доступа: 12.05.2011.

It is shown in the article that in the figurative text structure of English and Russian articles on music and art there are more similarities than differences. But the detected theme-rheme distinctions and the fact that texts on music are more saturated with tropes in general and synaesthetic tropes in particular than texts on art are shown as to be meaningful and significant and are attributed to the semiotic peculiarities of music and art.

Поступила в редакцию 29.06.12

Е.Ю. Дворкина

ЛИНЕЙНО-СИМУЛЬТАННОЕ СТРОЕНИЕ ИСПАНСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Статья посвящена проблеме линейно-симультанного строения испанского экономического текста, который до недавнего времени рассматривался (под влиянием жанровых характеристик) как линейный, или монокодовый. Но автору часто необходима возможность тем или иным путем выразить свое отношение к происходящему, для чего он вынужден обращаться к различного рода «уловкам». Кроме того, автор включает порой в статью специальные элементы, которые нацелены на интерпретацию информации в необходимом автору ключе, что превращает статью в образование симультанное (поликодовое).

На сегодняшний день понятия *линейность* и *симультанность* еще не устоялись в метаязыке лингвистики, о чем свидетельствует значительный разницей в использовании связанных с ними терминов. Представляется, что ситуацию сможет прояснить обращение к интерпретации этих понятий на основе понятия кода. Как следует из анализа изученной литературы, для многих исследователей «линейность» коррелирует с «монокодовостью», а «симультанность» – с «поликодовостью». При таком подходе собственно лингвистический анализ обычно проводится во взаимодействии с анализом иной семиотической природы. Очевидно, что каждое языковое сообщество пользуется определенными средствами общения – языками, их диалектами, стилистическими разновидностями языка, жаргонами. Любое такое средство обладает свойствами кода. В самом общем смысле код является средством коммуникации. Коды могут быть вербальными, жестовыми, позиционными, звуковыми и иконическими. Все эти коды принимают участие в формировании коннотативных значений.

Если исследовать эти понятия на собственно языковом уровне, то речь пойдет о смене языковых кодов, которая необходима для выполнения функций и достижения целей текстового сообщения. Потребность в семиотически осложненном анализе возникает тогда, когда в тексте обнаруживаются дополнительные неязыковые средства, которые способствуют реализации цели сообщения, такие как фотография либо рисунок, цветовое разнообразие, различные размеры шрифтов.

Экономическая публицистика, как и другие виды текстов прессы, имеет свои специфические особенности. С содержательной точки зрения ее характеристикой является скрупулезное исследование проблемы, выверенность используемых фактов, тщательный подбор материала, обилие статистической информации и цифр. Авторы, как правило, избегают отступлений от главной линии повествования, комментарии обычно лишены эмоциональных нот. Жанр экономической статьи предполагает, что ее читательская аудитория – адресат сообщения – это контингент, который нуждается в четкой информации по тому или иному экономическому вопросу и не ждет отступлений на «лирические» темы. Поэтому до недавнего времени статья рассматривалась как линейное (монокодовое) образование. «Всякое искусство в той или иной мере обращается к чувству реальности у аудитории» [1, с. 16]. Парадокс, однако, заключается в том, что автору часто необходима возможность тем или иным путем выразить свое отношение к происходящему, для чего он вынужден обращаться к различного рода «уловкам». Кроме того, автор включает порой в статью специальные элементы, которые нацелены на интерпретацию информации в необходимом автору ключе, что превращает статью в образование симультанное (поликодовое).

Вышеупомянутые элементы употребляются в различных составляющих статьи, от заголовка до основной части, что помогает автору достичь желаемого эффекта. Так, в заглавиях к статьям могут использоваться односоставные, часто номинативные предложения, что служит характеристикой заглавия как такового, ведь его цель – привлечь внимание к материалу:

17,5 millones de pasajeros para la T1 (17, 5 млн пассажиров на T1)

La caja de los truenos (Дом громов)

El vendedor de libros (Продавец книг)

Cambio de rumbo (Смена курса)

Estrategias cruzadas (Стратегический переплет)

Такая структура заголовка нацеливает на лаконичность языка экономических текстов, выделяет основную тематику. Читатель сам может определить, хочет ли он прочитать данную статью или нет.

Как и в газете «La Vanguardia», так и в журнале «Geo», которые мы используем в качестве источника примеров, заглавие выделяется иным, по сравнению с основным материалом, шрифтом. Речь идет не только о размере, но и о другом виде шрифта. Автор добивается первоначального внимания к статье, заглавие – это отражение темы статьи и основной момент, к которому автор хочет привлечь читателя. Причем влияет на выделение заглавия определенным шрифтом не только желание автора, но и мнение редактора (в его работу входит также корректирование заголовков): большим шрифтом выделяется более интересная и актуальная информация, которая, несомненно, заинтересует читателя. Каждый раздел экономических новостей (например, новости Испании, мировые новости) выделяется либо жирным шрифтом, либо курсивом. Постоянный читатель, привыкнув к такому выделению, сможет быстро сориентироваться, что он хочет прочитать, узнавая рубрики по стилю шрифта. В газете «La Vanguardia» самым крупным шрифтом обычно выделяют заголовки международных новостей.

El FMI dibuja la poscrisis (*ФМИ очерчивает выход из кризиса*)

En Alemania piden que Grecia salga del euro (*В Германии требуют выхода Греции из зоны евро*)

El trasfondo de una ausencia (*Последствия отсутствия*)

Целью газетного сообщения является не только информирование или анализ, что лежит на поверхности статьи. Тексты прессы формируют наше представление о действительности, влияя тем самым на нашу картину мира. Каждый текст периодической печати имеет свою целевую группу, поэтому при подаче материала будет идти учет тех кодов, которыми данная группа владеет для наиболее эффективного выполнения сообщением своей цели. Сообщение выполняет свои функции, если код полностью или хотя бы частично общий для адресанта и адресата. В периодической печати используются различные виды иконических и вербальных кодов.

В статье *Repsol compite con CLH al construir un oleoducto* (*Repsol соперничает с CLH в строительстве нового нефтепровода*) автор затрагивает важную для Испании тему нефтепродуктов. На фоне глобального подорожания нефти конкурентная борьба компаний за строительство очередного нефтепровода может повлиять на развитие определенного региона, дать новые рабочие места, вызвать приток денежных средств. «Превращение события в текст, прежде всего, означает пересказ его в системе того или иного языка, то есть подчинение его определенной заранее данной структурой организации» [2, с. 307]. Как указывает автор в отдельном параграфе, специально выделенном курсивом, инвестиции могут достичь до 150 миллионов евро: *La inversiyn, ya en marcha, asciende a 150 millones* (*Процесс инвестирования уже идет и вложения составят 150 миллионов*). Такое обособление информации выделяет наиболее важные суммы из всех тех, что упоминаются в статье (для сравнения двух конкурентных компаний автор статьи приводит разного рода статистические данные, которые дают возможность заочно определить лидера борьбы). Отдельным параграфом выделена также информация о том, что у фирмы Repsol уже есть нефтеперерабатывающие заводы в районе строительства: *La instalaciyn unirb en 2011 las refinernas que Repsol tiene en Puertollano (Ciudad Real) y Cartagena* (*Установка объединит нефтеперерабатывающие заводы, которые компания Repsol имеет в Пуэрто Льяно (Сьюдад Реаль) и Картахене*). Информация специально выделена жирным шрифтом, чтоб подчеркнуть более выгодное положение компании Repsol по сравнению с конкурентом.

Основная лексика статьи связана с передачей экономического содержания. С ее помощью автор характеризует экономическое состояние соперничающих фирм, а также рассказывает о судьбе стройки. При описании используются как специальные термины, так и выражения экономического толка, не всегда понятные тем, кто не имеет экономического образования либо не интересуется экономикой: *invertirb 150 millones de euros para incrementar las sinergias; su ultiima venta fue el pasado 24 de marzo cuando se deshizo de un 5 % por 145 millones, con 107 millones de plusvalnas* (вложит 150 мил-

лионов евро в повышение уровня взаимодействия; последняя продажа была проведена 24 марта, были проданы 5 процентов за сумму 145 миллионов, из которых 107 миллионов составили прибыль). При этом автор пытается приблизить текст к читателю любого уровня подготовленности, который может случайно открыть газету на странице экономической рубрики и заинтересоваться содержимым. В этих целях журналист использует обиходные слова и выражения, как бы трактуя экономическое содержание представленного материала. Приводя сложную экономическую схему предприятия, автор поясняет: *Esta nueva red de transporte y su presupuesto se encuadran dentro de la ampliación que el grupo presidido por Antoni Brufau ejecuta en la planta murciana* (Эта новая транспортная сеть и деньги, выделенные на ее строительство, были заложены в программу расширения, которую реализует группа, возглавляемая Антони Бруфау). Так в статье осуществляется смена кодов. Основной код текста – экономический, но для читателей разного уровня статья должна содержать и так называемые субкоды, которые мы трактуем как семиотические образования, отличные от основного кода по своей природе, но коррелирующие с ним в области понимания содержания материала.

К данному тексту прилагается фотография перерабатывающего завода фирмы Repsol в Картахене. Благодаря фото, статья получает дополнительную возможность повлиять на читателя: здесь кадр выполнит не только денотативную, но и эмотивную, а также эстетическую функции. Картинка даст шанс оценить с точки зрения потребителя нефтепродуктов мощь фирмы, обилие высоких технологий на ее заводах, перспективность ее развития. Такого рода сообщения Р. Барт называл «мифическим словом» и писал о том, что «миф – это коммуникационная система, сообщение. ... Это может быть письмо или изображение; и письменная речь, а также фотография, кинематограф, репортаж, спортивные состязания, зрелища, реклама может быть носителем мифического сообщения» [3, с. 72–73].

Как указывают многие современные исследователи, одной из актуальных проблем СМИ является сгущение информации с целью увеличения объема и темпа ее передачи, т.е. передать максимум информации путем использования максимально компактных средств ее фиксации, что достигается путем использования языковых и неязыковых средств. Пролистывая газету, читатель в первую очередь обратит внимание на фотографию. Она дает дополнительный импульс к прочтению статьи или оттолкнет от нее, если фото выбрано неудачно. Это отражение эмоционального фона статьи, который не проявляется на лексическом уровне.

В статье *Revaluando* (Переоценка) речь идет о переоценке китайской национальной валюты юаня, который за последние месяцы достиг максимума своей стоимости, став угрозой для США. По мнению автора, увеличение стоимости юаня невыгодно для американского бизнеса, который совершает в Китае очень выгодные закупки, начиная от дешевых джинсов, заканчивая электроникой, что продается в США по ценам, втрое, а то и в пять

раз превышающим начальные. Статья написана от первого лица, в достаточно иронической манере, что дает автору текста возможность выразить личное отношение к ситуации, не прибегая к вспомогательным средствам. Но при этом с помощью лингвистических оборотов и нелингвистических методов автор находит способ усилить свое влияние на читателя и сформировать у него похожий подход к проблеме.

Журналист старается перевести свой текст на личный уровень каждого читателя, поэтому, характеризуя экономику, старается сделать это общедоступными понятиями, которые вызовут у адресата определенную ответную реакцию. Характеризуя бюджет самого крупного партнера Китая в США, сети магазинов Wal-Mart, журналист пишет: *El cliente más importante de China en le mundo es Wal-Mart, esa cadena americana de supermercados obsesionada con vender al precio más bajo. Creo que ya importa 100.000 millones de dólares de China. ¿Dónde compran los americanos más pobres? Pues en Wal-Mart* (Самым крупным клиентом Китая в мире является Wal-Mart, сеть американских магазинов, навязчивой идеей которой стало продать товар по более дешевой цене. Думаю, что их оборот достиг уже 100 000 миллионов китайских долларов. Где совершают покупки самые бедные американцы? В Wal-Mart). Автор указывает экономические показатели фирмы, не перегружая статью сложной экономической терминологией. Так он делает статью доступной не только непосредственному адресату, но и другим категориям читателей.

Именно разговорная лексика формирует основной код текстового сообщения. Автор пытается подать проблему с точки зрения простого читателя. Поэтому и повествование идет от первого лица, и употребляются просторечные выражения: *La gente que tiene personalidad y no quiere que otro decida lo que va a comer o lo que va a ponerse, compra en sitios como Whole Foods Market cosas buenas y sanas, con sus marcas preferidas. Pero si eres un desdichado emigrante desempleado, pues directo a Wal-Mart y que te lo den.* (Те, кто считает себя личностью и не хочет, чтобы им указывали, что есть и что одевать, совершают покупки в Whole Foods Market, покупая хорошие вещи и здоровую еду. Но если ты обездоленный безработный эмигрант – прямиком в Wal-Mart, и там ты получишь все).

Автор статьи хочет заинтересовать читателя темой статьи и вызвать у него ответную реакцию на поставленную проблему, отсюда употребление средств разговорного языка и меньшее количество экономических терминов.

В статье не применяются различные виды шрифта (вся информация видится автору равнозначной), за исключением двух случаев: заглавие и выделенный не только шрифтом, но и позиционно абзац: *El sueco de cualquier empresario chino es tener su empresa en América y Obama se lo pone fácil* (Мечта каждого китайского предпринимателя – открыть бизнес в Америке, и Обама облегчает китайцам задачу). Так автор статьи выделяет рему, то новое, на чем он хочет заострить внимание читателя, говоря о новом указе президента США Барака Обамы.

В тексте автор не прибегает к использованию цветовых акцентов, но интересна структура статьи. Использование кратких, в основном, односоставных номинативных предложений делает текст соотносимым с желанием автора поиронизировать над американцами и китайцами, слегка «похлестать» их. И ряды точек действительно напоминают короткие, легкие удары: *Hay quienes dicen que los costes en China les est6n subiendo mucho. No tiene arreglo. Subir6n m6s* (Есть те, кто говорит, что Китай стал для них слишком дорогим. Это не исправить. Цены будут расти).

Несмотря на то, что содержание экономической статьи предполагает четкость в подаче информации и избирательность автора в области средств выразительности, журналист не может избежать выражения своей личной позиции, для чего он использует специальные приемы: фотография, смена шрифта, его размера и цвета, определенная структура фраз. При этом автор старается учесть интересы и читательский потенциал различных читательских групп, для чего использует разнообразную лексику и, конечно, смену кодов и субкодов в своем сообщении. Так, жанр статьи, который изначально рассматривается как жанр монокодовый (линейный), превращается в жанр симультанный (поликодовый).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Барт, Р.* Избранные работы. Семиотика. Поэтика / Р. Барт. – М. : Прогресс, 1989. – 615 с.
2. *Лотман, Ю.М.* Семиотика кино и проблемы киноэстетики / Ю.М. Лотман. – Таллин: Ээсти Раамат, 1973. – 138 с.
3. *Лотман, Ю.М.* Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история / Ю.М. Лотман. – М. : Языки русской культуры, 1996. – 447 с.

The article is dedicated to the problem of the Spanish economy text structure which used to be analyzed previously as a monocode text. But an author may need to express his opinion using some additional means or including in the article some special elements which turns the article into a policodetext.

Поступила в редакцию 15.06.12

Е.П. Колбаско

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ФРАЗОВЫХ ГЛАГОЛОВ СО ЗНАЧЕНИЕМ УМЕНЬШЕНИЯ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ

В статье рассматриваются основные подгруппы *фразовых глаголов со значением уменьшения*, проводится сравнение семантических характеристик данных глаголов с синонимичными им однокомпонентными глаголами в англоязычном медийном дискурсе. Данные исследования показывают, что употребление изучаемых фразовых глаголов позволяет более полно и точно представить информацию и соответственно повысить выразительность изложения для достижения коммуникативных целей медийного дискурса. В работе также анализируются наиболее частотные постпозитивные компоненты данных глаголов, а также обращается внимание на антонимические пары фразовых глаголов со значением уменьшения и увеличения.

Одной из отличительных черт современного английского языка является употребление *фразовых глаголов*, которые в настоящее время используются не только в устной, но и в письменной речи, например, в учебной и научной литературе, официальных отчетах, художественных произведениях, средствах массовой информации и т.д. Вместе с тем вопрос о лингвистической сущности *фразовых глаголов* остается дискуссионным, несмотря на то, что он изучается лингвистами в течение длительного времени. Если одни глаголы сочетаются с одним постпозитивом, то другие присоединяют различные постпозитивные компоненты, которые изменяют семантику глагольного компонента. Ряд исследователей рассматривает фразовые глаголы как слово (И.Е. Аничков [1, с. 382–391], И.А. Клиюнайте [2]), другие относят их к словосочетаниям (А.И. Смирницкий [3, с. 210–217], М.П. Ивашкин [4, с. 28–43]). Кроме того, в современной лингвистической и учебно-методической литературе не принято общей терминологии для фразовых глаголов. Чаще всего их называют фразовые глаголы [5, р. 403–427], глагольно-наречные сочетания [4, с. 28–43].

Важная роль в образовании значения фразового глагола принадлежит второму его компоненту – наречию или предлогу. Большинство ученых (А.И. Смирницкий [3, с. 210–217], И.В. Арнольд [6]) относят второй компонент к знаменательным словам, а именно к классу наречий. Другие (Ю.А. Жлуктенко [7]) считают его отделяемой морфемой. Третьи (Б.А. Ильиш [8, с. 146–149], А.В. Кунин [9, с. 227–229]) называют его промежуточным образованием между самостоятельным словом и морфемой. Для второго компонента фразовых глаголов в российской и отечественной лингвистике общепринятого названия также не выработано. Эти элементы трактуются исследователями по-разному, а именно как наречия, послелого, частицы, поствербы, постпозитивы, постпозитивные глагольные приставки. В настоящем исследовании для обозначения изучаемых единиц и их второго компонента мы будем использовать термины *фразовый глагол* и *постпозитив*.

Материалом для исследования послужили аналитические статьи из британских и американских газет и журналов, затрагивающих общественно-политические и социально-экономические вопросы ("Financial Times", "The Daily Telegraph", "The New York Times", "The Wall Street Journal", "The Economist", "Bloomberg Businessweek" и др.).

С целью увеличения количества контекстов с анализируемыми фразовыми глаголами привлекались также материалы британского и американского корпусов текстов: "The British National Corpus" (BNC) [10] и "The Corpus of Contemporary American English" (COCA) [11], в результате количество контекстов для дальнейшего семантического анализа данных глаголов было увеличено до 2000.

Анализ текстов из современного британского и американского медийного дискурса позволил выявить 400 фразовых глаголов. На основе методов контекстуального и дефиниционного анализа были определены лексико-семантические группы изучаемых единиц в медийном дискурсе. Семантичес-

кий анализ был проведен на основе словарных дефиниций в толковых словарях "Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English" [12], "Cambridge Advanced Learner's Dictionary..." [13], "Oxford Dictionary of Phrasal Verbs" [14], "The Oxford Dictionary for the Business World" [15] и контекстов из британских и американских журналов и газет.

Наиболее частотными лексико-семантическими группами фразовых глаголов оказались группы со значением увеличения (18%) и уменьшения (14%) [16]. Наиболее употребительными глаголами со значением уменьшения являются *bring down* 'снижать', *cool off* 'затормозить', *cut down* 'понижать, сокращать', *drag down* 'ослаблять', *drive down* 'резко понижать', *dry up* 'истощиться, иссякнуть', *go down* 'уменьшаться, снижаться', *knock down* 'понижать, сбивать цены', *scale back* 'снижать(ся), уменьшать(ся)', *slow down* 'снизить темп, сокращать', *take off* 'сбавлять, снижать', *whittle down* 'постепенно уменьшать' и др.

Рассмотрим подробнее семантические подгруппы фразовых глаголов со значением уменьшения, а также возможности их замены синонимичными им однокомпонентными глаголами. В результате семантического анализа на основе словарных дефиниций в толковых словарях, а также контекстов употреблений, полученных из современной англоязычной прессы и корпусов текстов, изучаемые единицы были разделены на две основные подгруппы:

- фразовые глаголы уменьшения количественных характеристик (88%);
- фразовые глаголы уменьшения количественно-качественных характеристик (9%).

Как было установлено ранее [16], аналогичные подгруппы характерны и для ЛСГ фразовых глаголов со значением увеличения. Однако, в отличие от фразовых глаголов со значением уменьшения, для глаголов со значением увеличения была установлена также подгруппа глаголов, означающих превышение каких-либо границ (*go beyond* 'превышать', *spill over* 'выходить за пределы, превышать' и др.).

В первую подгруппу фразовых глаголов со значением уменьшения входят следующие глаголы, отражающие уменьшение количественных характеристик объекта:

- *bring down* – reduce a price or rate' 'снижать' (напр., *Today oversupply has helped bring down London rents to bargain basement levels* 'На сегодняшний день переизбыток предложения помог снизить лондонские ставки по арендной плате до уровня цен за низкосортное жилье');
- *cut back* – do less of sth or use sth in smaller amounts 'уменьшить, поднимать' (напр., *A recession would cut back London's traffic but so long as the economy keeps growing, the result will be more cars, more traffic and more pollution.* 'Экономический кризис привел бы к сокращению транспортного потока в Лондоне, но поскольку экономика продолжает наращивать объемы производства, результатом станет большее количество машин, более многочисленный транспортный поток и дополнительное загрязнение окружающей среды');

- *cut down* – reduce the size, amount or number ‘понижать, сокращать’ (напр., *As for the civil service, it had to be **cut down** to the lowest level necessary* ‘Что касается государственных учреждений, они должны быть сокращены до минимально необходимого уровня’);
- *knock down* – to reduce a price, or to persuade someone to reduce the price of sth they are selling ‘понижать, сбивать цены’ (напр., *Obama’s January bank reform announcement **knocked** major US indices **down** some four percent over two days* ‘Январское объявление Обамы о банковской реформе снизило основные индексы в США приблизительно на 4 процента в течение двух дней’).

В данной подгруппе, как и для фразовых глаголов со значением увеличения, можно выделить глаголы, отражающие интенсивность уменьшения [16]:

- *drive down* – make sth such as prices fall *quickly* ‘резко понижать’ (напр., *Initially this will involve the disposal of certain peripheral and non-core assets to help **drive down** group debt and gearing* ‘Первоначально это привлечет размещение второстепенных и непрофильных активов, чтобы помочь снизить групповую задолженность и долю фиксированных издержек’);
- *dry up* – if a supply of sth dries up, there is *gradually* less of it until there is none left ‘истощиться, иссякнуть’ (напр., *The big chains admitted that house sales could **dry up** between now and Christmas, as vendors refuse to accept drastic price cuts* ‘Крупные сети признали, что продажи недвижимости могут прекратиться в период с настоящего момента и до Рождества, так как торговцы отказываются принимать радикальное снижение цен’);
- *whittle down* – *gradually* reduce the size of sth or the number of people in a group ‘постепенно уменьшать’ (напр., *Britain needs to **whittle down** corporate cash piles* ‘Британии нужно постепенное снижение корпоративных наличных денежных средств’).

Во вторую подгруппу фразовых глаголов со значением уменьшения вошли глаголы изменения как количественных, так и качественных характеристик:

- *go down* – move down to a lower level or place; to be reduced in price, value, amount, quality, level or size ‘уменьшаться, снижаться’ (напр., *All those cosy pictures of the family around the fire, all that stiff upper lip during the war — and now she is determined not to see all her work **go down** the drain* ‘Все те уютные фотографии семьи вокруг камина, вся та твердость духа во время войны — и сейчас она решительно настроена не видеть, как ее работа становится никому не нужной’);
- *drag down* – bring to a lower social or economic level, a lower standard of behaviour, etc. ... ‘ослаблять’ (напр., *I don’t really believe he’ll **drag down** the relay team* ‘На самом деле я не верю, что он снизит уровень команды запасных игроков’).

В составе фразовых глаголов со значением уменьшения чаще всего употребляется постпозитивный компонент *down* для выражения значения уменьшения (*bring down* ‘снижать’, *cut down* ‘понижать, сокращать’, *drag down* ‘ослаблять’, *drive down* ‘резко понижать’, *go down* ‘уменьшаться, снижаться’, *knock down* ‘понижать, сбивать цены’, *send down* ‘понижать цены’, *slow down* ‘снизить темп, сокращать’, *whittle down* ‘постепенно уменьшать’, *write down* ‘уценивать (товар), производить частичное списание’ и др.). Фразовые глаголы с постпозитивом *down*, имеющим словарное значение направления движения сверху вниз, перехода из вертикального положения в горизонтальное и т.д., помогают показать понижение, сокращение и спад. Постпозитивные компоненты *off* и *back* также могут входить в состав фразовых глаголов со значением уменьшения: *cool off* ‘затормозить’, *take off* ‘сбавлять, снижать’, *cut back* ‘уменьшить, поднимать’, *scale back* ‘снижать(ся), уменьшать(ся)’ и др..

Важно отметить, что постпозитив *up* не всегда используется для обозначения процесса повышения. Так, во фразовом глаголе *dry up* он используется для того, чтобы показать завершенность действия или доведение его до конца (напр., *the Ministry of Defence warned supplies could **dry up** following the break-up of the USSR* ‘Министерство обороны известило, что поставки могут истощиться после развала СССР’).

Сравнительный анализ позволил выделить несколько антонимичных пар фразовых глаголов в рамках изучаемых групп данных единиц со значением увеличения и уменьшения:

- *drive up* — *drive down* (напр., *But it is not only recession fears which **drive down** the pound* ‘Но не только опасения экономического кризиса резко снижают курс фунта стерлингов’ ; *Labour’s policies would hurt investment, undermine the pound, **drive up** mortgage rates and send the recovery into a nosedive* ‘Политика лейбористов принесла бы вред инвестициям, отрицательно сказалась бы на фунте стерлингов, резко увеличила процентные ставки по ипотеке и восстановление экономики пошло бы на резкий спад’);
- *go up* — *go down* (напр., *If shares **go down** you get your money back, and if they **go up** you get some of the profits* ‘Если стоимость акций снизится Вы вернете Ваши деньги, а если они вырастут, ты Вы получите прибыль’ ; *This will also explain why transfer values will **go up** if interest rates **go down*** ‘Это также объяснит, почему трансфертная стоимость повысится, если процентные ставки снизятся’).

На следующем этапе исследования проводился анализ возможности замены фразовых глаголов со значением уменьшения синонимичными им однокомпонентными глаголами. В результате этого анализа были сделаны следующие выводы:

Во-первых, возможная замена фразовых глаголов синонимичными им однокомпонентными глаголами приводит к нейтрализации представляемой информации, а также к потере выразительности изложения. Например, в пред-

ложении *The new government, she said, would have to **bring down** interest rates* 'Новому правительству, по ее словам, пришлось бы снизить процентные ставки' фразовый глагол является более экспрессивным и выразительным по сравнению с синонимичным ему однокомпонентным глаголом *reduce*.

Во-вторых, при подстановке однокомпонентного глагола теряется либо сужается значение фразового глагола. Например, в предложении *If Labour government were elected the tap of investment would be turned off and jobs would **dry up*** 'Если бы было избрано лейбористское правительство, поток инвестиций прекратился бы, или количество рабочих мест сократилось бы до минимума' фразовый глагол *dry up* является более точным по сравнению с синонимичным глаголом *cease*, также выражающим прекращение какого-либо действия, однако не содержащем сему уменьшения.

В-третьих, употребление в близком контексте медийного дискурса нескольких синонимичных однокомпонентных глаголов является стилистически необоснованным, о чем свидетельствует следующий пример: *The value of their share holdings was greatly **reduced**. Fears that the share slump would **drag down** land prices proved unfounded* 'Стоимость их пакета акций сильно сократилась. Опасения, что внезапное падение процентных ставок снизит цену на землю, оказались необоснованными'.

Таким образом, результаты исследования показали, что в англоязычном медийном дискурсе среди фразовых глаголов со значением уменьшения наиболее употребительными оказались глаголы, входящие в подгруппу изменения количественных характеристик объектов. Сравнение семантических особенностей изучаемых глаголов с синонимичными им однокомпонентными глаголами (*reduce, decrease*) позволило установить вариативность их употребления для отражения одних и тех же понятий в медийном дискурсе. Однако использование фразовых глаголов вместо синонимичных однокомпонентных глаголов способствует более точной, четкой и полной передаче информации, а также повышению выразительности изложения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аничков, И.Е. Труды по языкознанию / И.Е. Аничков ; сост. и отв. ред. В.П. Недялков ; Ин-т лингв. исслед. РАН. – СПб. : Наука ; Санкт-Петербург. издат. фирма, 1997. – 510 с.
2. Клиюнайте, И.А. Семантические функции поствербов в английском языке / И.А. Клиюнайте // Парадигматические и синтагматические исследования германских языков : тез. докл. Респ. науч. конф., Вильнюс, 11–13 мая 1989 г. – Вильнюс, 1989. – С. 149–150.
3. Смирницкий, А.И. Лексикология английского языка / А.И. Смирницкий ; ред. В.В. Пассек. – М. : Изд-во лит. на иностр. яз., 1956. – 260 с.
4. Ивашкин, М.П. Синхронно-диахронический анализ переходных процессов в английском языке / М.П. Ивашкин. – М. : Прометей, 1988. – 171 с.

5. Longman Grammar of Spoken and Written English / D. Biber [et al.] ; foreword by R. Quirk. – London : Longman, 2000. – 1203 p.
6. Арнольд, И.В. Лексикология современного английского языка : учеб. пособие для пед. ин-тов и фак-тов иностр. яз. / И.В. Арнольд. — М. : Изд-во лит. на иностр. яз., 1959. – 351 с.
7. Жлуктенко, Ю.А. Степень подвижности второго компонента английских глагольных единиц типа *to stand up* / Ю.А. Жлуктенко // Вопросы теории английского языка. – Киев, 1958. – Вып. 2. – С. 113–125.
8. Ильиш, Б.А. Строй современного английского языка : учебник по курсу теорет. грамматики для студентов пед. ин-тов ; на англ.яз. / Б.А. Ильиш. – 2-е изд. – Л. : Просвещение, 1971. – 367 с.
9. Кунин, А.В. Английская фразеология: Теорет. курс / А.В. Кунин. – М. : Высш. шк., 1970. – 334 с.
10. Davies, M. British National Corpus (BNC) // M. Davies. Brigham Young University [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://corpus.byu.edu/bnc/>. – Дата доступа : 05.03.2011.
11. Corpus of Contemporary American English (COCA) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://corpus.byu.edu/coca/>. – Дата доступа : 05.03.2011.
12. Hornby, A.S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English [Text + CD]: [Комплект] / A.S. Hornby ; chief ed. S. Wehmeier. – 7th ed. – Oxford ; N. Y. : Oxford Univ. Press, 2009. – 1780 p.
13. Cambridge Advanced Learner's Dictionary with CD-ROM (Dictionary & CD Rom) – 3rd ed. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2008. – 1814 p.
14. Cowie, A.P. Oxford Dictionary of Phrasal Verbs / A.P. Cowie, R. Mackin. – Oxford ; N. Y. : Oxford Univ. Press, 2010. – 519 p.
15. The Oxford Dictionary for the Business World: An English Dictionary. Business and Finance. Computing. Cities, Countries, Economies / gen. ed.: A. Isaacs, E. Martin. – Oxford : Oxford Univ. Press, 1993. – 996 p.
16. Колбаско, Е.П. Глаголы со значением увеличения в англоязычном медийном дискурсе / Е.П. Колбаско // Вестник МГЛУ. Сер. 1, Филология. – 2012. – № 2 (57). – С. 81–86.

The article is devoted to *the phrasal verbs* with the meaning of diminution in English media discourse. Special attention is drawn to the peculiarities of their replacement by synonymous one-component verbs. The use of phrasal verbs provides compressed and exact expression of the meaning that results in higher expressiveness of the utterance which attracts the reader's attention.

Поступила в редакцию 06.07.2012

ЧАСТЕРЕЧНАЯ КОНВЕРГЕНЦИЯ В АСПЕКТЕ ПРИЧАСТИЙ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

В статье раскрывается сущность процессов адъективации и субстантивации, соотносящихся с причастием в немецком языке. Исконно глагольные причастия, включаясь в адъективную реализацию, приобретали значение качественного признака в диапазоне выполнения атрибутивной синтаксической функции. Процедура трансформации позволяет идентифицировать истинные причастия, сохраняющие общую с глаголом семантическую основу, и адъективно реализующиеся причастия, утрачивающие или утратившие эту соотнесенность (в случаях полной адъективации). Субстантивированные причастия, возникнув на глагольной основе, приобретали признаки рода, числа и падежа существительного, но сохраняли валентность в своем атрибутивном объеме. Они представляют собой продукт транспозиции с семантическим сдвигом: исконная глагольная семантика этих единиц интегрируется в частеречном категориальном значении предметности.

Лингвисты всегда отмечали, что частеречные объединения слов не являются замкнутыми, обособленными друг от друга классами, они находятся, как высказался еще академик Л.В. Щерба, в сложных взаимодействиях друг с другом [1]. Тем более это относится к причастиям: возникнув как отглагольные единицы номинации, т.е. имея общий с глаголом корень и сохраняя ряд глагольных свойств, они развивались затем, находясь в именной парадигме – адъективной и субстантивной. Поэтому закономерно, что в семантике единиц формировался комплекс глагольных и именных признаков. Глагольные заданы генетически, а именными являются признаки, характерные для прилагательного или существительного и отсутствующие у глагола. Первую стадию отхода от глаголов в направлении именных единиц у причастий принято именовать адъективацией, а уже вторую стадию считать субстантивацией.

Адъективация причастий широко распространена в немецком языке, но вообще, по мнению О.Е. Красовой, процесс устойчивой адъективации как “окачествления” причастий связан с действием целого ряда факторов. Наиболее распространенными признаются: изменение синтаксических условий функционирования причастий; отсутствие синтаксического окружения по принципу глагольного управления, в первую очередь прямого объекта действия; отсутствие существительного, обозначающего субъект (орудие) действия; отсутствие обстоятельственных слов, указывающих на характер протекания действия. Все это способствовало и способствует ослаблению глагольных свойств и изменению статуса валентности у причастия – ее перемещению из сферы глагола в сферу имени. Развитие же качественных значений ведет в целом ряде случаев к полному отрыву причастия от глагольной парадигмы. Причастие охватывается процессом лексикализации, который в свою очередь стимулируется семантическим сдвигом в сторону, направленную от глагола. Оказываясь тем самым в неустойчивом положении, причастие легко развивает новые смысловые оттенки, результи-

руемые семантическим сдвигом в пределах семантики качества [2, с. 45]. При полной адъективации “в семантической структуре причастия не остается процессуальных сем, оно полностью утрачивает свои формально-семантические связи с глагольными лексемами, соответственно исчезают взаимнообратимые трансформационные отношения” [3, с. 156].

Если истинные причастия как непосредственно отглагольные образования имеют с глаголом единый семантический стержень – динамический признак действия/процесса, тем самым и соотносимость со временем, то адъективированные причастия приобретают статический вневременной признак качества. Этими признаками маркируется диапазон функциональной реализации единиц – большая привязка то к глаголу, то к имени.

Как упомянуто в начале статьи, для подтверждения статуса правомерно применять процедуру трансформации, при которой исходным может быть постулат: причастие, генетически заключающее в себе динамичность в качестве общей семантической основы с глаголом и сохраняющее соотносимость с глагольной парадигмой (личными формами глагола), утрачивает эту соотносимость в случае адъективации. Через применение указанной процедуры дифференцируются три группы причастий.

1-я группа – причастия (истинные) обладают грамматическими признаками, присущими личным формам глагола, сохраняют валентностные свойства исходных глаголов, а также различия по видо-временному и залоговому значениям. В семантике этих причастий наличествует динамический признак действия: *die begonnene Arbeit – Man hat die Arbeit begonnen; die aufgehende Sonne – Die Sonne geht auf.*

2-я группа – причастия, в которых имплицированы как динамический, так и статический признаки, поскольку они не однородны по степени адъективации. Именно степень адъективации дифференцирует зависимость от лексико-семантической связи с исходным глаголом: чем связь прочнее, тем слабее степень адъективации, и наоборот, семантическое обособление от глагола соотносится с повышением степени адъективации. И в этом отношении различимы:

а) адъективированные причастия, не имеющие лексической соотносительности с глаголами, т.е. обладающие характерным признаком семантической изоляции от глагола: *das reizende Kleid* – прелестное платье (значение глагола *reizen* нивелировано); *eine abgeschlagene Frau* – изможденная женщина (значение глагола *abschlagen* нивелировано). Также причастия лишены “живой” связи с личными формами глаголов, семантически они развиваются по образцу омонимии [4, с. 347–349];

б) адъективированные причастия, лексически соотносимые с глаголами, но основывающие свою семантику на переносном значении: *ein glänzender Vortrag* – блестящий доклад, но не в смысле того, что он блестит (*glänzen* – блестеть); точно так же *ein hervorragender Wissenschaftler* – выдающийся ученый (*hervorragend* – выдаваться, возвышаться), *die gehobene Sprache* – высокий стиль (*heben* – поднимать); соответственно, и с личными формами глагола причастия соотносятся только в их переносном значении;

в) адъективированные причастия в устойчивых словосочетаниях, когда всем сочетанием представляется единое, общее значение, что не допускает ни трансформаций, ни смысловых модификаций: *fahrende Habe* (движимое имущество), *berittene Polizei* (конная полиция), *gebundene Energie* (потенциальная энергия).

3-я группа – слова с формой причастий, но ставшие полностью прилагательными и в любых условиях заключающие в себе статический, вневременной признак, не соотносясь с личными формами глагола. И здесь различимы подгруппы:

а) причастия, образованные от глаголов, ранее префиксальных, но в современном языке не выступающих как таковые: *bewusst*, *einverstanden*, *erwünscht*;

б) причастия, не имеющие даже частичного соответствия среди глаголов современного немецкого языка: *gescheit*, *getrost*, *verwegen*;

в) причастия, образованные от деноминативных глаголов, вследствие чего их трактуют как “псевдопричастия” [5; 130], “отыменные причастия”, или “отыменные прилагательные” [4]: *beschuht* (*beschuh* от *Schuh*), *bezopft* (*bezopfen* от *Zopf*), *befrackt* (*befracken* от *Frack*), *bestiefelt* (*bestiefeln* от *Stiefel*), *behaart* (*behaaren* от *Haar*) и др.

Субстантивация причастий, порождая именные единицы, обозначаемые термином *субстантивированные причастия*, трактуется в более широком плане как конверсия. За этим термином стоит смена частеречного статуса. Подчеркивая значимость самого явления, Ш. Балли писал: “Замкнутые в своих основных категориях знаки служили бы весьма ограниченным источником средств для удовлетворения многочисленных потребностей речи. Но благодаря межкатегорийным заменам мысль освобождается и выражение обогащается и получает различные оттенки” [6, с. 143]. Согласно В.М. Павлову, в преобразованиях конверсного типа свое наиболее яркое выражение находит транспозиция такого рода, как субстантивация прилагательных и причастий [7]. Корни этой характерной для немецкого языка транспозиции, т.е. перехода прилагательных и причастий в существительное, ученые усматривают в экстралингвистической обусловленности – тесной связи вещи, предмета со свойством, качеством. Свойство, качество может стать и становится на определенном историческом этапе единственным и постоянным указателем на предмет, фактически заменителем соответствующего предмета. Е.С. Кубрякова полагает, что “существительное в своем концептуальном основании строится на идее предметности (и прототипические существительные предметны и вещны), то связанные с ними деривационные категории служат для более детальной репрезентации самой идеи предметности” [8, с. 80]. В свое время и А.А. Шахматов подчеркивал, что субстантивацией обеспечивается передача признака, свойства как “выражение независимого представления” [9, с. 454]. В теории словообразования немецкого языка эту идею поддержала М.Д. Степанова: “процесс субстантивации заключается в том, что то или иное качество, свойство, состояние, действие, отношение, эмоция и т.п. начинают мыслиться предметно, в форме названия того или иного предмета или явления” [10, с. 101].

Если возвратиться к вышеупомянутой позиции Ш. Балли, то действительно, есть все основания считать сутью транспозиции (конверсии) “обеспечение потребности человека в выражении мысли имеющимися языковыми средствами, без создания единиц с новым морфемным составом” [11, с. 3]. Появляются единицы с измененной категориальной семантикой и усложненной семантической структурой слова, несущие сгущение мысли, свертку информации [12, с. 236]. Благодаря этому изменяются функции слова в речи, сфера его употребления, а также сочетаемость с другими словами и роль в предложении. И главным движителем при этом выступает “исключительно семантический сдвиг ... в производной единице по сравнению с производящей” [13, с. 48]. Именно вследствие семантического сдвига причастия приобретают значение одушевленной или неодушевленной предметности, включаются в соответствующие пространства функционирования языка а окончательно сформировавшись, начинают проявлять себя как языковые единицы независимо от контекста функционирования. Но вместе с тем в контекстных условиях создаются окказиональные лексические единицы, среди которых есть даже неожиданные образования.

В классе субстантивированных причастий находятся производные как от причастия I, так и от причастия II: *der Abreisende, der Mitlebende, der Beteiligte, der Vertriebene, das Gebratene, das Auffallende* и др. Основу значения этих единиц составляет логико-семантическая категория предметности; соответственно, и их грамматический статус определяется иначе: через “субстантивацию они приобретают грамматические категории имени существительного, т.е. признаки рода, числа, падежа” [14, с. 3]. На уровне предложения субстантивированные причастия могут выступать в любой синтаксической позиции, сочетаться с определением, выраженным адъективным словом, в том числе и причастием. Поэтому совершенно обоснованно видеть в субстантивации причастий преобразовательный процесс семантико-грамматического характера, базу которого создает именно частеречная транспозиция (глагол – прилагательное – существительное), или “частеречная перекатегоризация слов” [15, с. 238]. Однако даже у единиц, имеющих уже не глагольный (или слабо глагольный), а явно субстантивный тип значения, все же имплицитно воспринимается связь с соответствующими глагольными причастиями: *der (die) Abgeordnete (abgeordnet), der (die) Angeklagte (angeklagt), der (die) Beauftragte (beauftragt), das Gehackte (gehackt)* и др.

К субстантивированным причастиям применима обобщенная категориально-семантическая классификация, которая дифференцирует по лексическому значению две группы единиц: обозначения лиц и обозначения предметных (конкретных и абстрактных) сущностей. Первые являются словами мужского и женского рода и соотносятся в основном с лексико-семантической категорией имен деятеля (*nomina agentis*), а по связи с действием могут в свою очередь дифференцироваться как имена, характеризующиеся активным отношением к действию (*der Fahrende, der Reisende*), и как имена, обозначающие пассивного носителя признака действия (*der*

Angeklagte, der Gefangene). Противопоставленность по активности/пассивности отсутствует у тех субстантивированных причастий, которые полностью утратили глагольность и стали в результате своего развития “закрытыми” по семантике. В таких случаях причастия I и II могут быть синонимами: *der Vorsitzende – der Vorgesetzte, der Einsitzende – der Eingesessene* и др. Закрытость семантики встречается преимущественно у имен, глагольно-причастная основа которых адъективировалась до уровня высшей степени (*der Bekannte, der Verwandte* и др.). Противоположное присущее причастиям, субстантивируемым непосредственно в речи, т.е. окказионально: они семантически открыты, например: *denken* (в связи с каким-то актуальным моментом) – *der Denkende, der Andersdenkende, der Gleichdenkende; beklagen* (по данному конкретному поводу) – *der Beklagte; anschuldigen – der Angeschuldigte* и др.

Возможно дифференцировать *nomina agentis* по более конкретным лексико-субкатегориальным признакам, например:

➤ по роду занятий, профессии, занимаемой должности, социальному положению: *der (die) Angestellte, der (die) Vorsitzende, der (die) Abgeordnete, der (die) Bekannte, der (die) Verwandte;*

➤ по различным неделовым отношениям:

а) знакомства: *der (die) Bekannte, der (die) Unbekannte;*

б) родства: *der (die) Verwandte, der (die) Anverwandte;*

в) испытываемых чувств: *der (die) Geliebte, der (die) Verhasste;*

➤ по различным признакам состояния (здоровья, духа и т.д.), а также по чертам характера, качествам: *der (die) Genesende, der (die) Verrückte, der (die) Betrunkene, der (die) Begabte;*

➤ по пространственному (локальному) признаку: *der (die) Anwesende, der (die) Abwesende, der (die) Eingeborene;*

➤ по возрастному признаку: *der (die) Erwachsene, der (die) Neugeborene* и др.;

➤ как общепринятые формы обращения: *Verehrter/Verehrte, Geschätzter/Geschätzte* и др.

В противоположность категории имен деятеля категория предметных существностей не имеет такой разветвленной дифференциации, хотя все же возможно различать:

а) предметность как нечто собирательное, многократно мотивированное определенным действием: *das Gedruckte, das Geschriebene, das Mitgebrachte, das Illustrierte* и др. Сюда же относятся и названия “сборных” блюд, напитков, мотивированные по тому же принципу многократности: *das Gehackte, das Gefrorene, das Eingemachte, das Gebackene, das Gekochte* и др.;

б) предметность как общее отвлеченное понятие, например: *das Gegebene, das Kommende, das Zutreffende, das Geschehene, das Vergangene* и др.

Таким образом, частеречная конвергенция в диапазоне причастия носит многогранный характер, который составляет основу широкого объема функциональной реализации этого явления как в аспекте адъективации, так и в аспекте субстантивации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Щерба, Л.В.* О частях речи в русском языке / Л.В. Щерба // Избранные работы по русскому языку. – М. : Учпедгиз, 1957. – С. 63–85.
2. *Красова, О.Г.* Категориальные свойства и синтаксическое употребление причастий в современном датском языке : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / О.Г. Красова. – М., 2004. – 232 л.
3. *Вольнец, Т.Н.* Семантика и грамматика русского причастия в языковой системе : дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.02 / Т.Н. Вольнец. – Минск, 1998. – 229 л.
4. *Москальская, О.И.* Грамматика немецкого языка. Морфология / О.И. Москальская. – М. : Изд-во лит-ры на иностр. яз., 1956. – 394 с.
5. *Новожилова, О.В.* Псевдопричастия в современном немецком языке : автореф. ... дис. канд. филол. наук: 10.02.04 / О.В. Новожилова. – М., 1983. – 22 с.
6. *Балли, Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. – М. : Изд-во иностр. лит., 1955. – 416 с.
7. *Павлов, В.М.* Понятие лексемы и проблема отношений синтаксиса и словообразования / В.М. Павлов ; отв. ред. В.Г. Адмони. – Л. : Наука, 1985. – 300 с.
8. *Кубрякова, Е.С.* О когнитивном подходе к производному слову / Е.С. Кубрякова // Славистика: синхрония и диахрония : сб. науч. ст. к 70-летию И.С. Улуханова / ИРЯ им. В.В. Виноградова РАН ; под науч. ред. В.Б. Крысько. – М. : ИЦ Азбуковник, 2006. – С. 77–83.
9. *Шахматов, А.А.* Синтаксис русского языка / А.А. Шахматов. – Л. : Наука, 1941. – 620 с.
10. *Степанова, М.Д.* Словообразование современного немецкого языка / М.Д. Степанова. – М.: Изд-во лит-ры на иностр. яз., 1953. – 375 с.
11. *Редькина, О.В.* Субстантивация как семантическое явление (языковой и функциональный аспекты) : автореф. ... дис. канд. филол. наук: 10.02.01 / О.В. Редькина. – Н. Новгород, 2003. – 22 с.
12. *Гречко, В.А.* Теория языкознания : учеб. пособие / В.А. Гречко. – М. : Высш. шк., 2003. – 375 с.
13. *Кубрякова, Е.С.* Типы языковых значений. Семантика производного слова / Е.С. Кубрякова ; отв. ред. Е.А. Земская. – М. : Наука, 1981. – 200 с.
14. *Сиротина, А.А.* Субстантивация частей речи в современном немецком языке (морфолого-синтаксический анализ) : учеб. пособие / А.А. Сиротина. – Воронеж: Воронежск. гос. пед. ин-т, 1982. – 31 с.
15. *Харитончик, З.А.* Очерки о языке. Теория номинации. Лексическая семантика. Словообразование / З.А. Харитончик ; редкол. : А.В. Зубов (отв. ред) [и др]. – Минск : МГЛУ, 2004. – 367 с.

The article reveals the nature of adjectivization and substantivization processes in relation to participles in German. It also provides insights into classification of substantivized and adjectivized participles as well as into their functions.

Поступила в редакцию 27.06.12

ВИДЫ И ФУНКЦИИ ПОЛИФОНИИ ВО ФРАНЦУЗСКОМ НОВОСТНОМ ДИСКУРСЕ

В статье рассматривается проблема прагматической обусловленности выделения видов полифонии во французском новостном дискурсе. Формы внешней полифонии: «физическое многоголосье» и языковая полифония призваны воссоздать полную панораму описываемого события. Формы внутренней полифонии (ассимиляция, посредничество, отрицание) представлены организацией локутором-создателем медиатекста различных точек зрения в новостном дискурсе с целью интерпретации последним собственных мыслей как субъекта оценки.

Разнообразие прагматических целей и задач, решаемых в телевизионном дискурсе, обуславливает разнообразие языковых средств и дискурсивных приемов, используемых автором телевизионного сообщения. Данное положение в полной мере относится и к информационным жанрам, в частности, к выпускам новостей. Дискурсивный прием полифонии как нельзя лучше отвечает задачам, решаемым создателем медиатекста в телевизионном информационном дискурсе: с одной стороны, стремлению к высказыванию авторской точки зрения и самовыражению, а с другой – желанию максимально завуалировать собственную субъективность как реализации претензии на объективность изложения.

В современной теории полифонии разграничивают внутреннюю и внешнюю полифонию. В основе выделения внутренней и внешней полифонии лежит возможность (или невозможность) идентификации голосов нескольких *локуторов*. В отличие от говорящего субъекта¹, под которым понимается лицо, ответственное за порождение высказывания, локутор² – это лицо, ответственное за авторство высказывания. Понятие *говорящий субъект* совпадает с понятием *локутор* тогда, когда в речи лица-участника коммуникативной ситуации (даже в том случае, если обратная связь реципиента с коммуникатором отсутствует) присутствует одно простое высказывание, за авторство которого он несет ответственность. В высказывании говорящего субъекта может присутствовать прямая речь или неопределенное местоимение в сочетании с соответствующими элементами лингвистического контекста (упоминание других лиц, которые несут ответственность за авторство цитаты или входят в состав собирательного образа автора, обозначенного неопределенным местоимением). В этом случае в высказывании фигурирует несколько локуторов: локутор-говорящий субъект и локутор-автор прямой речи (или собирательный образ локутора).

¹ Под понятием *говорящий субъект* мы понимаем индивидуума, «живое лицо».

² Содержание понятия *локутор* передается терминами *le locuteur* у Ж.К. Анскомбра и *le locuteur d'énonciation* у Н. Нульке.

Наряду с содержанием, автором которого является локутор, в высказывании может присутствовать *точка зрения* (одна или несколько)¹ – «голос»² Другого, который лишь слышится в высказывании, и идентифицировать его помогают дейктики (эгоцентрические слова). Голос Другого может быть выражен эксплицитно и имплицитно. Эксплицитное выражение точки зрения в высказывании представляет собой интерпретацию локутором собственных мыслей или трансформацию им высказывания другого локутора. Дейктики являются с л е д о м присутствия автора той или иной «точки зрения» и представляют собой «...элементы, которые выражают идентификацию объекта – предмета, места, момента времени, свойства, ситуации – через его отношение к речевому акту, его участникам или контексту» [1, с. 58]. В качестве дейктиков могут выступать грамматические и синтаксические конструкции и семантика слов. Имплицитно выраженная точка зрения – это находящаяся в пресуппозиции точка зрения собирательного образа локутора в вопросительном или отрицательном высказывании. Дейктиками, маркирующими присутствие находящейся в пресуппозиции точки зрения, являются отрицательные частицы и знак вопроса (вопросительная интонация).

Как в дискурсе, так и в отдельном высказывании возможно присутствие одного или нескольких локуторов и точек зрения. Вслед за Н. Нульке мы полагаем, что позволить идентифицировать наличие нескольких локуторов во в н е ш н е й п о л и ф о н и и может, с одной стороны, «физическое присутствие» последних, а с другой стороны – наличие соответствующих лингвистических маркеров [2, с. 94], указывающих на присутствие нескольких локуторов как лиц, ответственных за авторство высказываний.

Если внешняя полифония предполагает наличие нескольких локуторов, то во в н у т р е н н е й п о л и ф о н и и один локутор представлен во всем многообразии «точек зрения», которыми он оперирует. По мнению Ж.-К. Анскомбра, позиция локутора, который организует точки зрения в высказывании, может определенным образом соотноситься с той или иной точкой зрения. Он выделяет три типа соотношения понятий *локутор* и *точка зрения*: *ассимиляция* (*l'identification avec l'énonciateur*), *посредничество* (*le rapport de médiativité*) и *отрицание* (*la négation*) [3, p. 58]. В первом случае (ассимиляция) точка зрения как составляющая внутреннего «Его» локутора идентифицируется посредством эгоцентрических слов: модальных глаголов и временных форм, слов с оценочным значением, а также вводных слов и союзов. Во втором случае (посредничество) Посредник³ выражен либо явно (указана конкретная личность), либо присутствие «Третьего лица»⁴ марки-

¹ Содержание понятия *точка зрения* передается терминами *l'énonciateur* у Ж.К. Анскомбра и *l'être discursif* у Н. Нульке.

² Представители теории полифонии сходятся во мнении, что содержание понятия *голос* (*la voix*) близко содержанию понятия *локутор* (*le locuteur*).

³ Под термином Ж.-П. Дэкле *Посредник* мы понимаем точку зрения конкретного лица, посредством которой локутор оговаривает источник появления обозначенных фактов.

⁴ Под термином Н. Нульке *Третьи лица* мы понимаем неперсонифицированную точку зрения, находящуюся в пресуппозиции.

руется неопределенным местоимением (во французском языке местоимением *on*). В третьем случае (отрицание) на присутствие точки зрения указывает категория отрицания (*ne...pas*) или вопросительная структура высказывания.

Как известно, прием полифонии широко используется в художественном дискурсе, позволяя повествователю через многоголосье персонажей, голоса современников и предшественников, а также голос внутреннего «его» реализовать художественный замысел. В телевизионном новостном дискурсе повествователь, каковым является журналист в студии, использует прием полифонии для решения общей и текущих прагматических задач.

При анализе полифонии во французском телевизионном информационном дискурсе термином *локутор* нами обозначались голоса говорящих субъектов, то есть журналистов, свидетелей и участников события, а также голоса авторов цитируемых высказываний. «Точки зрения» представлены как самими локуторами, так и другими лицами, которые не являются локуторами, но на мнение которых ссылается локутор (Посредники и «Третьи лица»), при этом Посредник представляет персонифицированную точку зрения, а Третьи лица – неперсонифицированную точку зрения.

В телевизионном информационном дискурсе полифоничность высказывания создается посредством как внешней, так и внутренней полифонии. Внешняя полифония может быть представлена голосами присутствующих на экране говорящих субъектов: ведущего в студии; журналиста, читающего закадровый текст; свидетелей и участников события. Эти голоса идентифицируются как отдельные говорящие субъекты-локуторы и создают «физическую» полифонию. Основанием для отнесения физического многоголосья к приему полифонии является, по нашему мнению, тот факт, что в новостном фрагменте говорящие субъекты реализуют общую для всех прагматическую задачу, решение которой требует распределения ролей. Каждый голос в соответствии с поставленной прагматической мини-задачей ведет свою «партию», и эти «партии» сливаются в общий «хор», подчиненный единой прагматической установке:

A n n o n c e u r : Plus de voitures fumeur dans les premières classes des TGV français à partir d'aujourd'hui.

R e p o r t e r : Je vais demander aux passagers...Un passager me dit qu'il n'est pas d'accord. Un autre est d'accord avec la décision commerciale.

*P a s s a g e r : Je suis d'accord, car on peut fumer et puis retourner à sa place tranquillement.*¹ (TF2, 14.05.2011.)

В цитируемом примере прагматической задачей ведущего в студии является краткий анонс события (увеличение числа вагонов для курения). Задача репортера сводится к оценке данного события посредством трансформации различных точек зрения пассажиров. Голос свидетеля события (пассажира) – это субъективное мнение, на которое локутор-создатель медиатекста считает возможным опереться, выражая оценку события.

¹ В е д у щ и й в с т у д и и : С нынешнего дня в поездах скоростных линий во Франции будет больше вагонов первого класса для курения.

Р е п о р т е р : Пойду спрошу у пассажиров. Один пассажир говорит мне, что он не согласен. Другой согласен с коммерческим решением.

П а с с а ж и р : Я согласен, потому что можно пойти покурить и спокойно вернуться на свое место (перевод наш. – О. Л.).

Если в высказывании, принадлежащем одному говорящему субъекту, присутствует несколько локуторов, то в этом случае речь идет о внешней языковой полифонии, поскольку локуторы идентифицируются благодаря соответствующим лингвистическим маркерам. В качестве лингвистических маркеров могут выступать неопределенные местоимения в сочетании с соответствующим лингвистическим контекстом и эксплицитное цитирование. Рассмотрим каждый из указанных случаев отдельно [4, p. 37].

Высказывание *Le chancelier allemand dit, je cite: "Je pense que les rapports entre nos pays resteront solides"* (Le Point du 13 avril. 2011, p. 21-22)¹. иллюстрирует присутствие двух локуторов: говорящего субъекта (журналиста) и немецкого канцлера, слова которого журналист цитирует. Цитирование является эксплицитным, поскольку смысл исходного высказывания не искажается (журналист ссылается на конкретный источник – периодическое издание "Le Point", указывая страницы). Наличие эксплицитной цитаты дает возможность идентифицировать голос немецкого канцлера в качестве локутора. Использование эксплицитной цитаты объясняется стремлением локутора-создателя медиатекста придать общественное звучание своему голосу и попыткой сохранить внешние атрибуты объективности в обосновании правомерности занимаемой позиции.

Стремясь указать на существование дистанции между собственной и цитируемой точками зрения, локутор-говорящий субъект (создатель медиатекста) обозначает наличие нескольких локуторов в собственном высказывании посредством неопределенного местоимения *on* в сочетании с лингвистическим контекстом, который предполагает указание на конкретных лиц – авторов высказывания. В высказывании *Ça fait dix ans que beaucoup de consommateurs consomment journallement des OGM et on n'a constaté le moindre problème*² (LC1. 15.04.2010) присутствует несколько локуторов: локутор-говорящий субъект и другие локуторы (потребители). Употребление неопределенного местоимения *on*, маркирующего наличие локуторов-потребителей, разделяющих ту же точку зрения, что и сам локутор-говорящий субъект, очевидно, вызвано стремлением последнего избежать выражения субъективного отношения к предмету дискуссии.

В телевизионном информационном дискурсе широко используется внутренняя полифония, которая представлена различными точками зрения, организованными локутором, являющимся, как правило, говорящим субъектом. Позиция локутора по отношению к той или иной точке зрения определяется одним из трех рассмотренных выше типов соотношений: ассимиляция, посредничество и отрицание. Выделение каждого из трех типов соотношений в телевизионном информационном дискурсе функционально и прагматически мотивировано.

¹ Канцлер Германии утверждает, я цитирую: «Я думаю, что отношения между нашими странами останутся устойчивыми» (Ле Пуэн. 2011, 13 апр., с. 21–22) (перевод наш. – О.Л.).

² Вот уже 10 лет большое количество людей каждый день употребляет генетически модифицированные продукты, и не поступило ни единой жалобы (перевод наш. – О.Л.).

При а с с и м и л я ц и и локутор одновременно выражает несколько собственных «точек зрения», так или иначе интерпретируя собственные мысли и стремясь, с одной стороны, выразить субъективную оценку, а с другой стороны – скрыть собственное отношение к предмету оценки. Происходит своего рода расщепление внутреннего «ego» локутора. Комментируя то или иное событие в телевизионном информационном дискурсе, он «пропускает» информацию через себя, оценивая ее.

В контексте выражаемых оценочных точек зрения локутор в новостном дискурсе предстает в статусе с у б ъ е к т а оценки. Вслед за Е.М. Вольф для обозначения точки зрения локутора, выражающей оценочное суждение, в работе использовался термин *субъект рациональной оценки* для обозначения точки зрения локутора, выражающей эмоциональную реакцию на событие, – *субъект эмоциональной оценки* для обозначения точки зрения локутора, включающей в себя один из видов модальности – *субъект оценочной модальности* [5, с. 123].

В телевизионном информационном дискурсе рациональный, эмоциональный и модальный компоненты в оценке локутора зачастую выражаются одновременно: *Ouf! C'est enfin terminé. La première étape de protection contre le tabagisme passif est en place. Tant mieux! La déferlante médiatique, l'assaut des hygiénistes et le haro des anti-fumeurs vont probablement enfin s'arrêter... Il y a toujours des projets vagues*¹.

Локутор высказывает несколько точек зрения как субъект эмоциональной, рациональной и модальной оценки. Эмоциональная оценка передается с помощью дейктических показателей аффективности: *ouf, enfin, tant mieux*. Каждый из эгоцентрических элементов выражает один из аспектов эмоционального состояния локутора; *Ouf!* – облегчение, вызванное прекращением кампании по борьбе с пассивным курением; *Tant mieux!* – радостное удовлетворение; *enfin* – нетерпение. В высказывании *La déferlante médiatique, l'assaut des hygiénistes et le haro des anti-fumeurs vont probablement enfin s'arrêter* модальная оценка (*probablement*) выражается одновременно с эмоциональной оценкой (*enfin*). В последнем высказывании *Il y a toujours des projets vagues* локутор выступает в роли субъекта рациональной оценки, называя кампанию по борьбе с пассивным курением «непонятным проектом».

В телевизионном информационном дискурсе локутор часто прибегает к посредничеству как средству введения чужой точки зрения. В этих случаях он ссылается на персонифицированную или неперсонифицированную точку зрения иного лица – Посредника или Третьих лиц (неперсонифицированных Посредников), пытаясь максимально завуалировать собственную субъективность и претендуя на объективное изложение информации. Цитируя высказывания Посредников или Третьих лиц, локутор (создатель медиатекста) стремится снять с себя ответственность за содержание сказанного и указать на наличие дистанции между собственной и цитируемой точками зрения.

¹ Уф! Наконец-то это закончилось. Начался первый этап борьбы с пассивным курением. Тем лучше! Резонанс в СМИ, нападки врачей, негодование некурящих – скоро в конце концов наверняка всему этому придет конец... Всегда случаются непонятные проекты (перевод наш. – О.Л.).

С этой целью в новостном дискурсе локутор использует различные языковые механизмы модификации цитируемых высказываний (семантические, лексические и грамматические трансформации). Интерпретируя собственные мысли, локутор стремится, с одной стороны, выразить субъективную оценку, а с другой стороны – скрыть собственное отношение к предмету оценки. Таким образом, в новостном дискурсе локутор использует формы внутренней полифонии, чтобы дистанцироваться от иной точки зрения и имплицитно ввести собственную точку зрения.

Ссылаясь на точку зрения Посредника, локутор обращается к высказыванию конкретных лиц. В высказывании *D'après le critique du Monde, le dernier film de Woody Allen est totalement raté*¹ [6, p. 64], помимо локутора, присутствуют две точки зрения: Посредник, на мнение которого ссылается локутор (собираТЕЛЬНЫЙ образ, представляющий журналистов издания «Монд», написавших критическую статью на фильм Вуди Аллена), и точка зрения самого локутора, который определенным образом перефразирует смысл высказывания журналистов.

Ссылаясь на точку зрения Третьих лиц, локутор обращается к неперсонифицированной точке зрения, которая находится в пресуппозиции. В качестве Третьих лиц выступает точка зрения “on”. Вслед за Ж. Пейтаром [7, p. 158] мы считаем, что за неопределенным местоимением *on* часто скрывается точка зрения самого локутора, которую он преподносит как точку зрения «лингвистического сообщества». Так, в дискурсивном фрагменте *D'aujourd'hui l'Académie des Sciences considère que l'on peut à petite dose introduire ces plantes transgéniques dans l'agriculture. On ne partage pas cette opinion. Evidemment il ne faut pas le faire*² локутор вуалирует собственную точку зрения с помощью неопределенного местоимения *on*, высказывая точку зрения “on-textuel”³.

Мы разделяем позицию Н. Нульке [2, p. 348] относительно того, что соотношение субъективного и объективного в точке зрения “on” может варьироваться: точка зрения локутора может превалировать над мнением большинства и наоборот. Высказывание локутора *A n'importe quel âge on espère toujours des miracles* характеризуется наличием двух точек зрения. Первая точка зрения высказывается лингвистическим сообществом, а вторая – локутором, который употребляет точку зрения Третьих лиц. Данный новостной сюжет посвящен празднованию Нового года и Рождества во Франции. В этом контексте локутор высказывает мысль о том, что «в любом возрасте все мы живем в ожидании чуда», ассимилируя в семантике неопределенного местоимения *on* точку зрения Третьих лиц и собственную точку зрения по данному вопросу. Иными словами, точка зрения локутора включается в точку зрения Третьих лиц: локутор не опровергает и не отрицает устоявшееся

¹ Согласно критической статье журналистов издания «Ле Монд», последний фильм Вуди Аллена совсем не удался (перевод наш. – О.Л.).

² На сегодняшний день Академия наук считает, что понемногу можно вводить в практику разведение генномодифицированных культур в сельском хозяйстве. Эта точка зрения является спорной. Конечно, этого нельзя делать (перевод наш. – О.Л.).

³ Под точкой зрения “on-textuel” Н. Нульке понимает точку зрения самого локутора, которая преподносится последним как точка зрения Третьих лиц.

мнение большинства людей по данному вопросу. Подобная точка зрения отнесена нами, вслед за Н. Нульке [2, р. 52], к общим утверждениям (*on-générique*¹), поскольку ее можно перефразировать как “*tout le monde dit que*” («все считают, что»).

Категория отрицания также используется в телевизионном информационном дискурсе для выражения нескольких точек зрения. Выражаясь в отрицательной и вопросительной формах высказывания, она дает возможность локутору высказать полярную точку зрения, которая опровергает находящуюся в пресуппозиции исходную точку зрения.

Полифонический характер имеют только полемическое и металингвистическое отрицания, тогда как высказывание в форме дескриптивного отрицания является эквивалентом соответствующего утвердительного высказывания (“*Il ne fait pas beau*” = “*Il fait mauvais*”) [8 ; 9 ; 10].

В новостном дискурсе локутор с помощью полемического отрицания имеет возможность противопоставить различные точки зрения. В таких случаях отрицательное высказывание представляет собой столкновение двух или более антагонистических позиций (точек зрения), одна из которых, опровергающая первую, приписывается локутору, а другая, положительная, присутствует в высказывании или находится в пресуппозиции: *Je ne pense pas que ce soit raisonnable de la part de l’Eglise de permettre a tout le monde d’utiliser le préservatif.*² В данном примере полярная точка зрения находится в пресуппозиции: о ее наличии свидетельствуют лингвистические маркеры категории отрицания, а именно отрицательные частицы *ne...pas*. Слова *je ne pense pas* (‘я не думаю’) дают возможность локутору не только описать, но и идеологически столкнуть разные концептуальные позиции: ‘я не думаю’ подразумевает ‘а другие думают’.

В содержательной ткани новостного дискурса встречаются вопросительные конструкции, в частности, альтернативный вопрос, постановка которого характеризуется проблемностью, поскольку его содержательная структура содержит несколько вариантов ответа: *Est-ce que le rôle de l’Eglise est de condamner les fautifs ou de les protéger par la charité chrétienne?*³ В данном примере «точка зрения +» и «точка зрения –» четко сформулированы локутором, а не находятся в пресуппозиции. Подобная формулировка вопроса дает возможность локутору максимально дистанцироваться от ответа, к чему обязывает сама тематика новостного сюжета: отношение общества к проблеме преступности со стороны священнослужителей еще не определилось.

Таким образом, полифоничность является одной из существенных характеристик телевизионного информационного дискурса. Специфика использования локутором форм полифонии во французском новостном дискурсе определяется спецификой его прагматической задачи. Во внешней полифонии обозначение локуторов как авторов высказывания определяется,

¹ Под точкой зрения “*on-générique*” Н. Нульке понимает точку зрения Третьих лиц, которая ассимилирует точку зрения локутора и точку зрения «лингвистического сообщества».

² Я не думаю, что со стороны церкви было бы разумным разрешать всем использовать презерватив.

³ Разве роль Церкви состоит в том, чтобы осуждать виновных или защищать их силой христианского милосердия? (перевод наш. – О.Л.).

с одной стороны, «физическим присутствием» последних на экране («физическое многоголосье»), а с другой стороны – наличием соответствующих языковых маркеров (языковая полифония). Прагматический потенциал высказываний субъектов «физического многоголосья» неоднозначен. С одной стороны, высказывания субъектов «физического многоголосья» призваны воссоздать более масштабную картину описываемого события, а с другой стороны – локутор-создатель медиатекста включает в содержание репортажа только те фрагменты высказываний субъектов «физического многоголосья», которые отвечают характеру его коммуникативной установки. Посредством языковой полифонии локутор указывает на дистанцию между собственной и цитируемой точками зрения, как правило, с целью демонстрации претензии на объективность в изложении информации. Внутренняя полифония представлена организацией локутором точек зрения в дискурсивном фрагменте. Локутор использует формы внутренней полифонии, чтобы дистанцироваться от иной точки зрения и имплицитно ввести собственную точку зрения посредством выражения оценки (ассимиляция), трансформации точки зрения другого локутора (посредничество), наличия в высказывании полярных точек зрения (отрицание).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Падучева, Е.В.* Высказывание и его соотносительность с действительностью / Е.В. Падучева. – 3-е изд., стер. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – 287 с.
2. *Nølke, H.* ScaPoLine. La théorie scandinave de la polyphonie linguistique / Н. Nølke, К. Noren. – Paris : Kimé, 2004. – 518 p.
3. *Anscombe, J.-C.* Les objets de la polyphonie / J.-C. Anscombe // Français moderne. – Paris : Hermann, 2006. – № 74. – P. 30–61.
4. *Nølke, H.* Le regard du locuteur / Н. Nølke. – Paris : Kimé, 2004. – 614 p.
5. *Вольф, Е.М.* Функциональная семантика оценки / Е.М. Вольф. – М. : Наука, 1985. – 986 с.
6. *Perrin, L.* La voix et le point de vue / L. Perrin // Langue française. – Paris : Larousse, 2009. – № 164. – P. 61–81.
7. *Peytard, J.* D'une sémiotique de l'altération / J. Peytard // Configurations discursives. – Semen 8, Université de Besançon, 2000. – P. 143–177.
8. *Ducrot, O.* Nouveau dictionnaire encyclopédique des sciences du langage / O. Ducrot, J.M. Schaeffer. – Paris : Editions du Seuil, 1995. – 816 p.
9. *Authier-Revuz, J.* Ces mots qui ne vont pas de soi. Boucles réflexives et non coïncidence du dire / J. Authier-Revuz. – Paris : Larousse, 1995. – 405 p.
10. *Nølke, H.* Types d'êtres discursifs dans la ScaPoLine / Н. Nølke // Langue française. – Paris : Larousse, 2009. – № 164. – P. 61–97.

The article considers the problem of pragmatic basis for the option of polyphony types in the French news discourse. The forms of external polyphony ("physical polyphony" and linguistic polyphony) are called to perform the media-text locutor-founder's claim to objectivity in the presentation of information. The forms of internal polyphony (assimilation, mediation, denial) are presented through organizing of different points of view by the locutor-founder of the media-text and express the locutor-founder's desire to distance himself from that position and introduce implicitly his own point of view.

Поступила в редакцию 29.06.12

Н.В. Сокольчик

МЕЖДОМЕТИЕ И ЯЗЫКОВЫЕ АНАЛОГИ НЕВЕРБАЛЬНЫХ ЖЕСТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА)

Статья посвящена проблеме реализации эмотивного значения междометия в определенных речевых ситуациях, сопровождаемых невербальными средствами, передающими эмоциональное состояние говорящего. Теоретический и практический интерес представляет взаимодействие языковых средств и жестов говорящего как конкретизация значения междометия в высказываниях художественного текста. Кроме того, языковые аналоги жестов в сочетании с междометиями помимо уточняющей, конкретизирующей функции способствуют успешному декодированию сообщения в целом.

К сфере невербального общения как способу сообщения относят различные кинетические средства и, прежде всего, жесты. Жест (от лат. *gestus* 'движение тела') – движение рук, головы; позы, обозначающие или сопровождающие речь. По мнению Ш. Балли, не существует никакого принципиального различия, к примеру, между жестом *хмурить брови* и фразой, выражающей его гнев [1, с. 102].

Специфика невербального общения заключается в синтетическом представлении информации, разложить которую на составляющие элементы оказывается весьма затруднительно. Кроме того, такое общение всегда ситуативно: оно непосредственно связано с текущим состоянием говорящего, его эмоциональным настроением и отношением к самой ситуации или реплике [2, с. 172]. Подобная характеристика позиции субъекта полностью соответствует его намеренному использованию другого вербального средства общения – междометиям.

Ситуативность и спонтанность, нерасчлененность отображения действительности и указание на эмоциональное состояние говорящего дают основание трактовать междометие как особую часть речи, которая одновременно квалифицируется и как речевая единица [3, с. 458]. Для междометия специфичны статус отдельного предложения, интонационный контур, конвенциональная (морфологически аморфная) форма, обладающая эмотивным значением, зафиксированным в словарной дефиниции.

Для выражения своего спонтанного эмоционального состояния говорящий использует разные языковые средства, в том числе и междометия, которые наиболее адекватно передают его психический и эмоциональный настрой. В случае произнесения междометия в речи эмоция, составляющая его эмотивное содержание, выступает связующим звеном между ситуацией и высказыванием. Междометие в речи выражает конкретное эмоциональное состояние говорящего – одно из тех, которые зафиксированы в его дефиниции (в словаре): *Zut* – interj. *Fam.* Exprime le dépit, le mépris, le refus. *Zut! j'ai perdu mon stylo* [Larousse, 2008]. Это обеспечивает адекватное и единообразное понимание его значения, подтверждающее воспроизводимость междометий [4, с. 53]. Благодаря дейктической природе междометие способно осуществлять референцию к конкретной эмоции, которую говорящий испытывает в момент речи.

Онтологически междометие представляет собой краткую, синкретичную форму, передающую эмоциональный настрой говорящего в момент речи, что и выражается первичными: *Ouf! Le bébé s'est endormi* [А-МРЗ, р. 19] и вторичными междометиями: *La vache! Il fait ses bagages...* [А-МР, р. 68].

Вместе с тем по отношению к единицам языка лингвисты отмечают «большую лаконичность жестов» [5, с. 10]: сопровождая диалог, жесты придают общению определенную степень экспрессивности, фатики, помогают слушающему понять и осмыслить сообщение. Невербальные средства в большей степени, чем вербальные, тяготеют к миру эмоций, а поэтому более выразительны. Другими словами, жесты визуальны, т.е. непосредственно и конкретно передают состояние говорящего. Междометие же – многозначная и одновременно семантически нерасчлененная по своей природе языковая единица – требует дополнительных средств декодирования своего эмоционального значения. Еще Ч. Стивенсон отмечал, что «эмотивное значение редко определяется одной референцией, но также зависит от жестов, интонаций и эмоционально насыщенных контекстов ...» [6, с. 146].

Жест как движение человека и междометие как единица языка указывают на эмоциональное состояние только в момент речи. Нерасчлененность значения междометия (оно занимает особое место в системе частей речи) конкретизируется в высказывании; жест как симптоматическое движение рук, ног и мимики говорящего также получает описание своей значимости в письменной коммуникации: «Языковые средства, передающие человеческий жест – «закатить глаза», «всплеснуть руками» и т.д. – являются способами передачи различных моментов некоторой эмоциональной ситуации, в которой может оказаться человек» [7, с. 194]. Именно поэтому целью предлагаемого анализа становятся языковые средства, передающие жесты участников письменной коммуникации.

В тексте *L'Espagnol a déjà disparu dans sa chambre – en face. Sissy baisse la tête. L'atmosphère pèse lourd, soudain. <...> et je vois une grosse larme couler sur la joue de la top-modèle...* [А-МР, р. 19] эмоциональная реакция субъекта проявляется конкретными жестами: опущенной головой и слезами. Девушка (Sissy) переживает разбитую любовь к испанцу, а внешние проявления ее глубокой печали передаются соответствующими языковыми аналогами: *Sissy baisse la tête* (она опускает голову) и *je vois une grosse larme couler sur la joue* (по ее щеке скатывается крупная слеза).

В высказываниях с междометием языковые аналоги жеста выполняют ориентировочную функцию: обеспечивают успешное понимание адресатом высказывания говорящего, уточняя многозначность междометия; они способствуют точной передаче эмоции и способствуют тем самым более адекватной интерпретации читателем эмоционального настроения персонажа.

Анализ материала позволяет дифференцировать жесты разного эмоционального состояния говорящего. Прежде всего это *естественные* жесты как физиологические проявления эмоциональных состояний. К языковым аналогам последних относятся, например, глаголы, передающие в переносном

значении внешние признаки проявления чувств и эмоций: *rougir* (краснеть, покраснеть), *rosir* (розоветь), *pâlis* (бледнеть) и т.д. Взаимодействие этих глаголов с междометием дополняет или усиливает его конкретное значение:

– *Entrez, entrez! Mais vous êtes magnifique! – Oh, rougit-il, ce n'est qu'un canotier...* [AG, с. 77]. В описываемой ситуации говорящий смущен и польщен комплиментом собеседника: именно физиологически естественная реакция – неловкость, чувство стеснения – уточняет эмотивное значение междометия *Oh* – невольная радость. Это значение подтверждается дефиницией глагола *rougir* – *devenir rouge sous l'effet d'une émotion, en parlant du visage: rougir de plaisir, de honte* (Larousse, 2008) – краснеть – становиться красным (о лице) под влиянием какой-либо эмоции: краснеть от удовольствия, от стыда.

В тексте *Les joues de Joséphine flambèrent. – J'aime quand il m'embrasse, <...>. Oh, Shirley! C'est si bon!* [КР, с. 168] глагол *flamber* (пылать) как графический знак естественного проявления эмоции также используется в переносном значении: предаваться какому-либо чувству, страстно переживать что-либо (Ожегов, 1988). Жест *Les joues flambèrent* (щеки запылали) передает более высокую степень радости по сравнению с жестом *il rougit* (он покраснел). С одной стороны, значение языкового аналога жеста (щеки запылали) эксплицирует и интенсифицирует эмотивное значение междометия (восторженная радость), а с другой – включает, дополняя его, значением смущения – Жозефина влюблена в бывшего мужа своей сестры.

В следующем отрывке используется антоним *rougir* (покраснеть) – *pâlis* (бледнеть): – *Nous pourrions peut-être nous tutoyer, Philibert? Il devint pâle. – Oh, non, je... En ce qui me concerne, j'en serais bien incapable <...>* [AG, с. 80]. В реплике Филибера междометие выражает колебание, смущение от возможности перейти на «ты» в общении. Назначение языкового аналога жеста *devenir pâle* (бледнеть) усиливает испытываемое персонажем замешательство вплоть до чувства страха (испуга), вызванного самой возможностью обратиться к девушке на «ты», что совершенно неприемлемо для аристократичного Филибера.

Особенность естественных физиологических жестов заключается в том, что они указывают на такое эмоциональное состояние, которое даже при сильном желании говорящий не может скрыть или изменить реакцию (бледнеть, краснеть и т.д.) от испытываемых эмоций, вызванных событием, поведением участников общения или ситуацией в целом. Междометия же становятся языковой реакцией (произнесением вслух) и чаще подчинены интенции говорящего (быть или не быть высказанными).

Сопровождая междометия, жесты усиливают эффект, производимый на собеседника, и наиболее полно представляют картину эмоционального настроения говорящего. В анализируемом далее высказывании о степени эмоции персонажа свидетельствуют разные языковые средства, которые указывают на усиление ее накала: – *Ah! Oh! Euh! Pardon! (Il se tordait les mains.)*

Bonsoir mademoiselle, pardonnez-moi de euh... de vous importuner, je... [AG, с. 4]. Одновременное употребление нескольких междометий подряд *Ah! Oh! Euh!* уже означает крайнюю степень эмоционального состояния (смятения) персонажа, а языковой аналог жеста *se tordre les mains* (заламывать руки) также обозначает интенсивность эмоциональности, но конкретно не уточняет ее проявление. В целом этикетная формула *Pardon*, глагол идентичного значения *pardonnez-moi*, многоточие – все эти знаки эксплицируют сущность накала эмоций – замешательство, возбужденное смущение говорящего. Замешательство персонажа, не способного выйти из этого состояния, быстро среагировать и употребить нужную ему лексическую единицу, подтверждается и паузами, на которые указывает многоточие. Читатель, воспринимая такой текст, вполне адекватно декодирует эмотивное значение междометий как крайнюю степень замешательства и стеснения – стыд. О потребности представить высшую степень эмоциональной атмосферы ситуации свидетельствует и авторская вставка в скобках как указание на эмоциональный жест персонажа.

С естественными жестами связаны и другие неконтролируемые реакции, вызванные ситуацией: *Quand elle entra dans la cuisine, c'est lui qui sursauta: – Ah! Vous êtes là? Je croyais que vous dormiez...* [AG, p. 140]. Реакцией на внезапное появление Камиллы стало резкое движение Фрэнка: *sursauter* – avoir un sursaut, sous l'effet d'une sensation, d'une émotion (Larousse, 2008) – вздрогнуть под влиянием ощущения, эмоции. Неожиданное появление Камиллы не просто вызвало у него испуг, но и недовольство, на что указывает междометие с очевидно не требующим ответа вопросом: *Vous êtes là?* Фрэнк привык жить один со своим другом Филибером и не обрадовался появлению девушки в их квартире, которая, по его мнению, испортит им спокойную жизнь холостяков. В данном случае эмотивное значение междометия – недовольное удивление.

Кроме естественных и спонтанных жестов, обусловленных физиологической реакцией, автор использует языковые аналоги *намеренных* жестов, сопровождающих глаголы речи как варианты *dire* (говорить). В этом случае междометие употребляется в позиции отдельного предложения: «*Mon Dieu!*» *soupire-t-elle, avec une mimique de dépit* [LD, с. 27]. На то, что ее собеседник хвалит де Голля, женщина вместо ответа вздыхает с недовольной мимикой (досадой). Жест *mimique de dépit* конкретизирует эмотивное значение междометия – недовольство.

Особенности ситуации влияют на раскрытие семантического содержания апеллятивного междометия, которое в следующей реплике функционирует как эмотивное: – *Hé! fit-il en écartant les bras, un piège à filles... Je te l'avais dit...* [AG, с. 208]. Междометие выражает чувство радости Фрэнка от того, что ему удалось ввести Камиллу в заблуждение и она не смогла угадать исполнителя песни. Жест *écarter les bras* (развести руки) в принципе означает: повести руками в стороны в знак удивления, а также вообще выразить

недоумение, удивление по поводу чего-нибудь (Ожегов, 1988). В данном случае жест соотносится с намерением говорящего «захватить» Камиллу в объятия, т.е. в «ловушку» (*piège à filles*), что и указывает на восторг и радость Фрэнка.

Намеренный жест говорящего *fermer les yeux* (закрывать глаза) может иметь несколько причин: усталость, желание поспать или побыть наедине с собой и подумать. В любом случае текст, содержащий такой жест, означает желание говорящего прекратить общение: *Fermant les yeux, je marmonne: – Oh! arrête...* [А-МР2, с. 38]. Дочь испытывает раздражение по отношению к матери, продолжать разговор с которой она не хочет. Языковой аналог жеста *ferme les yeux* (закрывает глаза), взаимодействуя с особой манерой говорить *marmonner – murmurer entre ses dents, d’une manière confuse et, souvent, avec hostilité* (Larousse, 2008) – шептать сквозь зубы – зачастую с неприязнью эксплицирует эмотивное значение междометия – раздражение. Языковые средства персонажа направлены на передачу эмоции враждебности и его желания прекратить разговор.

В тексте – *Pardon? fit-elle en fronçant les sourcils. – A? произнесла она, хмуря брови* [АГ, с. 283] Фрэнк пытается говорить с Камиллой с полным ртом (зубной пасты) и поэтому девушка его не понимает: *froncer les sourcils – marque de mauvaise humeur ou de concentration d’esprit* (Larousse, 2008). Камилла раздражена на Фрэнка, поскольку он невнимателен, занят своим делом, заставляя ее переспрашивать. Языковой аналог жеста *froncer les sourcils* (хмурить брови) обозначает плохое настроение, уточняя эмотивное значение междометия – раздражение.

В речи жесты и междометия выражают эмоциональный настрой говорящего, вызванный внешними факторами, например, такими как поведение собеседника или самой ситуацией. В тексте для передачи всего комплекса подобных «говорящих» жестов используются определенные языковые средства: лексическая семантика языковых аналогов жеста одновременно уточняет эмотивное значение аморфных форм междометий и способствует его интенсификации по шкале эмоций. Принимая во внимание тот факт, что жесты имеют место в момент речи, их можно квалифицировать как невербальную (жестовую) составляющую речевого акта говорящего.

Языковые средства – аналоги жестов, реализуя вторичное значение, становятся экспликатором, конкретизирующим многозначность междометия или же дополняющим его значение. Вторичность значения таких аналогов жестов получает свою фиксацию в словарях, тем самым закрепляя в языке и культуре свое конвенциональное функционирование. Как и междометие, они приобретают в определенной речевой ситуации выразительную силу благодаря постоянному или возникающему эмотивному значению: происходит взаимное уточнение или взаимное усиление эмотивных значений междометий и языковых аналогов жеста.

Взаимодействие междометий и жестов на семантическом уровне

Междометие	Эмотивное значение	Жест
<i>Oh!</i>	joie embarras, honte irritation, colère honte	<i>rougir</i> <i>pâlir, se tordre les mains</i> <i>fermer les yeux</i> <i>les joues flambèrent</i>
<i>Ah!</i>	surprise confusion, honte	<i>sursauter</i> <i>se tordre les mains</i>
<i>Hé!</i>	admiration, enthousiasme	<i>écarter les bras</i>
<i>Pardon?</i>	mécontentement	<i>froncer les sourcils</i>
<i>Mon Dieu!</i>	dépit	<i>soupirer</i>

В качестве вывода следует признать способность невербальной коммуникации активно участвовать в реализации эмотивного значения междометием в речи: уточняя его (жест *sursauter* интенсифицирует эмотивное значение удивления до испуга), а также выполняя определенные регулятивные функции в высказывании (жест *fermer les yeux* дополняет эмотивное значение междометия раздражения значением прекратить общение). Номинации жестовой, невербальной коммуникации в художественных текстах облегчают читателю процесс декодирования его содержания и гарантируют успешное восприятие. Данные предложенного анализа позволили систематизировать в таблице взаимосвязь эмотивных значений междометия и языкового аналога жеста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балли, Ш. Язык и жизнь / Ш. Балли ; пер. с фр. И.И. Чельшевой и Е.А. Вельмезовой ; вступ. ст. В.Г. Гака. – М. : Едиторал УРСС, 2003. – 232 с.
2. Основы межкультурной коммуникации / Г.Г. Грушевицкая [и др.]; под ред. А.П. Садохина. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2003. – 352 с.
3. Гак, В.Г. Теоретическая грамматика французского языка / В.Г. Гак. – М. : Добросвет, 2000. – 831 с.
4. Шаховский, В.И. Лингвистическая теория эмоций / В.И. Шаховский. – М. : Гнозис, 2008. – 416 с.
5. Волоцкая, З.М. Жестовая коммуникация и ее место среди других систем человеческого общения / З.М. Волоцкая [и др.] // Из работ московского семиотического круга / сост. Т.М. Николаева. – М. : Языки рус. культуры, 1997. – 896 с.
6. Стивенсон, Ч. Некоторые прагматические аспекты значения / Ч. Стивенсон // Новое в зарубежной лингвистике : сб. ст. – М. : Прогресс, 1985. – Вып. 16 : Лингвистическая прагматика. – С. 129–153.
7. Добрушина, Н.Р. Была, не была!.. (о репликах-жестах отчаяния) / Н.Р. Добрушина // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке / отв. ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. – М. : Индрик, 1999. – С. 194–204.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

AG – *Gavalda, A. Ensemble, c'est tout / A. Gavalda. – Paris : Éditions J'ai lu, le dilettante, 2004. – 574 p.*

KP – *Katherine, P. La valse lente des tortues / K. Pancol. – Paris : Éditions Albin Michel, 2008. – 753 p.*

A-MP – *Pol, A.M. Coloc d'enfer / A.M. Pol. – Paris : Éditions Flammarion, 2009. – 81 p.*

A-MP2 – *Pol, A.M. Chacun son tour / A.M. Pol. – Paris : Éditions Grasset, 2003. – 141 p.*

A-MP3 – *Pol, A.M. Le sang des étoiles / A.M. Pol. – Paris : Éditions Flammarion, 2000. – 178 p.*

LD – *Duroy, L. Le chagrin / L. Duroy. – Paris : Éditions Julliard, 2010. – 734 p.*

The article is devoted to the problem of emotive meaning of interjections in different situations which are employed by the speaker in conjunction with language gestures. These means of communication are important to spell out the emotive meaning of interjection in specific context.

Поступила в редакцию 27.06.12

А.Н. Степанова, С.А. Шашкова

ИНФИНИТИВ В АБСОЛЮТНОЙ ПОЗИЦИИ И В СИТУАЦИИ

В статье рассматривается французский инфинитив как каноническая форма глагола, не реагирующая на понятие времени. Как наклонение он не несет указания ни на число, ни на лицо, ни на время и поэтому часто трактуется французскими грамматистами как наклонение не личное и не временное. В отличие от спрягаемых форм глагола инфинитиву свойственно лишь внутреннее время, направление которого никак не фиксировано, и поэтому инфинитив не обозначает собственно процесса, так как не связывает его с внешним временем. Отсюда его способность выступать как виртуальный и актуальный знак, занимать синтаксическую позицию практически любой части речи.

«Инфинитив – особая форма глагола, остающаяся непосредственно на выходе из категории имени» [1, с. 122]. В отличие от глагола («le verbe est un mot qui se conjugue, c'est à dire varie en mode, en temps, en voix, en personne et en nombre») как слова, которое спрягается, т.е. изменяется в наклонении, времени, залоге, лице и числе [2, р. 1159], инфинитив – самая слабо детерминированная форма глагола [3, р. 186], которая не реагирует на понятие времени [4, р. 430]. А как наклонение инфинитив («un mode non personnel et non temporal») не несет указания ни на число, ни на лицо [2, р. 1314] : это не личное и не временное наклонение [5, с. 298].

С этих позиций инфинитив рассматривается как чистая номинальная («pure forme nominale du verbe») форма глагола [6, р. 493; 5, р. 298], субстантивная («la forme substantivale») форма глагола [7, р. 204], что позволяет ему выполнять те же синтаксические функции, что и имя существительное, типа *Rire me fatigue* и *Le rire me fatigue*. Однако *le rire* обозначает материю как объект, производимый действием («désigne la matière, l'objet du

procès évoque l'éclat qu'on produit en riant») [5, p. 299], как и *le manger* обозначает 'ce qu'on mange', т.е. теряется основная характеристика инфинитива – длительность внутреннего времени, отделяющая эту форму глагола от имени.

По Г. Гийому, инфинитиву свойственно лишь внутреннее время («le temps impliqué») в отличие от внешнего («le temps expliqué»), свойственного спрягаемым формам глагола [8, p. 47–48]. С внутренним временем связаны переход во внешнее и формирование образа последнего. Форма инфинитива – не личная, не временная; форма субжонктива – личная, не временная; формы индикатива – личные и временные [9, с. 71].

Внутреннее время инфинитива мыслится как бесконечность/безначальность, «направление времени никак не фиксировано»: эта форма не обозначает собственно совершения действия, т.е. самого процесса, так как не связывает его с внешним временем [9, с. 70]. В таком виртуальном и концептуальном восприятии инфинитив представлен в словарях французского языка (он называет, но не обозначает действие / процесс) : 1) *rire* – *manifester un sentiment de gaieté par une contraction du visage accompagnée d'expressions plus ou moins saccadées et bruyantes*.

Вместе с тем инфинитив как глагольный номинатив (nominatif verbal) потенциально предполагает агента/субъекта : *écrire* (personne), *nager* (poisson, personne, navire, etc.). Ограничить *passer* (temps, amour, événement, maladie, personne, etc.) довольно сложно. В тексте такая семантическая насыщенность инфинитива должна быть сведена к одному/определенному субъекту: инфинитив из виртуального знака переходит в актуализированный.

Но Ш. Балли считает, что инфинитив (глагол, ставший существительным) может быть виртуальным или актуальным [10, с. 96]: виртуальным в качестве второго члена именного словосочетания (*l'art d'aimer*) и актуальным в *Mentir est odieux*. Можно отметить, что в *l'art d'aimer* инфинитив используется в абсолютной позиции («l'infinitif en position absolue : employé absolument l'infinitif évoque à la fois le procès et l'agent ou le siège, indéterminé en nombre et en genre, de ce procès») [5, p. 300]. В *l'art d'aimer* «вместилищем» (le siège) процесса является *l'art* 'искусство', а сам процесс *aimer* 'любить' не ограничен ни временем, ни лицом. Внутреннее время *любить* – беспредельная длительность, не позволяющая локализовать процесс во внешнем времени.

Х. Вайнрих определяет использование инфинитива в абсолютной позиции таким образом: «On l'utilise pour faire comprendre un verbe comme l'ensemble de toutes ses formes (en tant que "lemme", en anglais: type). C'est en particulier ce que fait le dictionnaire» [3, p. 186]. Иначе говоря, абсолютный инфинитив – это каноническая форма (lemma, type), которая и представлена в словарях языка.

Однако в тексте инфинитив, как и любой языковой знак, актуализируясь, должен не только называть, но и обозначать, т.е. осуществлять отнесенность к миру действительности или к миру человека: без референции нет общения.

К инфинитиву в абсолютной позиции относят: *Savoir c'est pouvoir. Mentir c'est donner le faux pour vrai. Augmenter les salaires, c'est augmenter le pouvoir d'achat* (Maurois).

Подобные высказывания трактуются как пословицы, сентенции, афоризмы [3, p. 186], смысл которых передавать общее суждение как истину, признанную данным обществом. Сущность абсолютного инфинитива и раскрывается как его экспликация (комментирование) через повтор указательным местоимением *ce* и через предикатив, являющийся своего рода его словарной дефиницией. Ср.: *savoir c'est pouvoir* и: *savoir – (le) connaître complètement = pouvoir – avoir la faculté, la possibilité matérielle de, être en état de (le connaître)*; *Mentir c'est donner le faux pour vrai*, и: *mentir – donner pour vrai ce que l'on sait être faux*.

Иными словами, чаще всего в таких общепринятых суждениях вполне возможна перестановка подлежащего и предикатива: *Pouvoir c'est savoir* и *Donner le faux pour vrai c'est mentir*.

В примере Ш. Балли с актуальным инфинитивом *Mentir c'est odieux* также имеет место суждение, но оно иного порядка: имеющаяся оценка *odieux* свидетельствует об имплицитном присутствии говорящего субъекта. Перестановка предикатива и подлежащего возможна: *L'odieux c'est (de) mentir*. Хотя вполне естественно высказать мнение типа *L'important, c'est de ne rien oublier. L'essentiel, c'est d'être heureux*.

Но не случайно здесь появляется предлог *de*, который, по-видимому, не следует игнорировать. В данном случае Ш. Балли видит отличие виртуального инфинитива (в позиции подлежащего) от актуального в возможности использования последнего с предлогом *de*: «актуализированный инфинитив стремится к тому, чтобы ему предшествовала частица *de*, являющаяся предлогом лишь по форме и играющая роль артикля» [10, с. 96]. Поэтому вполне допустимо *De mentir est odieux* (хотя нередко это порицается). В позиции перед предикативом *de* (*indice*) определяется как «интродуктор» («*introduceur plutôt que preposition*»), вводящий особые факты («*faits particuliers*») [2, p. 1314, p. 1397] или выражающий большую конкретность [11, с. 389].

Вместе с тем структура «*de + infinitive*», впервые введенная во французский язык Рабле как экспрессивная, разговорная (*familier*), в настоящее время относится к элегантно, корректной [7, с. 11], интерпретируется как элегантно архаизм [5, p. 302]. Общего правила ее использования нет. К.Р. Сандфельд, например, утверждает, что сопоставление примеров указывает на эквивалентность инфинитива без предлога и с предлогом («*les exemples montrent leur équivalence*») [12, p. 34], ср.: *Gémir, pleurer, prier est également lâche* (A. De Vigny).

Ш. Балли, однако, пишет: «...я испытываю ощущение, что перед инфинитивом чего-то не хватает» [10, с. 96]. К этому следует добавить, что в позиции предикатива, назначение которого конкретизировать, интерпретировать подлежащее, показатель *de* используется более регулярно:

Elle trouvait que l'esprit d'un garçon est d'être ferme et bien découplé, fort et gaillard (A. France) ; *Pour le colonial qui fonde un empire, le sens de la vie est de conquérir* (Saint-Exupéry) с тем, чтобы выделить позиционную значимость предикатива: *C'est beau d'être la puce d'un lion.* (Hugo) ; *C'est une grande force pour un homme politique que de bien écrire* (Maurois) ; *C'est horrible que de haïr* (Mauriac).

Предлог *de*, как отмечает Г. Боннар, связан с именным характером подлежащего (*Mon plaisir est de nager*) и исчезает, если подлежащее выражено местоимением (*Ceci est nager*) или инфинитивом (*Souffler n'est pas jouer*) [13, p. 93]. Можно признать, что чистый, абсолютный инфинитив в генерализующих суждениях как общеизвестных истинах используется без *de*. В таком суждении абсолютный инфинитив интерпретируется прежде всего через предикатив как каноническую форму того же или другого глагола (словарную дефиницию инфинитива).

К абсолютной позиции относится инфинитив в относительном придаточном предложении: *Il cherche une main à quoi s'accrocher* (Ferrère) ; *Je ne trouve rien à quoi m'intéresser* ; *Aucun visage sur qui reposer ses yeux.*

Задача абсолютного инфинитива («l'avantage de ne pas actualiser le procès, de ne pas le limiter d'une époque») – не актуализировать действие, процесс; не ограничивать его определенным временем [5, p. 302]. Несмотря на наличие в главном предложении субъекта, актуализации времени («Il cherche, Je ne trouve rien»), относительное придаточное указывает на идею : «la relative indique l'idée de devoir ou vouloir» [2, p. 1617].

В отличие от абсолютного, актуальный инфинитив в высказываниях без субъекта (полежащего-лица) передает разной степени обобщенности суждение как мнение. Кроме того, как предписывающий, инфинитив (*infinitif injonctif*) указывает на приказ, пожелание или рекомендацию, направленные на обобщенного адресата: *Ne pas se pencher au dehors. Bien faire et laisser dire.* Или *Battre les blancs d'oeufs en neige.* Инфинитив же в позиции подлежащего как тема свидетельствует об имплицитной актуализации и теряет значимость абсолютной позиции (канонической формы глагола): *Réfléchir la fatiguait* (Troyat); *Jouer sous la tonnelle ne l'amusait pas* (Troyat). Вместе с тем высказывания не обозначают конкретной ситуации, локализованной во времени: они сохраняют референцию к психологической сфере говорящего – его интенции.

Абсолютность инфинитива и разная степень его актуализации противопоставляются инфинитиву в ситуации (*l'infinitif en situation*), употребление которого непосредственно связано с моментом речи.

В абсолютном инфинитиве как чистой номинальной (именной) форме глагола совмещены все его потенциальные возможности («une aptitude éminente pour exprimer une vive aspiration de l'âme»): использовать то или иное значение и высказать то или иное отношение [6, p. 493]. Поэтому в момент речи (как и письменной коммуникации) ситуационный инфинитив способен актуализировать ту или иную модальность («rendre la modalité –

secondairement ou accidentellement»), что позволяет квалифицировать его как аффективный («les infinitifs affectifs») [6, p. 494]: *Ralentir!* ; *Ne pas répondre!* ; *Lui! t'aimer!* (France) ; *Et dire qu'on me croit faible!* (Montherlant).

Аффективный инфинитив способен передавать самые разные отношения (mouvements affectifs) – иронию, протест, осуждение, беспокойство и т.д. [5, p. 301]. Восклицания обращены к конкретному адресату (*te*) или имеют обобщенный характер, или используются как презентативный оборот: *Voilà parler! C'est agir, cela!* [5, p. 302]. Вопросительные инфинитивные высказывания *Pourquoi m'avoir forcé à vous donner une mauvaise opinion de moi?* (Balzac); *Que dire de tout ceci ?*; *Acheter une poupée à un garçon ?* обращены к «самому себе», когда говорящему необходимо принять решение в момент речи, на что в письменной коммуникации указывает восклицательный или вопросительный знак.

В следующих инфинитивных высказываниях появляется эксплицитное подлежащее (personne): «пустая форма» инфинитива наполняется содержанием; а время представлено описанной предшествующей ситуацией. Речь идет о так называемом нарративном или историческом инфинитиве:

- *Il dit que si Dieu nous sort de là, il se fait moine.*

- *C'est pour cela qu'il se dépêche tant de pécher!*

Et sa fille de rire ! (Triolet).

J'ai pris l'enfant dans mes bras. Mais le petit de crier, d'appeler sa mère ! (Capus).

Quand le silence a trop duré, quand l'ennui, comme une glu puissante, commence de paralyser les âmes, Sabalin cherche une victime... Et les deux amis de s'acharner, à belles griffes, à belles dents (Duhamel).

Основное назначение этой формы глагола – представить наглядно чистое действие («mettre sous les yeux l'action pure»), освобожденное от всякого указания времени, отнесенности к лицу и числу [6, p. 471], что можно передать существительным. Иными словами, на первый план выходит не само действие (смеялась), а смех как более «живое» представление действия как такового (*en tant que mouvement*). Инфинитивное высказывание *Et sa fille de rire* уступает место именному (номинальному) *rire de sa fille*.¹ А сам инфинитив трактуется как дескриптивный, описательный (descriptif) со своим образным, выразительным значением («sa valeur pittoresque»), не имеющим отношения к нарративному (*il n'y a rien ici qui ait valeur de temps ... rien ... de narratif ou d'historique; c'est proprement peinture pure*): в этом использовании нет ни значения времени, ничего повествовательного или исторического – только «чистая картина» [6, p. 471].

¹ Пример лингвистов Ж. и Р. Ле Бидуа: «A cet égard la phrase verbale «grenouilles de sauter» ne diffère pas essentiellement de la phrase nominale «saut de grenouilles»; elle s'en distingue surtout en ceci qu'elle peint plus vivement l'action comme telle (en tant que mouvement)» [6, p. 471]

Красочность «картины» усиливается определенным разрывом с описанием предыдущей ситуации: *se faire moine* и *rire de sa fille*; *prendre l'enfant dans mes bras* и *cri, appel du petit*; *silence, ennui, paralyser les âmes* и *acharnement (à belles griffes, à belles dents) de deux amis*.

Повествование же имеет место в высказываниях типа *J'étais au bas de l'escalier que je l'entendais encore s'écrier et gémir* (France) ; *Mergy sentit une violente colère se glisser dans son coeur* (Mérimée), где нарративный инфинитив актуализирует время, лицо и число и обозначает одновременные действия, выражаемые личной формой глагола. Иными словами, внутреннее время инфинитива получает выход во внешнее только при непосредственном объединении с личной формой глагола: *Il s'entête à ne rien faire. ... il dédaignait d'être aidé en arithmétique où il acceptait avec un brin de fierté d'être nul* (Vaillant-Couturier) ; *Aussitôt elle s'inquiéta de faire servir à Gérard du bouillon léger...* (Troyat) ; *Il ne reste plus dans le pays qu'un vieux coquin de lièvre... qui s'entête à vivre là !* (Daudet) ; *Il gagna le premier étage, en s'appliquant à ne pas faire craquer les marches* (Mauriac) ; *Il en venait à se faire des reproches* (Cogniot) ; *Comme il regretta de n'avoir rien dit !* (Maupassant). Эти высказывания реализуют темпоральную референцию к конкретной ситуации.

Категориальные значения (предметность, признаковость, процессуальность) как суть основных ономаσιологических категорий языка [14, с. 63] со всей очевидностью проявляются в канонической форме глагола, сохраняя или актуализируя актуальный инфинитив. Ср.: «On ne répétera jamais suffisamment que l'infinitif n'est pas un verbe» [6, p. 419].

Актуальность и абсолютность инфинитива в тексте предопределяет и его референцию.

Принимая во внимание специфику абсолютного инфинитива как канонической, именной (номинальной) формы глагола, аккумулирующей в себе набор потенциальных значений (их реализаций), объединенных внутренним (статичным) временем, а также способность инфинитива занимать синтаксическую позицию практически любой части речи (но прежде всего имени существительного), следует сделать вывод о семантической многоаспектности и полифункциональности этой формы. Инфинитив в тексте выполняет самые разные функции: номинативную, дескриптивную, аффективную, прескриптивную. Совмещая в себе функции глагола и имени, инфинитив в зависимости от интенции говорящего реализует разные виды референции: аутореференцию к миру человека (психологическую, эмоциональную), прямую референцию к миру действительности (внетемпоральную, темпоральную). Предложенный в статье подход свидетельствует о том, что инфинитив как особая глагольно-именная форма предлагает широкий спектр проблем для обсуждения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гийом, Г.* Принципы теоретической лингвистики: сборник неизданных текстов, подготовленных под руководством Р.Вилена / Г. Гийом. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 224 с.
2. *Grevisse, M.* Le Bon usage. Grammaire française / M.Grevisse. – Paris : Duculot, 1986. – 1768 p.
3. *Weinrich, H.* Grammaire textuelle du français / H.Weinrich. – Paris: Didier, 1989. – 672 p.
4. *Tesnière, L.* Eléments de syntaxe structurale / L.Tesnière. – Paris : Klincksieck, 1959. – 670 p.
5. *Wagner, R.-L.* Grammaire du français classique et moderne / R.-L.Wagner, J.Pinchon. – Paris : Libr. Hachette, 1962. – 640 p.
6. *Le Bidois, G.* Syntaxe du français moderne : en 2 t. / G.Le Bidois, R.Le Bidois. – Paris : Ed. A. et J.Picard et Cie, 1968. – Т.1. – 794 p.
7. *Brunot, F.* La pensée et la langue / F.Brunot. – Paris : Masson et Cie, 1965. – 954 p.
8. *Guillaume, G.* Langage et science du langage / G.Guillaume. – Québec : Presse de l'Université, 1964. – 224 p.
9. *Реферовская, Е.А.* Философия лингвистики Густава Гийома. Курс лекций по языкознанию / Е.А. Реферовская. – СПб.: Акад. проект, 1997. – 126 с.
10. *Балли, Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. – М.: Иностр. лит., 1955. – 416 с.
11. *Гак, В.Г.* Теоретическая грамматика французского языка / В.Г.Гак. – М.: Добросвет, 2000. – 861 с.
12. *Sandfeld, K.R.* Syntaxe du français contemporain. L'infinifit / K.R.Sandfeld. – Genève : Libr.Droz, 1965. – 613 p.
13. *Bonnard, H.* Les trois logiques de la grammaire française / H.Bonnard. – Bruxelles : Duculot, 2001. – 251 p.
14. Языковая номинация: Общие вопросы / Ин-т языкознания АН СССР; отв.ред. Б.А.Серебренников, А.А.Уфимцева. – М.: Наука, 1977. – 359 с.

The infinitive in the French language doesn't denote the process since it does not connect the process with the outer tense. This presupposes the ability of the infinitive to act as a virtual and actual sign and function as any part of speech.

Поступила в редакцию 29.06.12

А.В. Сытько, А.И. Кисина

СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЭКСПЛИКАТОРОВ ЭПИСТЕМИЧЕСКОЙ МОДАЛЬНОСТИ В РЕЧИ ВЕДУЩЕГО ТОК-ШОУ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

Статья посвящена лексическим способам модальной организации общественно-политической теледискуссии ведущим данного тележанра. Одной из основных особенностей телевизионного дискурса является то, что он находится в постоянной зависимости как от адресантов, кто ее создает, персонифицирует, так и от тех, кому она адресована, адресатов. Поэтому особое значение в данном типе дискурса приобретает категория *субъективной модальности*, функциональные возможности которой активно используются ведущим теледискуссии для достижения определенных прагматических целей. Это предполагает выбор им экономичных в плане выражения и функционально четких в плане содержания языковых структур для передачи определенного кванта информации и своего отношения к ней, а также для мгновенной обработки этих сведений адресатом.

Понятие модальности, включающее разноуровневые языковые средства, в полном объеме может быть раскрыто только в самом процессе речевого общения, естественным центром которого является говорящий, чья позиция в явном или скрытом виде находит свое отражение в высказывании. Телевизионная коммуникация в рамках устной теледискуссии дает богатый материал для наблюдений над процессами модализации высказываний. В качестве объекта данного исследования выступает *субъективная модальность* речи ведущего теледискуссии (ток-шоу). В этой роли ведущий держит «в фокусе» предмет дискуссии и расставляет смысловые акценты, высказывая собственную точку зрения на обсуждаемую проблему, соглашаясь или не соглашаясь с участниками дискурса, оценивая высказывания дискуссионных партнеров.

Ведущий теледискуссии самостоятелен как в выборе позиции, так и в выборе языковых средств для выражения этой позиции, поэтому целью данного исследования стало изучение специфики функционирования лексических средств выражения субъективно-модальных значений в речи ведущего в жанре немецкоязычной теледискуссии в соответствии с его стратегиями. Материалом послужили видеозаписи программ немецкого телевизионного общественно-политического ток-шоу „*Quadriga*“ за период 2008 – 2012 гг., на основе которых были сделаны транскрипты речи ведущего. Выбор данной программы для исследования обусловлен тем, что это актуальное и регулярное политико-аналитическое ток-шоу, направленное на обсуждение важных политических вопросов, серьезных государственных, экономических и общественных проблем. В нем принимают участие видные политические и экономические аналитики, в связи с чем оно является одним из высокорейтинговых ток-шоу на немецком телевидении.

Особым аспектом оформления высказываний в дискурсе телеведущего, который является значимым социальным субъектом, выступает степень его *категоричности и уверенности* в правильности своей позиции: для адресата существенно, идентифицируется он полностью с сообщаемым или подает его дистанцированно, оставляя возможные пути для поправок или опровержений. Очевидно, что особую роль в такой стратегии играет *эпистемическая модальность*.

Обращение к лексическим средствам выражения *эпистемической модальности* в речи ведущего, которые составили в выборке 48,7 % всех эпистемических средств, свидетельствует о том, что здесь присутствуют разнообразные лексемы, имеющие наименование «модальный»: модальные частицы (58,7 %) и модальные слова (19,2 %), глаголы мнения/полагания (15,8 %), а также предложно-субстантивные модальные конструкции (6,3 %). Самыми частотными среди них оказались модальные частицы, которые составили более половины всех лексических средств. Их спектр в речи ведущего невелик, это всего пять лексем: *ja, denn, eigentlich, doch, etwa*, высокочастотными из них оказались лишь 2: *denn* и *ja*.

Самой частотной в теледискурсе ведущего является модальная частица *ja*, выражающая высокую степень уверенности [1]. Она присутствует в половине всех зафиксированных фраз с частицами и наблюдается в абсолютном большинстве случаев в повествовательных высказываниях, выполняя к тому же ритмическую функцию. При отсутствии частицы ритмический такт становится слишком коротким и плохо вписывается в последовательность остальных многосложных ритмических структур. Появление же частицы расширяет объем такта и приближает его к длительности остальных ритмических единиц. То есть ритмическая структуризация высказывания, стремление ритмических тактов к изохронности делает иногда необходимым использование частицы, напр.: *<Herr "Wawrzyniak">, <es 'gibt ja> <jede Menge 'Respekt> <vor der 'Leistung><der "'Deutschen">*.

Внося дополнительные сведения о своем отношении к информации, эта лексема позволяет ведущему реализовать стратегию актуализации знаний адресата. По сути это информация об установке говорящего относительно знаний слушающего. Как правило, ведущий уже знает, как должна развиваться ситуация, и ожидает, что собеседник подтвердит его знания. Поэтому использование частицы ведущим связано с ожиданием согласия со стороны собеседника, что и реализуется на практике, напр.:

В е д у щ и й . *Diese gelenkte Demokratie oder wie's immer wieder heißt, Russland ist anders. Da muss man anders rangehen. Das muss man anders verstehen. Das kann nicht einfach so 'n System übernehmen wie im Westen. <Das 'hört man ja> <seit "'Jahren">*.

Г о с т ь с т у д и и . *Ja, das stimmt ja auch.*

Модальная частица *denn*, вторая по частотности, встретила, наоборот, только в вопросах, где ее функция заключается в усилении предположительного оттенка с противоположным вектором, чем это делает лексема *ja* – выражением сомнения, напр.: *Braucht's, braucht's denn Lohnerhöhung?* В таких фразах четко просматривается перспективная ориентация предположения.

Кроме того, частица *denn* повышает значимость вопроса для адресата: он звучит более настойчиво. Данная настойчивость очевидна и в просодическом оформлении фразы. Нефинальные синтагмы, содержащие частицу *denn*, реализуются с восходящей мелодией, что обусловлено как высказанным сомнением, так и высокой апеллятивностью всего текста, произносимого ведущим. Такой коммуникативный ход снижает категоричность тех высказываний, которые ведущий предлагает для общественного рассмотрения, напр.: *'Ist denn | die 'NATO | 'nicht | da 'völlig über"fordert ♣ |, solche 'Aufgaben "'wahrnehmen zu müssen ♣ ?*

Вопросительным структурам, в которых содержится запрос мнения собеседника, оформленный либо обращением, либо такими вводными конструкциями как *wie glauben Sie* и т.д., модальная частица *denn* придает оттенок вежливости; она смягчает категоричность высказывания и создает благоприятную атмосферу для общения: *Frau Hugues, sind denn deutsche Interessen per se schlechtere Interessen, als zum Beispiel französische Interessen? Weil, Herr Wawrzyniak, eben die deutschen Interessen, die auf Kosten anderer durchgesetzt werden, so klang das ein bisschen durch.*

Невысокую частотность имеет в выборке частица *eigentlich* (12,3 %), при этом чаще всего – в 82,4 % случаев – она используется ведущим в вопросительных структурах. У вопросов ведущего с данными частицами отчетливо видна регрессивная направленность текстообразующей связи: частица связывает актуальные действия с ранее названными, способствуя при этом развитию дискурса, напр.: *Herr Thelen, kaum haben sich die Finanzmärkte ein bisschen beruhigt, dann schreckt Frau Lagarde sie mit Weltuntergangsprognosen wieder auf und auch mit der Forderung nach einer Aufstockung des permanenten Rettungsschirms. Sind **eigentlich** die Leute, die dafür verantwortlich sind, die Krise zu bewältigen, diejenigen, die sie herbeireden?*

Заинтересованность ведущего в ответе на вопрос с *eigentlich* оформляется и просодически: во фразах с данной частицей отмечена восходящая мелодия в тех случаях, когда по нормам данные структуры должны оформляться терминальной мелодией, напр.: *Warum 'geben wir **eigentlich** nichts 'aus ♣ ? Und } 'welche Rolle 'spielt **eigentlich** "'Russland bei diesen Überlegungen ♣ ?*

Таким образом, в жанре теледискуссии нейтральная форма речевого общения приобретает благодаря частицам более доверительный характер. Такая стратегия диалогизации, реализуемая ведущим, согласуется с общей тенденцией современного телевидения к диалогическому формату общения, что позволяет осуществлять более эффективное воздействие на массового зрителя, чем монологические формы представления информации. Модальные частицы играют здесь большую коммуникативную роль: они позволяют точнее донести позицию ведущего, особенности интерпретации им обсуждаемых фактов, мнений, их оценку с точки зрения степени важности, вероятности, правдоподобия. Так, они эксплицитно управляют процессом общения, организуют и направляют ход коммуникации, обеспечивают ее успешность [2, с. 75].

Модальные слова оказались не самыми частотными в речи ведущего. Их удельный вес составил чуть менее 1/5 всех лексических средств выражения предположения. Следует отметить, что в речи ведущего почти с одинаковой частотностью встречаются модальные слова как высокой степени уверенности (*offenbar, sicher, offensichtlich, natürlich, sicherlich, allerdings, tatsächlich, wirklich*), так и низкой (*möglicherweise, angeblich, vielleicht, wahrscheinlich, fraglich, wohl*), составившие в выборке 51,1 и 48,9 % соответственно, напр.: *Ob er das **natürlich** auch umsetzen kann zu Hause, das ist **fraglich**, denn Berlusconi steht zu Hause auf ziemlich wackligen Füßen*. При этом все модальные слова, за исключением *wirklich* и *möglicherweise*, имеют очень низкую частотность. Самыми частотными в речи ведущего оказались модальные слова с полярными значениями уверенности (*wirklich* и *möglicherweise*), отмеченные в 2/5 фраз с модальными словами.

В зоне уверенного предположения наибольшей частотностью отмечено модальное слово *wirklich*, составившее почти 1/5 всех слов данной семантики, малочастотными оказались слова *offenbar, sicher, natürlich*. Это связано с тем, что ведущий имеет сценарий передачи, а уверенные предположения, выраженные указанными модальными словами, часто основаны на знании говорящим ситуации и мотивированы обстоятельствами.

При использовании ведущим модальных слов категорической достоверности предположение чаще всего находится в темпоральном плане прошлого, но высказывается оно относительно создавшейся ситуации или возможных последствий в будущем, что имеет большое значение для общественно-политического ток-шоу, где не столь важен уже свершившийся факт, а то, как он повлияет на дальнейшее развитие событий, напр.: *Alle sagten, es war eine Revolution, aber das System ist offenbar gar nicht so richtig angetastet worden. War's dann 'ne Revolution?*

В зоне неуверенного предположения самым употребительным оказалось слово *möglicherweise*, сигнализирующее о том, что реализация того, о чем высказывается предположение, возможно при определенных обстоятельствах, которые уточняются в дальнейшей дискуссии гостями студии. Данное предположение имеет стратегический характер: ведущий ожидает, что гости упразднят в ходе дискуссии все неясности, напр.: *Die Münchener Sicherheitskonferenz ist in diesen Tagen zugange und spricht über die NATO, über die Sicherheitsarchitektur, die da **möglicherweise** in der Zukunft auf uns wartet.*

Второй по частотности маркер неуверенности – *wahrscheinlich* – используется ведущим при оформлении предположения, базирующегося на наличии объективных фактов в реальной действительности, на основе которых говорящий строит предположение-вывод, напр.: *Europa ist ja mehr oder weniger gespalten. Wir haben die Briten, die sich isoliert fühlen und **wahrscheinlich** auch isoliert sind.* Это – конкретное предположение, связанное с анализом фактов. Реализация эпистемического значения модальным словом *wahrscheinlich* происходит в нашем материале вне зависимости от временного контекста: оно употребляется ведущим во всех временных планах.

Низкая представленность остальных модальных слов проблематической достоверности объясняется тем, что такие высказывания не типичны для дискурса телеведущего, поскольку семантический план подобных фраз находится на границе с оттенком сомнения, что противоречит коммуникативно-стратегическим интересам ведущего ток-шоу, нарушая его речевую тактику информирования (разъяснения) и тем самым стратегию убеждения.

Слуховой анализ текстов показал, что модальные слова в таком тексте всегда выделены фразовым ударением, напр.: *Für manche 'Zeitgenossen 'sieht das schon | das 'Ende des Kapita''lismus kommen↗. | | 'Das ist 'sicher über''trieben → , | 'aber ein weiter so | , als sei ''nichts gewesen → | , 'das würde es 'wahrscheinlich 'auch nicht ''geben↗.* Это говорит о том, что помимо правильной ритмической организации своей речи, ведущий, реализуя стратегию положительной саморепрезентации, употребляет те средства, которыми он смягчает или усиливает категоричность суждения.

Модальные слова используются ведущим с равной частотностью в разных синтаксических структурах. Так, частотность использования ведущим как слов высокой степени уверенности, так и низкой примерно одинакова: в повествовательных структурах – 15 : 16 соответственно, а в вопросительных – 8 : 6. Вопросительные высказывания составили 1/3 фраз с данными лексемами и представляют собой различные варианты общего вопроса.

Ситуационный фон данного дискурса – согласие, совместный поиск истины, т.е. *кооперация*, поэтому одним из активных элементов реализации ведущим кооперативной стратегии является вопрос. Ведущий теледискуссии формулирует общий вопрос с целью снижения категоричности и для того, чтобы навязывание определенного мнения происходило завуалировано, и в результате у телезрителя создавалось ощущение, что у него сформировалось свое собственное мнение, в чем и состоит цель воздействия СМИ.

Использование ведущим в общем вопросе модальных слов представляет интерес с той точки зрения, что в данной синтаксической структуре их семантика претерпевает некоторую модификацию. Это свидетельствует о готовности говорящего принять любой из вариантов ответа, что особенно важно для теледискуссии.

Материал показал, что из модальных слов высокой степени уверенности ведущий использует в вопросах лишь два: спорадически *offenbar* и более часто *wirklich*. Спектр модальных слов низкой степени уверенности возрастает: это *möglicherweise* и *vielleicht wahrscheinlich*, к использованию которых ведущий прибегает при оформлении вопроса лишь изредка.

В вопросительных структурах модальное слово *wirklich*, имеющее ингерентное значение высокой степени уверенности, модифицирует свою семантику: оно актуализует не свое типичное значение, а получает семантику *ослабленной* уверенности [3, л. 35]. Это обусловлено чисто коммуникативно: меньшая степень уверенности дает основание говорящему запросить оценку ситуации у собеседника и включить ее в оценку событий. При полной убежденности такое коммуникативное поведение адресанта лишается смысла [3, л. 67]. Следовательно, функция данного модального слова в вопросе состоит в том, что оно дает говорящему возможность убедительно противопоставить свое отношение к содержанию высказывания, напр.: *Ist es denn **wirklich** denkbar, dass alle diese Pfründe aufgegeben werden für eine Idee wie Freiheit und Demokratie?* Тем самым реакция партнера на данные высказывания является необходимым условием развертывания дискурса. При этом использование модального оттенка сомнения, которым подобные высказывания характеризуются в обиходно-бытовом дискурсе, нетипично для теледискуссии. В данном случае ведущий уже обладает всей информацией об обсуждаемом событии. Вопрос с модальным словом *wirklich* должен лишь подтолкнуть зрителей к размышлениям, а гостей студии – к комментариям и опровержению данного «псевдосомнения» в истинности описываемых действий.

Таким образом, коммуникативная функция модальных слов в вопросах ведущего ток-шоу сводится к завуалированному *давлению* на адресата, к получению безусловного подтверждения уже имеющейся у спрашивающего личной оценки достоверности называемых связей действительности. Анализ ответных реплик подтверждает действенность такой тактики, напр.:

В е д у щ и й : *Gibt es eigentlich, Herr Rinke, weil Frau Hugues die Rechtsradikalen oder die Rechten angesprochen hat, gibt es eigentlich Erklärung dafür, dass das **offenbar** im Osten auf fruchtbareren Boden fällt, als im Westen?*

С о б е с е д н и к : *Ich glaube, dass es wirklich so ist.*

Одним из лексических способов передачи эпистемического значения, к которому прибегает ведущий общественно-политической теледискуссии, являются глаголы с семантикой мнения (*vermuten, denken, meinen, glauben, befürchten, wissen*), составившие в выборке чуть более 15 %.

Самыми частотными в нашей выборке оказались глаголы *glauben* и *meinen* (29,7 и 27,1 % соответственно), которые выражают одинаковое мыслительное состояние субъекта и располагаются в зоне предположительности между неуверенным и уверенным предположением, принимая в контексте либо одно, либо другое значение, напр.: *Frank Kupferschmidt, der deutsche Publizist, meint: Das neue NATO-Konzept ist eine dringend notwendige Anpassung an die veränderten weltpolitischen Rahmenbedingungen, mehr aber auch nicht. // Darauf können wir uns, glaube ich, einigen.*

Ведущий в зависимости от своей коммуникативной интенции употребляет глаголы мнения/полагания в различных личных формах. Так, личное местоимение *ich* в сочетании с глаголом мнения служит выделению определенного фрагмента мысли, где ведущий акцентирует свою личную позицию, напр.: *Und ich vermute, viele Aktivisten trauen der Junta überhaupt nicht mehr über den Weg.* Такие высказывания эквивалентны ослабленному утверждению.

Ведущий прибегает также к комбинации средств выражения эпистемической модальности, объединяя в одной фразе модальное слово и глагол мнения/полагания. При этом модальные слова высокой степени уверенности не нейтрализуются глаголом мнения в 1-м лице, поскольку в таких речевых ходах он находится в конце фразы и просодически реализуется в затакте, напр.: *Die These müssen wir jetzt so stehen lassen, denn wir haben keine Zeit mehr. Die ist sicherlich korrigierbar, vermute ich.*

Употребляя глагол мнения в *Sie*-форме при обращении к собеседнику, ведущий усиливает апеллятивность и интеррогативность фразы, подчеркивая свою заинтересованность либо в получении информации, отражающей позицию собеседника по данному вопросу, либо в уточнении его позиции, напр.: *Befürchten Sie, Herr Sauga, wenn das anhalten sollte, dass, zum Beispiel, die deutsche Gesellschaft eher nach links rückt?*

Использование ведущим данных лексем в вопросах подчеркивает важность мнения гостя студии в формировании совместного суждения, напр.: *Sie meinen, wenn die Leute das machen könnten, wie sie wollten, wären sie besser dran, als mit ihren Politikern?* Материал показывает, что для таких вопросов есть специфика в синтаксической структуре: они обязательно дополняются придаточными предложениями, конкретизирующими объект предположения, ибо сами они сигнализируют лишь субъективность суждения, но не выражают сути предположения. Такое формальное выделение глагола, имеющее целью лучшее восприятие слушающим модального смысла высказывания, направлено на достижение соответствующего перлокутивного эффекта. Здесь на первый план выходит не модальная, а интерактивная функция данных глаголов: они побуждают собеседника высказать отношение [3, л. 53].

Если субъект при глаголе мнения выступает в форме личного местоимения 3-го лица *er/sie*, то в этом случае подчеркивается то, что ведущий передает чужую мысль, мнение третьих лиц, и стремится дистанцироваться от этого мнения. Другое лицо выступает при этом в первую очередь источником информации. Ведущий таким образом снимает с себя ответственность за высказанное суждение, напр.: *Wenn ich Herrn Thelen nochmal in Erinnerung rufe, er sagte, wenn das mit dem Fiskalpakt, da glaubt er ohnehin nicht so richtig dran*. Такие высказывания легко трансформируются в высказывания с модальным словом *angeblich*, которое относится к группе дистанционных индикаторов [1]: => *Das mit dem Fiskalpakt ist **angeblich** nicht so glaubenswert*.

Инклюзивное местоимение *wir* как расширенный символ ведущего ток-шоу встретилось только в сочетании с глаголом *wissen*, который характеризуется абсолютной степенью уверенности. Ведущий пользуется тактикой единения с другими лицами (отождествляет себя с другими), употребляя местоимение *wir*, которое вызывает у массового адресата чувство доверия к говорящему, к его мнению: «говорящий – один из нас». Снижение степени уверенности и категоричности суждения осуществляется благодаря структуре общего вопроса, напр.: *Herr Hasel, dazu 'ne Frage. Wenn das alles so ist, wie es ist und da gibt's ja nichts daran zu deuteln, **wissen wir** trotzdem, der alte schwache Mubarak ist vertrieben worden?*

Неопределенно-личное местоимение *man* в сочетании с эпистемическим предикатом может рассматриваться как конструкция для осуществления стилистического приема деперсонификации. В комбинации с конъюнктивом II модального глагола *können* ведущий выражает осторожное предположение, напр.: *Wenn man Newt Gingrich oder Mitt Romney zuhört, dann **könnte man ja glauben**, der Teufel sitzt in Gestalt von Europa den Amerikanern gegenüber*. Такая комбинация модальных средств легко трансформируется в модальное слово низкой степени уверенности *wohl*: => *Wenn man Newt Gingrich oder Mitt Romney zuhört, dann sitzt **wohl** der Teufel in Gestalt von Europa den Amerikanern gegenüber*.

Реализация предположения ведущим ток-шоу осуществляется также при помощи *референтных* конструкций, таких как *sozusagen* и *es/das heißt*, когда адресант неизвестен или когда речь идет об общеизвестных фактах. Высказывания с конструкцией *es/das heißt* имеют пояснительный характер и приближаются по своему значению к слову *bedeuten*, напр.: *Aber **das heißt** dann, es muss Geld reingepumpt werden, um die Märkte zu beruhigen?* Конструкция *sozusagen* может быть сигналом того, что ведущий собирается использовать слова разной стилистической принадлежности; ее значение равно словам *gewissermaßen*, *ungefähr*, напр.: *Und ist damit die erste Staatspleite eines Eurolandes, **sozusagen**, veraktenkundigt geworden?* Сами по себе референтные конструкции не выражают значения предположения, но, будучи включенными в общий вопрос, действуют с данной синтаксической структурой гармонично.

Значение предположения на лексическом уровне ведущий оформляет и *предложно-субстантивными модальными* конструкциями, которые, однако, не являются употребительными и составляют чуть более 6% от всех лексических средств выражения эпистемической модальности в выборке.

Самыми частотными в выборке оказались модальные конструкции *Ihrer Ansicht nach* и *den Eindruck haben*, присутствующие в совокупности в 80% фраз, содержащих предложно-субстантивные конструкции. Так, с помощью модальной конструкции *Ihrer Ansicht nach* ведущий своими вопросами апеллирует к знаниям, мыслям своих собеседников. В теледискурсе, чтобы исключить возможное несогласие телезрителя, журналист в изложении материала заранее приводит аргументы в пользу высказываемого в вопросе предположения. Поэтому синтаксически данная модальная конструкция оформляется как конечный элемент вопросительного предложения, напр: *Das verlierende Image der Leute aus dem Osten der Republik. Denn es wurde anfangs gesagt, ihr habt uns euer System übergestülpt. Wir hätten es ganz anders gemacht im Zweifel. Und die besseren Wessis und diese ganzen Sprüche, die da gelaufen sind. Ist das berechtigt, Herr Wawrzyniak, **Ihrer Ansicht nach?***

Употребление модальной конструкции *den Eindruck haben* в повествовательных предложениях связано с личным ощущением говорящего относительно общеизвестной информации. В вопросах данная конструкция выполняет функцию запроса мнения собеседника и приближается по значению к глаголам мнения/полагания *glauben, denken, meinen*, напр.: ***Haben Sie auch den Eindruck, dass die Deutschen nicht so richtig schätzen, was sie da haben? => Glauben Sie auch, dass die Deutschen nicht so richtig schätzen, was sie da haben?***

По содержанию и синтаксически обе конструкции близки модальным словам, передавая, как относительно степени достоверности говорящий оценивает отраженное в высказывании положение вещей. В результате этого обе конструкции, выражающие высокую степень уверенности с оттенком очевидности, можно трансформировать в высказывания с модальными словами *anscheinend* или *offensichtlich*, напр.: *Und **man hat den Eindruck**, das färbt auf die Politik überhaupt nicht abwickelnd. => Das färbt **offensichtlich** auf die Politik überhaupt nicht abwickelnd.*

Модальные конструкции *der Meinung sein/Ihrer Ansicht nach* коррелируют с глаголами мнения/полагания *meinen, glauben*, напр.: *Aber **wir sind auch der Meinung**, dass Einiges an Regularien dazu kommen muss, um ihn wieder richtig funktionsfähig zu machen. => Aber **wir glauben** auch, dass Einiges an Regularien dazu kommen muss, um ihn wieder richtig funktionsfähig zu machen.*

Конструкцию *Bedenken haben*, выражающую сильное сомнение, можно трансформировать в высказывание с модальным перформативом *zweifeln*, напр.: *Präsident Mitterrand, der ein guter Freund von Helmut Kohl war, dem damaligen Kanzler, **der hatte gro-o-ße Bedenken**, was die Wiedervereinigung anging, wie Margaret Thatcher in Großbritannien auch. => Präsident Mitterrand, der ein guter Freund von Helmut Kohl war, dem damaligen Kanzler, **der zweifelte sehr daran**, was die Wiedervereinigung anging.*

Таким образом, ведущий теледискуссии, который должен придерживаться определенных правил речевого поведения, предписываемых институциональностью дискурса, стремится избегать категоричных высказываний и «смягчает» свою убежденность различными языковыми средствами эпистемической модальности. Субъективная модальность оказывается в данном жанре дискурсообразующей категорией.

Специфику употребления модальных квалификаторов в телевизионном ток-шоу (теледискуссии) задают ведущему ключевые характеристики жанра: активная коммуникативная позиция ведущего, двойная адресация текста, диалогичность общения, официальный характер речевой ситуации.

Выбор ведущим языковых средств выражения своей позиции и приемов ее реализации определяет стратегия кооперации. Субъективное отношение ведущего к описываемым событиям проецируется на содержание дискуссии и ведет к тому, что его речь приобретает более доверительный характер. Так он осуществляет стратегию диалогизации для более эффективного воздействия на массового зрителя.

Центральное место при оформлении модальности предположения ведущим теледискуссии принадлежит разнообразным средствам уровня лексики, которые являются эксплицитными и легко дешифруются массовой аудиторией. Лексические средства эпистемической модальности способны реализовывать стратегии актуализации мнения адресата, диалогизации, организации дискурса, убеждения, саморепрезентации адресанта.

ЛИТЕРАТУРА:

1. *Helbig, G.* Lexikon deutscher Modalwörter / G. Helbig, A. Helbig. – 2. durchges. Aufl. – Leipzig : Langenscheidt, 1993. – 300 S.
2. *Емельянова, Н.А.* Дискурсивные слова как средство организации устного общения в английском языке / Н.А. Емельянова // Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 70–75
3. *Сытько, А.В.* Модальность предположения в вопросительных высказываниях и средства ее выражения в немецком языке: На материале общих вопросов: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / А.В. Сытько. – Минск, 2004. – 131 л.

The article deals with the functions of *subjective modality* actively used by the host in telediscussion/talk show for achieving certain pragmatic purposes. The aim of this research is to determine the strategic role of epistemic lexical means by transferring of information and at the same time by expressing the relation to it.

Поступила в редакцию 22.06.12

Н.И. Якутенок

ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНЫЙ КОМПОНЕНТ В СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ ДИМИНУТИВОВ И АУГМЕНТАТИВОВ

Статья посвящена изучению *эмоционально-оценочного компонента*, входящего в семантическую структуру *аугментативов* и *диминутивов*. Сущностью данного компонента является тот факт, что предметно-логическое значение объектов действительности осложняется эмоциональным отношением говорящего к называемому явлению. Имея логическое основание, эмоционально-оценочный компонент доминирует над рациональным, что прослеживается у языковых единиц категорий аугментативности и диминутивности. Причем эмоционально-оценочный компонент передается не только через морфологические и лексические средства, но также значительную роль при его выявлении оказывает контекст.

Человек отличается от других живых существ, прежде всего, наличием разума и интеллекта, которые помогают ему осуществлять классифицирующую деятельность, делать определенные умозаключения, а также наличием эмоциональной системы, позволяющей оценивать объективную реальность, проявлять соответствующее отношение к окружающему миру, так как эмоции управляют нашими процессами мышления и действиями.

В процессе мировосприятия в сознании человека формируется идеальный образ внешнего мира. Человек накапливает не только объективное знание о явлениях действительности, но и формирует свое отношение к ним. Так, в работах Г.В. Колшанского картина мира определяется как «глобальный образ мира, лежащий в основе мировидения человека, репрезентирующий сущностные свойства мира в понимании ее носителей и являющийся результатом всей духовной активности человека. Соответственно картина мира – это субъективный образ объективной реальности» [1, с. 21].

Оценка воспринимаемых объектов и явлений действительности – это одна из важнейших составляющих когнитивной деятельности человека, которая представляет собой мыслительный акт, осуществляемый в процессе познавательной деятельности, и детерминируется не первичным (онтологическим), а вторичным (субъективным) членением мира. В его основе «лежат не реальные свойства предметов и явлений, а лишь наши субъективные от них впечатления, наши эмоциональные реакции на них и умственные заключения об их роли в нашей жизни» [2, с. 56]. Е.М. Вольф считает, что «оценка может даваться по самым разным признакам (истинность/ложность, важность/неважность и т.п.)» [3, с. 8].

Результатом взаимодействия человека с объективным миром являются различные оценочные суждения, в которых могут присутствовать рациональная и эмоциональная стороны оценки, тесно переплетенные друг с другом. Рациональная оценка – «оценка конкретных свойств объекта» [4, с. 115], эмоциональная – реакция в виде положительных либо отрицательных эмоций на объект. Рациональное и эмоциональное в оценке находятся в динамическом единстве, поскольку представляют разные стороны отношения между

субъектом и объектом. Данный факт прослеживается у категорий *аугментативности* и *диминутивности*, включающих как рациональную размерно-количественную оценку (увеличительность и уменьшительность), так и эмоциональную. Причем значение размера в чистом виде они выражают достаточно редко и чаще сопровождаются положительной либо отрицательной оценкой.

Оценка является как социально обусловленной, так как в ней присутствуют представления социума о ценностях, так и субъективной, индивидуальной, поскольку она дается с позиции отдельного человека. Выражение личного «я» в оценке делает ее субъективной, но не эмоциональной. Эмоциональное значение связано с процессом переживания и проявления чувств человеком, с его впечатлениями, с его эмоциональной реакцией на объект. Однако человек не может выражать эмоции, не оценивая то, по отношению к чему они выражаются [5, с. 83].

Поэтому в семантическую структуру многих языковых единиц, в том числе аугментативов и диминутивов, могут входить как оценочный, так и эмоциональный компоненты. Рассмотрение и анализ *эмоционально-оценочного компонента* аугментативов и диминутивов позволит узнать, какое место занимает он в семантической структуре данных единиц, а также какова его роль в случаях изолированного и контекстуального употребления аугментативных и диминутивных образований.

Под терминами *аугментативность* и *диминутивность* часто понимают увеличительность и уменьшительность, делая акцент только на их размерной характеристике. Данный факт, однако, ограничивает сферу действия вышеназванных категорий. Существует предположение, что имеется шкала, по которой характеризуются объекты с точки зрения величины. В теории антропоцентричности точкой отсчета выступает сам человек. Определение нахождения объекта на шкале «носители языка устанавливают, исходя из сопоставления размеров объектов с обычными размерами человека» [6, с. 15]. В нашем же исследовании точкой отсчета признается некоторая норма (обычный, средний размер того или иного предмета). При отклонении от нормы в меньшую сторону используются языковые единицы категории диминутивности, при превышении нормы – производные категории аугментативности. Но такие свойства объекта как «большой» и «маленький» подвергаются оценке, т.е. интерпретируются человеком с позиции его представлений и опыта, значит, при указании на отклонения от нормы мы сталкиваемся с субъективно-оценочным восприятием человека. А эмоционально-оценочный компонент, несомненно, присутствующий в семантике категорий аугментативности и диминутивности, является порой более релевантным элементом, чем размерно-количественная их составляющая, либо вовсе становится основным компонентом, исключая рациональную оценку:

das Jüngelchen ‘**unreifer, nicht ernst zu nehmender** junger Mann’ – ‘незрелый, не воспринимаемый всерьез молодой человек’;

das Blitzmädel ‘**sehr tüchtiges** Mädel’ – ‘очень прилежная девушка’.

Известно, что значения увеличительности и уменьшительности свойственны различным частям речи: имени существительному, имени прилагательному, глаголу. В сфере имени существительного (около 1000 диминутивных единиц) можно выделить 3 группы диминутивов.

1. Диминутивы, фиксирующие указание на маленький размер без – согласно словарным дефинициям – коннотативного компонента, например: *das Fensterchen* ‘**Verkleinerungsform** zu Fenster’, *das Töpfchen* ‘**Verkleinerungsform** zu Topf’, *der Minirock* ‘[weit] oberhalb des Knies endender, **sehr kurzer** Rock’.

Подтверждением тому, что диминутивы фиксируют только указание на маленький размер без какого-либо оценочного компонента, могут служить примеры их употребления типа *Johanna sah ihren Andreas **das kleine Türchen** öffnen und dem großen Ankömmling die Hand entgegenstrecken* (H. Stehr. „Der Heiligenhof” 1918) [7]. Прилагательное *klein* ‘маленький’ в данном случае еще раз подчеркивает размерные характеристики объекта.

2. Диминутивы, фиксирующие указание на маленький размер с коннотативным компонентом, о чем могут свидетельствовать следующие примеры:

*Auch begleitete ihn **ein kleines hässliches Hündchen**, und er schien sehr besorgt darum* (H. E. Nossack. „Nekyia” 1947) [7].

*Ich denke dabei an ein **sehr bescheidenes, sehr tapferes, sehr winziges Häuschen**, etwa in Schwabing, das, mehrmals defenstriert und tüchtig durcheinandergerüttelt leidlich wohnbar, die Bombengewitter überstanden hat* (Politik, 1945) [7].

В толковом словаре дефиниции производных *Hündchen* и *Häuschen* содержат указание на маленький размер: ‘**Verkleinerungsform** zu Hund/ Haus’, что подтверждают в контексте соответствующие прилагательные: *klein, winzig*. В приведенных примерах размерное значение, однако, сопровождается эмоциональной оценкой, которая объективируется посредством прилагательных с семантикой положительной или отрицательной оценки: *hässlich, bescheiden, tapfer*.

3. Диминутивы, фиксирующие коннотативный компонент без указания на маленький размер. Некоторые объекты окружающего нас мира в принципе не имеют размера (например, наименования лиц, веществ). Следовательно, в семантике диминутивных производных данного типа невозможно указание на маленький размер, например: *das Dummchen, das Väterchen, das Freundchen; das Wässerchen, das Süppchen, das Säftchen*. Диминутивный суффикс придает этим наименованиям экспрессивную и оценочную окраску, которая отчетливо проявляется в контексте:

*Ich wurde gerufen, mir saßen zwei Artdirektoren gegenüber, ein Typ und eine Frau. Die Frau sagte: „Mit 2400 Zeichen bist du noch gut bedient, **Väterchen**“* (Die Zeit, 24.05.2007) [7].

Использование обращения *Väterchen* в рабочей обстановке, о чем свидетельствует контекст, определенно указывает на наличие эмоциональной оценки данного деривата.

...kommt das junge **Weiblein** und streichelt dem alten Herrn den Bart und krault ihm hinter den Ohren und schleicht zur rechten Zeit wieder von dannen und kostet das **Süppchen** und guckt in die Winkel und tupft mit den Fingern das **Stäubchen** auf" (Die Zeit, 18.01.1980) [7].

Общий эмоциональный тон в вышеприведенном примере можно охарактеризовать как положительно коннотированный. Он создается именно использованием диминутивных форм: *das junge Weiblein* 'молодая женушка', *das Süppchen* 'супчик', *das Stäubchen* 'пылинка', а также глаголов, активизирующих приятные ассоциации: *streicheln* 'поглаживать', *kraulen* 'почесывать, тихонько щекотать', общей картиной происходящего. Таким образом, в данном контексте явно преобладает эмоционально-оценочный компонент в диминутивных дериватах и языковой репрезентации ситуации, а не размер женщины, порции супа или частицы пыли.

В большинстве случаев диминутивность сопряжена с положительной оценкой, которая, однако, в словарных дефинициях не зафиксирована, но отчетливо прослеживается в контексте, о чем еще убедительнее свидетельствует следующий пример:

*Anstatt über **Blümchen** und **Käferchen** zu reden, ließ sie die Buben und Mädchen nach allen möglichen Namen für **Fäkalien** suchen, vom kindlich niedlichen poop bis zur wissenschaftlich korrekten **excreta*** (Die Zeit, 18.12.2008) [7].

В указанном примере автор противопоставляет *Blümchen* 'цветочки', *Käferchen* 'жучки' и *Fäkalien* 'фекалии', *excreta* 'выделения' именно благодаря тому, что они имеют полярную эмоционально-экспрессивную оценочность: диминутивы – положительную, *Fäkalien*, *excreta* – отрицательную.

...*kleine* weiße **Wölkchen** am wundervollen blauen Himmel (Vossische Zeitung, 13.03.1919, S. 4, 12) [7], 'маленькие белые **облачка** на чудесном синем небе' (здесь и далее перевод наш. – Н. Я.).

Данный пример, как и выше приведенные, имеет общую позитивную эмоциональную окрашенность, о чем свидетельствует употребление оценочных определений перед именами существительными. Но он интересен еще и тем, что диминутив *Wölkchen* 'облачко' употребляется в сочетании с прилагательным, фиксирующим оценку размера облаков – *kleine* 'маленькие', что было бы невозможно, если бы в значение диминутива уже входила такая оценка. Это позволяет утверждать, что в данном случае в его семантике преобладает положительная эмоционально-экспрессивная оценка.

Однако существуют диминутивы, фиксирующие презрительно-уничижительную оценку: *das Dämchen* (spöttisch, abwertend), *das Jüngelchen* (abwertend), *das Blondchen* (meist abwertend).

При помощи контекста предоставляется возможным также проследить изменение оценочной семантики диминутивов. Оценочный компонент данных единиц, как положительный, так и отрицательный, может варьировать в зависимости от ситуации. Так, в отдельном случае, когда диминутивное образование несет явно позитивную оценку, в определенном контексте она может поменяться на противоположную.

Ein kleines Späßchen zwischendurch macht munter, und man fühlt sich locker (Die Zeit, 16.10.1970) [7] ‘Небольшая **шуточка** между делом взбадривает, и ты чувствуешь себя свободно’ (положительная оценка). – *Das Gesetz sieht für solche Späßchen eine Strafe von bis zu drei Jahren vor, und deshalb steht nun der Handy-Besitzer vor Gericht* (Die Zeit, 22.08.1997) [7] ‘Закон предусматривает за такие **шуточки** штраф сроком до трех лет, и поэтому владелец мобильного телефона предстает сейчас перед судом’ (отрицательная оценка).

Da hörte sie dicht neben sich im Kelch einer Lilie ein feines singendes Stimmchen, so rein und glockenhell, wie sie noch niemals einen irdischen Klang vernommen hatte (W. Bonsels. „Die Biene Maja und ihre Abenteuer“, 1912) [7] ‘Тогда она услышала рядом с собой в бутоне лилии **тонкий поющий голосок**, такой чистый и звонкий, которого она еще никогда не слышала на земле’ (положительная оценка). – *Wie auch immer, ein kritisches Stimmchen hatte sich doch gemeldet, und daß es dabei blieb, lag nicht bloß an Ulm* (Die Zeit, 30.03.1990) [7] ‘Тем не менее **критический голосок** все же издался, и при этом утверждал, что дело было не только в Ульме’ (отрицательная оценка).

А. Зиберер, исследуя диминутивные имена существительные, также утверждал, что сутью диминутивных значений является не указание на объективную малость, а выражение чувств. Так, например, в процессе сужения объема значения имени существительного *Haus* за счет атрибутивного прилагательного *klein* приводится в действие область абстрактного мышления. Но когда мы имеем дело с диминутивными суффиксами, то на первый план выходят сопровождающие чувства. Существительное *Füßchen* полно нежности, существительное *Bürschchen* содержит в себе оттенок критики. Таким образом, главное предназначение диминутивов видится в манифестации чувств [8, S. 85–86].

Прилагательные с уменьшительным суффиксом *-lich* (около 60 дериватов) обозначают ослабленное качество или меру, что выражено производящей основой: *dümmlich* ‘**ein wenig** dumm’; *näßlich* ‘**ein wenig** feucht’. У прилагательных, обозначающих цвет, содержится указание лишь на оттенок определенного цвета, не достигшего основного тона:

bläulich ‘**leicht** blau getönt, ins Blaue spielend’,

rötlich ‘**sich** im Farbton dem Rot **nähernd**, ins Rote spielend’,

grünlich ‘**sich** im Farbton dem Grün **nähernd**; ins Grüne spielend’ и т.д.

Среди диминутивных прилагательных можно так же, как и у существительных, отметить случаи, когда дериваты обладают различными эмоционально-оценочными оттенками: *süßlich* ‘[auf **unangenehme** Weise] leicht süß, **übertrieben und geheuchelt** freundlich, **liebenswürdig, weichlich-gefühlvoll** und **ins Kitschige abgleitend** (abwertend)’. Например, оттенок уничижительности, пренебрежения и иронии представлен в следующем примере:

Neulich bekam ich folgenden Anruf: “Mein Name ist Peters von der Commerzbank. – Und in süßlichem Ton: Sie sind ja eine unserer liebsten und längsten Kunden, ich kenne Sie ganz genau, Frau Holtmann” (Die Zeit, 07.03.2006) [7] ‘Недавно я получила следующий звонок: «Меня зовут Петр, я из Коммерцбанка. – И **слащавым тоном**: Вы являетесь нашим любимейшим и постоянным клиентом, я вас очень хорошо знаю, госпожа Холтман»’.

У глаголов с диминутивным суффиксом *-eln* (около 20 диминутивов) прослеживается ослабление интенсивности действия: *tropfen – tröpfeln* ‘in **kleinen** Tropfen **schwach [und langsam]** niederfallen oder an etwas herabrinne[n]’, *husten – hüsteln* ‘[mehrmals hintereinander] **schwach** husten’.

Аугментативы, в свою очередь, выражают не только увеличение или усиление, но и (так же, как диминутивы) позитивную и отрицательную оценки. Их коммуникативная функция заключается в выражении непосредственного отношения говорящего к определенному факту, предмету, явлению.

В отличие от диминутивов, основным средством образования которых служат суффиксы, у аугментативов это полупрефиксы. Аугментативные существительные (около 940 единиц) и прилагательные (около 1200 единиц) могут образовываться посредством одного и того же полупрефикса, изменяя при этом не столько понятийное, сколько коннотативное содержание слова, например:

die Affenkälte ‘**sehr große** Kälte’ (emotional), *affengeil* ‘in **besonders begeisternder Weise** schön, gut; **äußerst** großartig, ganz toll’ (salopp);

das Saugglück ‘**sehr großes** Glück’ (emotional), *saufrsch* ‘**sehr** frsch’ (salopp emotional abwertend).

Еще одной отличительной чертой от диминутивов является тот факт, что аугментативы чаще выражают значение отрицательной оценки, но при этом она также не всегда стабильна и последовательна. Ярким примером могут служить образования с полупрефиксом *Sau-*. В речи взрослых людей подобные образования имеют негативную коннотацию (*sauteuer, saudumm*), а в речи молодежи – противоположную, положительную (*saustark, saugeil*). Объяснением может служить тот факт, что в речи молодежи полупрефиксы с уничижительной окраской используются для создания более мощного эффекта усиления чаще при основах, содержащих в себе положительную коннотацию.

У существительных, имеющих значение аугментативности, полупрефиксы *Herz(ens)-, Engel(s)-, Spitze(n)-, Pracht- и Pfund(s)-* имеют положительную коннотацию. Так, например, полупрефикс *Pfund(s)-* содержит в себе указание на превосходное качество предмета, явления: *die Pfundsstimmung* ‘**hervorragende, bewundernswerte** Stimmung’, *die Pfundssee* ‘**hervorragende, bewundernswerte** Idee’. Полупрефикс *Spitze(n)-* выражает сему ‘великолепно’, ‘первоклассно’: *die Spitzenbesetzung* ‘**ertsklassige** Besetzung’, *die Spitzenleistung* ‘**hervorragende, ausgezeichnete** Leistung’. Полупрефиксы *Höllen-, Heiden-, Teufel(s)-, Hunde-, Stink-, Sau-, Scheiß-, Dreck-* обладают пейоративной коннотацией. Соответствующие аугментативы также приобретают уничижительную окраску независимо от того, какая оценка доминирует в том или ином деривате, – рациональная: *der Hundelohn* ‘**unangemessener, sehr niedriger** Lohn’ (abwertend), *die Scheißangst* ‘**sehr große** Angst’ (derb) или эмоциональная: *die Sauarbeit* ‘**äußerst unangenehme** Arbeit’ (salopp emotional verstärkend abwertend), *die Stinklaune* ‘**sehr schlechte** Laune’ (salopp).

Среди полупрефиксов со значением аугментативности встречается большое количество синонимов, например: *Affen-, Bomben-, Bären-, Bullen-, Glut-, Höllen-, Hunde-, Knall-, Mordshitze; Heiden-, Hunde-, Mords-, Riesen-, Teufelsarbeit; Bären-, Bomben-, Mordshunger; Schweine-, Sau-, Hunde-, Pfunds-, Scheißwetter* и др. Они представляют собой стилистические синонимы: *Heidenangst* ‘**sehr große Angst** vor jemandem, etwas’ (emotional verstärkend) – *Scheißangst* ‘**sehr große Angst**’ (derb). В лексемах *Sauhitze* ‘**sehr große Hitze**’, *Hundehitze* ‘**sehr große Hitze**’ (meist abwertend) в отличие от *Affenhitze* ‘**sehr große Hitze**’, *Bombenhitze* ‘**sehr große Hitze**’ (emotional verstärkend) присутствует негативная пренебрежительная оценка.

Аугментативные прилагательные, которые являются эмоционально-усилительными, стилистически принадлежит к фамильярно-разговорной либо вульгарной сфере употребления. Прилагательные, первым компонентом которых выступают так называемые бранные или табу-слова, являются негативно окрашенными и достаточно распространенными в спонтанной речи, и, как правило, не выходят за рамки разговорного стиля (*saugeil, saublöd, scheißfreundlich, scheißfrech, arschkalt, arschklar* и др.).

У аугментативных прилагательных также выявлена тенденция к вариативности первого усилительного компонента при одной и той же основе: *arsch-, bitter-, eis-, grabes-, hunde-, lause-, saukalt; affen-, bären-, bullen-, baum-, riesen-, saustark*. В данных случаях обнаруживаются нюансы в стилистической окраске, ср.: *arsch-, sau-, lausekalt* (derb, salopp) и *eis-, frost-, bitterkalt* (emotional verstärkend).

Еще одним средством образования аугментативов являются префиксы иноязычного происхождения *super-, top-, extra-, ultra-, hyper-, mega-, maxi-, makro-* и исконно немецкие *erz-, ur-* и др. У аугментативных производных, образованных путем префиксации, усиливается в большинстве случаев та оценка, которая изначально заложена в соответствующей основе: *supersympatisch, ultrastabil, ultraleicht, megaerfolgreich; supersauer, ultrabrutal, Megaskandal*. При этом отмечается возведение признака в высшую его степень, подчеркивается его чрезмерность или увеличение.

У образований с префиксами *maxi-, makro-, maximal-*, которые сочетаются с нейтральными основами, отсутствует эмоциональный компонент (*die Maximode, der Maxipullover, die Maximalstrafe*):

Es gibt klassische Kaschmircardigans mit Perlenstickereien und hippieartige Maxikleider (Die Zeit, 01.07.2009) [7].

Таким образом, в процессе мировосприятия активную роль играет человек, так как он, взаимодействуя с объектами реальной действительности, вовлекает их в разнообразные операции, которые вызывают у него впоследствии различные реакции, эмоции и оценки. Субъективное восприятие человеком окружающей действительности фиксируется в эмоционально-оценочном содержании соответствующих единиц. После проведения анализа лексического материала можно утверждать, что в семантической структуре аугментативов и диминутивов релевантным является не столько размерно-количественный,

сколько эмоционально-оценочный компонент. Основным функциональным назначением вышеназванных языковых единиц является выражение субъективного начала при отражении объективной реальности. Несмотря на то, что диминутивным образованиям чаще свойственна положительная оценка, а аугментативным – отрицательная, все же необходимо подчеркнуть, что определяющую роль при выявлении оценки дериватов играет контекст. Он, во-первых, является наглядным доказательством наличия положительной оценки, например, у диминутивов, хотя словарные дефиниции и пометы этого не отображают, во-вторых, именно в тексте (т.е. в речи) и аугментативные, и диминутивные производные демонстрируют способность приобретать противоположную эмоциональную оценочность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Ин-т языкознания АН СССР; отв. ред. Б.А. Серебренников. – М. : Наука, 1988. – 216 с.
2. Васильев, Л. М. Семантическая категория оценки и оценочные предикаты / Л. М. Васильев // Исследования по семантике. – Уфа, 1996. – С. 55–62.
3. Вольф, Е.М. Функциональная семантика оценки / Е.М. Вольф. – Изд. 2-е, доп. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – 280 с.
4. Азнаурова, Э.С. Роль слова в создании прагматической направленности высказывания / Э.С. Азнаурова // Семантика и типология разносистемных языков : сб. науч. тр. – Ташкент, 1984. – 163 с.
5. Кочеткова, Т.И. Эмоционально-оценочный компонент в аппозитивных словосочетаниях / Т.И. Кочеткова // Рус. яз. в школе. – 2005. – № 1. – С. 83–87.
6. Спиридонова, Н.Ф. Русские диминутивы: проблемы образования и значения / Н.Ф. Спиридонова // Известия АН, СЛЯ – 1999. – Т.58, №2. – С. 13–22.
7. Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache [Elektronische Ressource]. – Zugriffsmodus: www.dwds.de. – Zugriffsdatum: 28.03.2012.
8. Sieberer, A. Das Wesen des Diminutivs / A. Sieberer // Die Sprache, 2. – 1950. – S. 85–121.

In the semantic structure of *augmentatives* and *diminutives* the *emotional-evaluative component* is relevant but not dimensionally quantitative. The basic function of such derivatives is expression of the subjective principle in the reflection of objective reality. Despite the fact that diminutive derivatives are often characterized by a positive evaluation and augmentative derivatives by a negative one, it still must be emphasized that a key role in identifying derivatives evaluation is played by the context.

Поступила в редакцию 25.06.12

ИССЛЕДОВАНИЯ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

Ф.М. Кязимова

АКЦЕНТОЛОГИЧЕСКИЕ ВАРИАНТЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Русское ударение осуществляется с точки зрения традиционных для этого явления параметров: место в словоформе, передвижения при словообразовании и словоизменении и грамматическими категориями.

Понятие акцентологической нормы узко и конкретно. Акцентные варианты – объективное следствие языковой эволюции.

В современной лингвистической науке изучение вариантности занимает одно из центральных мест. Исследование вариантов важно в плане их временного и внутрисистемного соотношения, а также в плане функциональном, т. е. выявление стилистических, сочетаемостных, позиционных и иных особенностей. Особый план представляет изучение социальных различий в распределении вариантов. Изучая акцентную вариантность, необходимо прежде всего представлять себе причины, которые ее порождают, т. е. причины развития ударения. Вариантность, как это установлено современной наукой, есть естественное свойство литературного языка.

Каждый носитель конкретного языка владеет двумя, иногда тремя (аварцы, горские евреи, лезгины, таты) типами произношения, т. е. кодифицированным (полным), соответствующим всем орфоэпическим, акцентологическим нормам, описанным учеными-фонетистами, а также разговорным, называемым неполным. Первый тип используется не так часто, как второй, и обычно наблюдается в разговоре с иностранцами и официальными лицами: при чтении вслух официальных документов, где необходимо точное прочтение каждого слова. Второй тип произношения используется в повседневной речевой практике и является основным. Отличительными особенностями официальной речи от разговорной является наличие сознательного контроля говорящего над своей речью и употребление преимущественно полных, эталонных звуковых форм слов. Носители русского языка спокойно воспринимают [здрас^твуйть] и [здрас^ти], [гъвАр'у] и [гъвр^у], [мьлАко] и [млАко].

Следует отметить, что не все носители какого-либо конкретного языка одинаково владеют обоими типами говорения. Большинство используют только один тип, а именно разговорный. Отсюда можно сделать вывод, что разговорный тип является основным, потому что им владеют все носители языка.

Наблюдения над двумя типами произношения указывают на такие факты, что в настоящее время происходит активная «демократизация» устной речи, так как элементы разговорной речи все больше переходят в официальную, которую называли «высоким» произносительным стилем. То же самое можно отметить и в области лексикологии, морфологии, синтаксиса.

Разговорная русская речь стала объектом исследования фонетистов в 80-е годы XX в. В их работах было указание на то, что характер реализации фонем в аллофонах в разговорной речи не всегда определяется фонетическими и акцентологическими правилами, которые были сформулированы для кодифицированного литературного языка. Для разговорной речи характерна прежде всего вариантность, множественность реализаций одной и той же фонемы в позициях, которые в «высоком» стиле являются идентичными, и в связи с этим стали различать фонетические, орфоэпические, акцентологические варианты. Отметим, что разговорная речь не создает безграмотного произношения. Вообще-то, как мы считаем, разговорная речь вне литературы не может быть. Ею пользуются грамотные люди, а небрежное произношение является лишь сокращенным производным вариантом полной формы речи на фонетико-орфоэпическом уровне и изменения места ударения на акцентологическом уровне.

Всем известно, какую сложную картину представляет современное русское литературное ударение, и эта сложность в значительной степени обусловлена существованием множества вариантных ударений. Вариантность в ударении часто рассматривается как досадная помеха в овладении нормами литературного языка. А можно ли стандартизировать ударение, выбрать один из вариантов как наиболее правильный?

Вариантность, как это установлено современной наукой, есть естественное свойство литературного языка, живого и развивающегося. Акцентные варианты – объективное следствие языковой эволюции. Будучи продуктом ряда эпох, современная акцентная система включает в себя разновременные элементы, которые отражают акцентные закономерности, свойственные разным историческим периодам. И под влиянием вновь складывающихся закономерностей в процессе развития литературного языка многие элементы акцентной системы и отдельные ее ветви перестраиваются. Перестройка в разной степени касается отдельных лексем и их групп, новые акцентовки закрепляются не сразу, проходя период более или менее длительных колебаний. И все это, конечно, обуславливает существование в каждом из периодов развития литературного языка определенного числа вариантных ударений. В современном литературном языке более 3500 лексем допускает акцентное варьирование во всей парадигме или отдельных словоформах [1, с. 56]. Следовательно, об акцентной вариантности в современном литературном языке можно говорить как о явлении весьма распространенном.

Тут можно задать вопрос: как следует относиться к вариантам с точки зрения литературной нормы?

В современной лингвистической науке изучение языковой вариантности занимает одно из центральных мест. Исследование вариантов важно и в плане временного и внутрисистемного соотношения, и в плане функциональном, т. е. выявление стилистических, позиционных и других особенностей.

Особый интерес представляет изучение социальных различий в распределении вариантов. Эти аспекты дают возможность не только подробно, тщательно, внимательно охарактеризовать вариантность на определенном языковом уровне, но и сделать максимально объективными соответствующие нормативные рекомендации. Все изложенное относится и к изучению акцентной вариантности. На современном этапе развития филологической науки вопрос об акцентных вариантах не может стоять особняком и ставиться упрощенно, как ставился он раньше: выбрать один из вариантов и зачеркнуть другой. Другие варианты не стоит отбрасывать, их следует также подробно охарактеризовать, показать их место в языковой системе.

Изучая акцентную вариантность, нельзя игнорировать причины, которые ее порождают, т. е. причины развития ударения. Это позволяет охарактеризовать появляющиеся ударения с точки зрения их перспективности, соответствия живым языковым тенденциям. По мнению ведущих ученых, изменения в ударении вызываются рядом причин [1, с. 56–70]. Оценка спорных фактов акцентологии нередко осуществляется на основе субъективного восприятия, без учета основных тенденций в развитии ударения. Среди причин в отношении изменения в ударении следует выделить основные, которые действуют постоянно, в течение длительного времени и охватывают значительные группы слов, и второстепенные, имеющие несколько ограниченные сферы действия. В качестве такой основной причины, значительно преобразующей акцентную систему, выступает тенденция к усилению дифференцирующей функции ударения.

Известно, что ни одна область русского языка не вызывает столько споров, как ударение, сложность и прихотливость которого известны. Разноместность и подвижность русского ударения служат важным фонологическим средством и в этом качестве могут иметь существенное значение для разных сторон структуры языка. Функция разноместного ударения, делающая ударение признаком данного слова в отличие от другого, т. е. средством различения слов (*му́ка* и *мука́*; *за́мок* и *замо́к*), относится к сфере лексики. Подвижность ударения в словообразовании (передвижение ударения с одного слога на другой в группе слов, имеющих общий корень), при которой ударение является как индивидуальным признаком данного слова, так и признаком данного типа образования слов, относит его к сфере лексики и словообразования. Подвижность ударения в формообразовании, делающая ударение признаком данного слова в его данной грамматической форме, относится к сфере словоизменения, т. е. грамматики.

В качестве основного фонологического средства ударение и в своем развитии проявляет себя на разных языковых уровнях по-разному, поскольку оно, будучи дополнительным средством, взаимодействует с различными основными средствами и это взаимодействие происходит в пределах разных систем.

В словоизменении (парадигматике) замены ударения в значительной мере связаны с ролью ударения как дополнительного грамматического средства, сопровождающего основное средство образования грамматических форм – аффиксацию. Если разноместность и подвижность русского ударения и создают трудности при его освоении, зато эти самые неудобства полностью искупаются возможностью различать с помощью места ударения смысл слов (*тру'сит* – *трусит'*, *погру'женный на платформу* и *погружён'ный в воду*) и даже функционально-стилистическую закреплённость акцентных вариантов [2 ; 3] (*лавро'вый лист*, но в ботанике: *семейство ла'вровых*). Особенно следует выделить в этом плане роль ударения как способа выражения грамматических значений и преодоления омонимии словоформ. Сравним: *анализ кро'ви* (родительный падеж) и *весь в крови'* (предложный падеж); *руки' не подаст* (родительный падеж) и *у детей чистые ру'ки* (именительный падеж множественного числа); *пальто мне мало'* (краткая форма прилагательного) и *ребенок спал ма'ло* (наречие).

Таким образом, разноместность и подвижность русского ударения не только устраняют монотонность речи, но и способствуют ее ритмической организованности и являются основным различительным, фонологическим средством. Эти свойства ударения обычно не доставляют значительных хлопот человеку, усвоившему русский язык с детства.

Конечно, иное дело – акцентные варианты, которые, как правило, не различаются ни в лексическом, ни в грамматическом значении. Например: *мышле'ние* и *мы'шление*, *ба'ржа* и *баржа'*, *роди'лся* и *родился'*, *за'литый* и *зали'тый*, *ве'рны* и *верны'*, *глубо'ко* и *глубоко'*, *высо'ко* и *высоко'*, *в и'збу* и *в избу'*, *на' мост* и *на мо'ст*, *на' ногу* и *на но'гу*, *за' нос* и *за но'с* и т.п.

В некоторых работах лингвистов встречаются утверждения, что таких равноценных акцентологических дублетов мало. Это в корне неверно. В современном русском языке имеется более 5000 общеупотребительных слов, у которых зафиксировано колебание ударения [4, с. 87].

На первый взгляд существование в языке акцентных вариантов представляется несовершенством языка. Однако такая оценка ошибочна. Колебания в ударении – это хотя и временный, но неизбежный этап развития языка, объективное следствие эволюции акцентологической системы. Если посмотреть на это явление непредубежденно, то вариативность ударения включает в себе даже некоторую пользу. Помимо этого, многие вариантные пары представляются равноценными лишь при поверхностном рассмотрении. А в действительности же они имеют тонкие, но весьма существенные функциональные различия и поэтому служат обогащению стилистических ресурсов литературного языка.

До недавнего времени при характеристике колебаний русского ударения упор часто делался на наличие социально-профессиональных расхождений. Некоторые языковеды продолжают считать их чуть ли не главной причиной акцентологических сдвигов. В профессиональной речи, действительно, часто зарождаются живые и продуктивные тенденции, например, новые ударения: *ветрово'й*, *текстово'й*, *корнево'й* и т.п.

Причинами сложности современного русского ударения являются: 1) отголоски распавшейся древней акцентологической системы, во многом зависевшей от фонетической характеристики гласных звуков; 2) взаимовлияние диалектов; 3) многоконтактность при процессе заимствования слов и попеременном воздействии иноязычных акцентологических моделей; 4) профессиональное употребление.

Наряду с перечисленными экстралингвистическими причинами основными двигателями акцентологического развития в современном русском языке являются внутренние (лингвистические) факторы, действующие гораздо сильнее. К ним относится влияние формальной аналогии, которая ведет к уподоблению слов по месту ударения. Например, в русском языке наблюдается стремление к выравниванию ударения у кратких форм страдательных причастий и в глаголах прошедшего времени: *про́дан, про́дано, про́даны*, но в женском роде *продана́*. Однако автоматизм говорения как бы подстраивает форму женского рода к остальным, освобождает ее от излишнего различительного признака (ведь форма женского рода уже отличается от других своим фонетическим составом) [5]. Поэтому некоторые нормативные словари допускают уже ударения *про́дана, взя́та, скло́нна, правда*, пока на правах сниженных вариантов литературной нормы [6].

Важной особенностью усиления грамматической функции ударения является его закрепление за устойчивыми сочетаниями: *ожидание у́тра*, но *с утра́*; *обеспокоен су́дьбами*, но *какими судьба́ми*; *братъ грех на́ душу*, но *на ду́шу населения*; регрессивное акцентологическое ударение преобладает в следующих акцентных вариантах: а) в дву-, трехсложных именах мужского рода: *бонда́рь – бо́ндарь, обу́х – о́бух, прику́с – при́кус, раку́рс – ра́курс, катало́г – ката́лог, плане́р – пла́нер*; б) в трех- и более сложных глагольных формах в прошедшем времени: *родился́ – роди́лся, постлала́ – постла́ла, дождали́сь – дожда́лись*; в) в формах настоящего-будущего времени глаголов: *дружи́т – дру́жит, включи́т – вклю́чит, прислони́т – присло́нит, помири́т – поми́рит* и т.п. [7].

При утверждении акцентологических норм, помимо всего прочего, следует считаться и с возрастающей взаимопереходностью стилей литературного языка, которая делает реальным в некоторых случаях допущение стилистических вариантов ударения (*бази́лика и базили́ка, би́тум и биту́м, гренки́ и гре́нки, до́мбра и домбра́, звони́шь и зво́нишь, о́тдал и отда́л*) и т.д.

Прогрессивное акцентологическое развитие преобладает в следующих группах акцентных вариантов: а) в дву-, трехсложных именах женского рода на *-а(-я)*: *ну́жда – нужда́, лы́жня – лыжня́, фо́льга – фольга́, фре́за – фреза́*; б) в производных трех-, четырехсложных прилагательных: *ти́гровый – тигро́вый, сча́стливый – счастли́вый, заво́дский – заводско́й*; в) в дву-, трехсложных формах инфинитива: *у́дить – уди́ть, ума́лить – умали́ть, багро́веть – багрове́ть, ржа́веть – ржаве́ть*;

г) в падежных формах одно-, двусложных существительных и кратких формах прилагательных во множественном числе: *хо́лма – холма́*, *гру́здя – груздя́*, *сте́бля – стебля́*, *о́вцу – овцу́*, *и́збу – избу́*, *бли́зки – близки́*, *ве́рны – верны́*, *про́сты – просты́*.

Словарь трудностей русского языка (М., 1985) снабжает ударение *до́говор* пометой «разговорное», допуская его, следовательно, как сниженный вариант литературной нормы в непринужденно-обиходной речи. Перемещение ударения у слова *договор* поддерживается, видимо, влиянием ударения в сложных словах (*колдоговор*, *междоговор*), а также стремлением к акцентологической подвижности и разграничению форм единственного и множественного числа: *до́говор – договора́* (разг.)' и сдвиг начался, вероятно, с формы родительного падежа множественного числа.

Непрерывное действие причин, порождающих акцентные изменения, обуславливает появление новых вариантных ударений. Некоторые из них в современном языке получили достаточно широкое распространение и, хотя не вытесняют старые варианты, создают момент острой конкуренции. Таковыми конкурирующими вариантами являются, например, ударения *во́лнам и волнам*, *ве́тры и ветра́*, *сте́нам и стена́м*, *бу́нкеры и бункера́* и т.д.

Значительное число новых ударений, появление которых закономерно и соответствует живым тенденциям, пока еще не достигло статуса языковой нормы. Эти ударения отмечаются в словарях обычно пометами «разговорное», т. е. сниженное, которое не соответствует строгой литературной норме): *ко́су*, «разг.» *косу́ – волосы*; «разг.» *бухгалтера́*, *вентиля́*, *волоса́*, *инспектора́*, *инструктора́*, *конструктора́*, *корректора́*. Значительная часть подобных ударений снабжается запретительной пометой: *не борону́*, *пору́*, *сторону́*, *цену́*; *не го́рам*, *же́лезам*, *по́лосам*, *стро́кам*; *не выговора́*, *диктора́*, *инженера́* и т.д. Известно, что живые языковые тенденции полнее всего выявляются в тех языковых сферах, где понятие нормы ослаблено – в разговорной речи, просторечии.

Например, форма *торта́* существует в кондитерских, *площадя́* – в домовых управлениях; у трактористов – *трактора́* и *скоростя́*, у электриков – *кабеля́*.

Помимо того, что варианты как бы поддерживают преемственность речевых навыков и избавляют нас от слишком крутых поворотов в истории языка, присущая вариантам особая функциональная нагрузка превращает их в важное стилистическое средство литературного языка, которое наряду с синонимикой способствует уточнению мысли. Например, в школе преподаватели называют себя *учителя́*, а когда речь идет об основоположниках какого-либо учения, обычно говорят *учи́тели*.

На синтаксическом уровне при установлении вариантов одного и того же предложения приходится учитывать наличный лексический состав и синтаксические функции слов; порядок расположения компонентов и его влияние на синтаксические отношения и функции слов.

Вариативность неразрывно связана с другими общими свойствами языка – с парадигматическим устройством, с линейностью и дихотомией «язык и речь» и т. д. Развитие языка, как известно, возможно только при функционировании языка в виде речи, а речь по своей природе состоит из вариантов, т. е. вариативна.

Итак, русское ударение действительно представляет собой «трудный участок» нормализаторской работы, и ошибки в выборе акцентологического варианта еще весьма характерны для современной речи, многое в этой области получило научное истолкование и стало объектом регламентирующего воздействия. Успеху нормализации ударения способствует и то, что постепенно отмирают некоторые причины, порождавшие акцентные варианты. Многие сохранившиеся варианты получили ту или иную функциональную специализацию, закрепились за особыми словосочетаниями и конструкциями и, следовательно, не могут считаться избыточными, бесполезными для языка.

Таким образом, картина акцентной вариантности во всех категориях слов, где имеет место подвижность ударения, представляется сложной.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Горбачевич, К.С.* Вариантность слова и языковая норма / К.С. Горбачевич. – Л., 1978. – С. 56–70.
2. *Колесов, В.В.* История русского литературного ударения. Именная акцентуация в древнерусском языке / В.В. Колесов. – Л., 1972.
3. *Воронцова, В.Л.* Русское литературное ударение XVIII–XX вв. Формы словоизменения / В.Л. Воронцова. – М., 1979.
4. *Горбачевич, К.С.* Нормы современного русского литературного языка / К.С. Горбачевич. – М., 1978. – С. 87.
5. *Колесов, В.В.* Развитие словесного ударения в современном русском произношении // Развитие русского языка после Великой Октябрьской социалистической революции / В.В. Колесов. – Л.: ЛГУ, 1967.
6. Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка : словарь-справочник / под ред. К.С.Горбачевича. – Л., 1973.
7. *Потапова, Р.К.* Фонетика и фонология на стыке веков: идеи, проблемы, решения / Р.К. Потапова, В.В. Потапов // *Вопр. языкознания.* – 2000. – № 4.

Russian word stress is studied in this article considering traditional parameters for this phenomenon: possibility of movement in inflections and word forms and grammatical categories. The conception of norm is a concrete accent, versions are an objective result of linguistic evolution.

Поступила в редакцию 30.06.2012

А.М. Якушава

СЭНСАВЫЯ ЗМЯНЕННІ Ў СЕМАНТЫЧНАЙ СТРУКТУРЫ КАНТЭКСТУАЛЬНАГА СЛОВАСПАЛУЧЭННЯ

В статье рассматриваются особенности функционирования слова как элемента языковой структуры художественного текста. Прослеживается механизм возникновения семантических изменений в зависимости от его сочетаемости с другими словами в контексте произведения на примере атрибутивного словосочетания. Показывается процесс формирования различных дополнительных эмоционально-оценочных и стилистических оттенков в их соотносительности с данными “Тлумачальнага слоўніка беларускай мовы”. Раскрывается изменение семантических параметров слова-понятия и его переход в словообраз, который подразумевает возникновение дополнительных семантических и экспрессивных оттенков, стилистических характеристик, коннотаций, семантических сдвигов в значении. На материале белорусского языка показано, что художественный текст как средство уточнения, углубления смысла лексемы дает возможность достичь довольно точного объяснения, понять более глубокое значение слова и расширить представление о его функционировании.

Асаблівасці функцыянавання слова ў мове мастацкіх твораў звязаны з яго семантыкай і індывідуальным стылем пісьменніка, якія абумоўліваюць багацце адценняў лексемы і яе сувязей з іншымі словамі. У такіх умовах слова выступае не як асобная лексічная адзінка, а як элемент моўнай структуры тэксту, як неад’емны кампанент літаратурна-мастацкага адлюстравання.

Моўная творчасць пісьменніка – шматмерны комплекс узаемазвязаных элементаў. Механізм узнікнення семантычных змен у слове залежыць ад яго спалучальнасці з іншымі словамі ў кантэксце твора. На думку Н.В. Чарамісінай, спалучальнасць уплывае на семантыку мастацкага тэксту: “змяняе значэнні слоў ці іх значнасць, нярэдка забяспечвае ўзнікненне другога, падтэкставага эмацыянальна-семантычнага плана” [1, с. 200]. Мастацкае слова “двухплановае па сваёй сэнсавай накіраванасці і, значыць, у гэтым сэнсе вобразнае”. Сэнсавая структура слоў “пашыраецца і абагачаецца тымі мастацка-выяўленчымі «прырашчэннямі» сэнсу, якія развіваюцца ў сістэме цэлага эстэтычнага аб’екта” [2, с. 125].

Пры лексіка-семантычным аналізе мовы мастацкай літаратуры ў цэнтры ўвагі аказваецца не толькі значэнне слова, але і яго розныя дадатковыя эмацыянальна-ацэначныя і стылёвыя адценні. Моўнае значэнне ў мастацкім тэксце можа ўскладняцца падтэкстам, можа суіснаваць у межах аднаго тэксту з новым асэнсаваннем слова, можа даваць семантычную шматпланавасць слова, якая прадугледжвае ўзаемадзеянне значэнняў у тэксце. Асноўным сродкам актуалізацыі семантыкі слоў з’яўляюцца іх сінтагматычныя сувязі, у якіх сістэмныя значэнні слоў дапаўняюцца і відазмяняюцца рознага роду «прырашчэннямі» – сэнсу і эмацыянальна-ацэначных адценняў. У кантэксце словы могуць трансфармаваць свае значэнні, ускладняць зместавую структуру, набываць новыя семантычныя адценні. Гэта з’яўляецца галоўнай

адметнасцю мастацкага слова. На тое, што кантэкст стварае ўмовы для праяўлення семантычнага вар'іравання слова, звярталі ўвагу многія даследчыкі: Н.М. Амосава [3, с. 27], Н.В. Гаўрош [4, с. 65], В.І. Кананенка [5, с. 152], Е. Курыловіч [6, с. 238], В.А. Сіроціна [7, с. 27, с. 29], І.С. Улуханаў [8, с. 203] і інш.

Кампаненты словаспалучэння, прапушчаныя праз прызму індывідуальна-аўтарскага ўспрыняцця, увасабляюць сабой пераход лексем з намінатыўных адзінак у якасныя. Напаўненне вядомых раней слоў новым сэнсам у значнай ступені абумоўлена метафарычнымі, метанімічнымі і функцыянальнымі пераносамі, якія грунтуюцца на існуючых у лексіка-семантычнай сістэме сувязях і заканамернасцях. Сутнасць набыцця словам новых семантычных якасцей асабліва выразна праяўляецца ў кантэкстуальных словаспалучэннях. Узаемадзеянне асноўнага значэння слова з кантэкстуальным стварае ўмовы для ўзнікнення ў слове семантычных зрухаў, стымулюе сэнсавое ўзбагачэнне моўных адзінак словаспалучэння, ускладняе іх зместавую структуру, узбагачае асацыятыўныя сувязі, раскрывае не толькі сэнсавую, але і экспрэсіўна-эмацыянальную напоўненасць кампанентаў словазлучэння. У мастацкім тэксце на задні план адступае агульнае значэнне слова, са словапанняцця яно пераўтвараецца ў слова-вобраз, які мае індывідуальны характар. Лексема ў спалучэнні з іншымі лексемамі набывае новы сэнс, кантэкстуальныя адценні. Магчымасць такога ўзнікнення з'яўляецца ўласцівасцю мовы мастацкіх твораў. Так, *трапятанне* – лексема, якая абазначае змешанае пачуццё хвалявання, неспакою ад чакання нечага невядомага, непрадказальнага. Лексема *трапятанне* на аснове метафарычнага пераносу набывае значэнне ‘ўнутранае хваляванне ад якога-небудзь моцнага пачуцця’, напрыклад: *Сцяўшыся, сціснуўшыся ў камячок пад коўдрай, ад якой таксама пахла паравозам, я са страхам і душэўным трапятаннем прыслухоўвалася да яго дыхання* [Ш-1, с. 341]. Да значэння лексемы *прастата*, якое падаецца ў слоўніку як ‘уласцівасць простага’ [ТСБМ-4, с. 370], мастацкі кантэкст вылучае значэнні ‘недалікатнасць’: *Мне спадабалася гэтая жанчына. Яе грубаватая прастата, натуральнасць* [Ш-2, с. 395] і ‘непасрэднасць’: *Ды вы ручыў Алесь – з дзіцячай прастатой і шчырасцю прызнаўся: “Свайх бед Лена не прынесла. Радасць прынесла”* [Ш-3, с. 419]. У мастацкім кантэксце лексема *злараднасць* страчвае некаторыя кампаненты свайго асноўнага значэння ‘пачуццё радасці пры няшчасці, няўдачы другіх’ [ТСБМ-2, с. 477] і за кошт спалучальнасці набывае кантэкстуальнае значэнне ‘прасякнуты злосцю’ як найменне рысы характару: *Раніцой, даючы ў дарогу хлеб і цыбулю, Клаўдзя з нядобрай бабскай злараднасцю, а можа, і зайздрасцю сказала мне: “А гэтая... твая ўсю ноч з Валодзем папаратнік выцірала...”* [Ш-1, с. 307]. На грунце мастацкіх тэкстаў слова-паняцце змяняе свае семантычныя параметры, праяўляючы то адны, то іншыя сэнсы, спалучаючы іх у адзіны слоўны комплекс. Асабліва выразна гэта праяўляецца ў слове *ўхмылка*, якому даецца дэфініцыя “тое, што і ўсмешка” [ТСБМ-5, с. 87]. У мастацкім кан-

тэксце гэтае слова паслядоўна выступае ў іншых значэннях, а менавіта абазначае здаволенне ці самаздаволенне, пад якімі разумеюцца зняважлівыя, цынічныя адносіны да акаляючага. Напрыклад: *Вочы ў яго заблішчалі, як у ката, а тоўстая морда расплылася ад агіднай ухмылкі* [Ш-1, с. 313]. *Убачыла [Вольга] перад сабой яго морду з брыдкай ухмылкай і ад нечаканасці і нянавісці чуць не закрычала, не кінулася на гэтага вырадка, які можа так пагана ўхмыляцца тут, каля нябожчыкаў* [Ш-3, с. 486]. *Але тут жа морда яго расплылася ад спакуслівай ухмылкі, і ён гасцінна пакланіўся, як у кіно, рукамі развёў: “Прашу, прашу, дарагая госця”* [Ш-3, с. 524]. Сэнсавая нагрузка лексемы перамяшчаецца на яе азначэнні, робячы іх вядучымі ў фарміраванні агульнай семантыкі словаспалучэнняў.

У апорных назоўніках нярэдка адбываецца семантычнае ўскладненне слова, якое дасягаецца за кошт ужывання атрыбутыўных кампанентаў, у тым ліку і ў комплексе з метафарами, параўнаннямі, сінонімамі, антонімамі, якія ствараюць своеасаблівую мастацкую вобразную сістэму, дзе адыгрываюць важную ролю, падпарадкаваную раскрыццю ідэйнага зместу, перадачы духу часу, поглядаў аўтара (*чырвоная сонца валицца; старая сасна задумалася; месяц, круглы і жоўты, што ячны блін; дробнёнькая ўсмешка, як скупая расінка на траве ўсходам сонца; сасна абвугленая, засмаленая, закамьянелая; то лёгкі смутак, то незразумелая радасць*).

Калі разумець спалучальнасць як адзін са стымуляў пашырэння значэння слова, то асноўныя функцыі спалучальнасці ў мове мастацкай літаратуры – дэманстрацыя семантычных прымет значэння слова, размежаванне значэння мнагазначнага слова, узаемадзеянне слова з семантыка-стылістычнай сістэмай мастацкага твора. Слова, якое валодае адным значэннем, набывае ў кантэксце не толькі канкрэтнасць і вобразнасць успрыняцця, але

1) розныя дадатковыя семантычныя адценні, напрыклад, адценні лексемы *далікатнасць* – ‘выхаванасць’: *Інтэлігенцкая далікатнасць не дазволіла незапрошаным уварвацца ў чужую хату* [Ш-4, с. 367] і ‘ветлівае стаўленне да іншых’: *Высока [Яніна Восіпаўна] ацаніла Вользіну душэўную далікатнасць і ад удзячнасці прызналася ў самым заповітным, сапраўды, як вельмі блізкаму чалавеку: “Мы з Андрэем свядома пайшлі на гэта, хочам, каб наша жыццё прадоўжылася ў ім”* [Ш-3, с. 505];

2) экспрэсіўныя адценні – ‘пачуццё гневу, незадаволенасці ў стане крайняга раздражнення’ выражаецца спалучэннем *шалёная злосць*: *Вайцех мусіў павярць, што перад ім спрактыкаваны злодзей з вывадкам, а не звычайны вясковы абібок. На душы чамусьці адразу стала крыўдна... Мусіць за малое. Затым падскочыла шалёная злосць* [П-1, с. 227];

3) стылістычныя характарыстыкі: *Яму зноў стала горка на душы, зноў свярбела далонь і перад вачыма стаяў шырокі бліскучы твар Чаркашына, як усю ноч, не даючы заснуць* [П-2, с. 153]. *Я злосна тыцнула кулаком у яго блішчастую фізіяномію* [Ш-2, с. 426]. Словазлучэнне *бліскучы твар* нейтральнае, у спалучэнні *блішчастая фізіяномія* вылучаецца кантэкстуальнае стылістычнае адценне ‘брыдкасць, агіда’;

4) канатацыі¹: прыметнік *салодкі* ў спалучэнні з назоўнікам *камплімент* надае яму дадатковую канатацыю і вылучае экспрэсіўнае адценне ‘прыемная пахвала, якая прыносіць задавальненне, асалоду’. Такое словаспалучэнне ў мастацкім тэксце разглядаецца як эпітэт і выкарыстоўваецца для перадачы эмацыянальнага фону апавядання: *Але тут да яго падыходзілі калегі і на трох мовах – рускай, нямецкай, англійскай – ухвалялі яго здольнасці і чокаліся; ад салодкіх кампліментаў і горкая здавалася салодкай* [Ш-5, с. 410]. Найбольш паказальным у выяўленні спецыфічнага адцення значэння з’яўляецца прыметнік *чорны*, які рэалізуе пераважна адмоўную канатацыю. Чорны колер не толькі вылучае аб’ект, але і праз асацыяцыі надае вобразу негатыўную эмацыянальную афарбоўку. Словаспалучэнні *чорная ліпа* і *чорная дзікая груша* ў мастацкім кантэксце выступаюць як сімвалы чалавечай бяды: *У вёсцы добра былі відаць чорныя ліпы над хатамі. Крычалі на ўсю вуліцу дзеці; далёка, у другім канцы, дзяўчаты снявалі штосьці працяжнае і незнаёмае* [П-2, с. 12]. *Ён пазнаў, што гарыць Янук: агонь падымаўся ўгару і лізаў высокую чорную Янукову дзікую грушу; і Сяргеіха: яе хата стаяла воддаль ад вуліцы, на гародах... Чуваць было здалёку, як трашчыць агонь, і, калі вецер зносіў полымя, відаць былі з агню на хаце ў Сяргеіхі чырвоныя латы...* [П-3, с. 126]. Усведамленне колеру як пэўнага сімвала – тыпізаваная адзнака мастацкіх тэкстаў;

5) семантычныя зрухі ў значэнні: у мастацкім кантэксце слова *смах* пад уплывам атрыбутыўнага кампанента набывае цалкам адмоўную канатацыю: *І без таго тоўстая чырвоная морда [паліца] расплылася ад агіднага самазадаволенага смеху* [Ш-1, с. 319]. Аўтарскае азначэнне *агідны* – адметнае, нязвыклае, абумоўленае кантэкстам – надае мастацкаму вобразу своеасаблівую ацэначнасць і характарыстычнасць. Або: *Горкім крывым смехам [Галаван] пасміхаўся са свайго глупства: высокім плотам хацеў адгарадзіць крывінку сваю ад шалёнага свету, ад злых ненажэрных людзей, што маглі з-за яго ж грошай забіць яго роднае дзіця* [Ш-4, с. 320]. Атрыбутыўны кампанент *крывы* дапамагае паказаць як быццам вядомыя чытачу рэчы крыву інакш. Азначэнне *горкі* падкрэслівае глыбіню перажыванняў героя і тым самым узмацняе не толькі паказаную сцэну, але і ўвесь вобраз, па-мастацку яго ўзбагачаючы. Гэта робіць спалучэнні больш экспрэсіўнымі і семантычна ўскладненымі, паводле чаго мастацкі тэкст набывае больш выразную эмацыянальную афарбоўку. Ужыванне памяншальнай лексемы *ўсмешачка* з прыметнікам *добренькі* змяняе значэнне спалучэння на супрацьлеглае, іранічнае ‘дрэнны, нядобры’, такім чынам адбываецца пераарыентацыя сэнсу: “*У Міхаліны Казіміраўны свой погляд на сям’ю, на каханне, – сказаў Аўсянік з добранькай усмешкай*” [Ш-2, с. 429].

¹ Пад канатацыяй разумеецца ацэначны кампанент значэння.

Апорнае слова ў спалучэнні з атрыбутыўнымі кампанентамі набывае семантычную шматпланавасць (напрыклад, значэнне лексемы *галава* перадае не толькі колер валасоў і яе знешнюю характарыстыку, але і выяўляе розныя чалавечыя ўласцівасці, як станоўчыя, так і адмоўныя – *разумная галава, смелая галава; грэшная галава, дурная галава, п'яная галава, садовая галава*), спараджае вобразнае ўспрыняцце рэчаіснасці (*залатыя валасы, малочна-баваўняны туман, бледна-малочныя хмары*).

Атрыбутыўныя кампаненты актуалізуюць значэнне слова. Так, пад уплывам прыметніка *бязлітасная* лексема *жорсткасць* актуалізуе адценне 'які не ведае спагады, межаў, меры', што ўскладняе і ўзмацняе яе агульны сэнс: *З безлітаснай жорсткасцю да сябе падумала [Валя]: нельга надаваць так многа значэння сваёй персоне [Ш-1, с. 386]*. Прыметнікі *самотная, сіратлівая, адзінокая* надаюць семантычнаму зместу лексемы *сасна* вобразнае гучанне: *На пасецы рэдкія сосны, высокія – аж сагнуліся, самотныя, сіратлівыя. Калі глядзець на іхнія вярхі здалёку, – здаецца, што гэтыя чорныя воблакі недзе над Віліяй [П-2, с. 127]*. Лексемы *самотная, сіратлівая* маюць рысы метафарычнага пераносу, падкрэсліваюць трагічнасць падзей, канкрэтызуюць, удакладняюць ацэнку-характарыстыку вобраза. У кантэксце атрыбутыўныя кампаненты на фоне пейзажнай замалёўкі добра перадаюць дадатковыя адценні суму, гаротнасці, выкліканыя падзеямі Вялікай Айчыннай вайны.

Спецыфіка выкарыстання лексічных адзінак у мастацкім тэксце заключаецца ў тым, што іх семантычная структура можа змяняцца. Выяўляюцца спецыфічныя асаблівасці семантыкі слова, якія ствараюць экспрэсіўнасць і вобразнасць дадзенай адзінкі, таму вывучэнне мастацкага тэксту – гэта крыніца пазнання ўнутраных семантычных магчымасцей слова, пашырэнне ўяўлення пра функцыянальнасць лексем. Сэнсавыя змяненні ў семантычнай структуры слова спалучэння абумоўліваюць фарміраванне вобразна-сімвалічнага словамыслення. Мастацкі тэкст як сродак удакладнення, паглыблення сэнсу лексемы дае магчымасць дасягнуць даволі дакладнага тлумачэння і зразумець глыбіннае значэнне слова.

ЛІТАРАТУРА

1. *Черемисина, Н.В.* О своеобразии лексической сочетаемости в художественной речи / Н.В. Черемисина // Проблемы лексикологии : сб. ст. / Беларус. гос. ун-т ; науч. ред. А.Е. Супрун. – Минск, 1973. – С. 191–200.
2. *Виноградов, В.В.* Стилистика, теория поэтической речи, поэтика / В.В. Виноградов ; Акад. наук СССР, Отд-ние лит. и яз. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1963. – 256 с.
3. *Амосова, Н.Н.* Основы английской фразеологии / Н.Н. Амосова. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1963. – 208 с.

4. Гаўрош, Н.В. Рэалізацыя эстэтычных значэнняў прыметнікаў у беларускіх мастацкіх тэкстах / Н.В. Гаўрош // Hungaro – Baltoslavica, 2000 : тез. [докл. двух междунар. конф., Будапешт, 5–7 апр. 2000 г.] / Будапешт. ун-т ; ред.: А. Лацхази [и др.]. – Budapest, 2000. – С. 65–66.
5. Кононенко, В.І. Смыслові конотацыі у структуры тэксту / В.І. Кононенко // Мовознаўство. – 2010. – № 2–3. – С. 146–155.
6. Курилович, Е. Очерки по лингвистике : сб. ст. : пер. с пол., фр., англ., нем. / Е. Курилович. – М. : Изд-во иностр. лит., 1962. – 456 с.
7. Сиротіна, В.О. Про спецыфіку словесных значень у художньому тэксті / В.О. Сиротіна // Мовознаўство. – 1981. – № 1. – С. 26–31.
8. Улуханов, И.С. Изменения в лексической сочетаемости как причина семантических изменений / И.С. Улуханов // Актуальные проблемы лексикологии : тез. докл. и сообщ. Всесоюз. науч. конф., Минск, 17–20 июня 1970 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: А.Е. Супрун (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 1970. – С. 203–204.

КРЫНІЦЫ ПРЫКЛАДАЎ

- П-1 – Пташнікаў, І.М. Зерне падае не на камень : апавяданні і аповесці / І.М. Пташнікаў. – Мінск : Дзяржвыд БССР, 1959. – 250 с.
- П-2 – Пташнікаў, І.М. Лонва : аповесць / І.М. Пташнікаў. – Мінск : Беларусь, 1965. – 254 с.
- П-3 – Пташнікаў, І.М. Тартак : аповесць і апавяданні / І.М. Пташнікаў. – Мінск : Мастац. літ., 2000. – 459 с.
- ТСБМ-4 – Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. / Ін-т мовазнаўства АН БССР ; пад рэд. К.К. Атраховіча (К. Крапівы). – Мінск : БелСЭ, 1977–1984. – Т. 4 / рэд.: Г.Ф. Вештарт, Г.М. Прышчэпчык. – 1980. – 767 с.
- ТСБМ-2 – Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. / Ін-т мовазнаўства АН БССР ; пад рэд. К.К. Атраховіча (К. Крапівы). – Мінск : БелСЭ, 1977–1984. – Т. 2 / рэд. А.Я. Баханькоў. – 1978. – 765 с.
- ТСБМ-5 – Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. / Ін-т мовазнаўства АН БССР ; пад рэд. К.К. Атраховіча (К. Крапівы). – Мінск : БелСЭ, 1977–1984. – Т. 5, кн. 2 / рэд. М.Р. Суднік. – 1984. – 608 с.
- Ш-1 – Шамякін, І.П. Збор твораў : у 8 т. / І.П. Шамякін. – Мінск : Мастац. літ., 2003–2007. – Т. 7 : Вялікая княгіня : раман ; Ах, Міхаліна, Міхаліна ... ; Адна на падмостках ; Шлюбная ноч : аповесці. – 2006. – 398 с.
- Ш-2 – Шамякін, І.П. Збор твораў : у 6 т. / І.П. Шамякін. – Мінск : Мастац. літ., 1977–1979. – Т. 2 : Крыніцы : раман ; аповесць, апавяданні. – 1977. – 560 с.
- Ш-3 – Шамякін, І.П. Збор твораў : у 8 т. / І.П. Шамякін. – Мінск : Мастац. літ., 2003–2007. – Т. 3 : Сэрца на далоні : раман ; Гандлярка і паэт : аповесць. – 2004. – 543 с.

Ш-4 – *Шамякін, І.П.* Палеская мадонна : аповесці / І.П. Шамякін. – Мінск : Юнацтва, 1998. – 590 с.

Ш-5 – *Шамякін, І.П.* Збор твораў : у 8 т. / І.П. Шамякін. – Мінск : Мастац. літ., 2003–2007. – Т. 6 : Злая зорка : раман ; Палеская мадонна ; Абмен : аповесці. – 2005. – 446 с.

In the article peculiarities of functioning of a word as an element of language structure of the literary text are considered. The mechanism of appearance of semantic changes depending on its compatibility with other words in a work context on the example of the attributive word combination is traced.

Поступила в редакцию 21.06.12

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Н.В. Колядко

ОТРАЖЕНИЕ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ КОНЦЕПЦИЙ РАЗВИТИЯ
ЭКОЛОГИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ В РОМАНЕ МЭРИЛИН РОБИНСОН
«КАК ВЕСТИ ДОМАШНЕЕ ХОЗЯЙСТВО»

В статье рассматриваются актуальные проблемы, связанные с отражением альтернативных концепций развития экологического сознания в духовном опыте главной героини романа М. Робинсон «Как вести домашнее хозяйство» по имени Руфь, которая познает себя через возвращение к корням и единение с миром дикой природы. Характеризуя тот образ жизни, который выбирает Руфь, писательница обращается к понятию «бродяжничество», раскрывая не только своеобразие физического опыта героини, но и суть ее духовного скитальчества. Последнее становится реакцией личности на подавление в ней природного начала и проявлением ее стремления к гармоничному слиянию с окружающим.

Вопрос о взаимоотношениях человека, природы и цивилизации относится к категории вечных в силу своей «многогранности, неисчерпаемости, исторической динамичности, принципиальной неразрешимости лежащих в его основе глобальных противоречий» [1, с. 3]. Этот вопрос возник вместе с появлением человека как части природного мира, которая обрела самосознание и способность к целенаправленному преобразованию окружающей среды. За многие тысячелетия человечество изменило облик планеты: сократило ее растительный покров, истребило множество видов животных, разрушило уникальные экосистемы в процессе освоения обширных пространств.

Проблема взаимоотношений цивилизации и природы стала особенно актуальной в литературе США, где сформировалась специфическая национальная традиция восприятия и описания окружающего мира. Это связано, прежде всего, с феноменом «фронтира» и необходимостью освоения нового для европейцев континента, что в большинстве случаев сопровождалось разрушением естественного экобаланса. Именно США одними из первых ощутили масштабы поразившего планету экологического и духовного кризиса, угрозу надвигающейся глобальной катастрофы.

О необходимости изменения отношения человека к природе и создания новой мировоззренческой парадигмы размышляют многие американские писатели, среди которых К. Воннегут (Kurt Vonnegut, 1922–2007), Б. Маккибен (Bill McKibben, 1960), Р.Л. Карсон (Rachel L. Carson, 1907–1964), Д. Смит (Diana Smith, 1949) и М. Робинсон (Marilynne Robinson, 1947). В их творчестве находит отражение деятельное отношение к окружающему миру и человеческой судьбе, изначально свойственные американскому менталитету, в сочетании с альтернативным взглядом на мир, превалирующим в западном сознании последней трети XX – начала XXI в. и утверждающим единство, взаимозависимость и равенство всего сущего.

Альтернативная концепция экологического сознания имеет глубокие корни. Ее предпосылки можно обнаружить уже в идеях Б. Спинозы об отсутствии в природе высших или низших форм, что свидетельствует, по его мнению, о единстве божественной материи; в отрицании Г.В. Лейбницем разницы между одушевленным и неодушевленным миром. Однако основными катализаторами нового типа мышления послужили демократические революции XVIII в. В это время с идеями возвращения к «естественной жизни», свободной от пороков цивилизации, выступал Ж. Ж. Руссо. Если прежде в цивилизации видели организующее начало, вносящее порядок в хаос «дикий природы», то со временем, по мнению А. Маклафлина, она стала восприниматься как «нечто опасное и деструктивное» [2, с. 5].

В ситуации преобладающих тенденций к стандартизации жизни и подчинению личности власти техники именно природа продолжает оставаться в литературе XX в. главным «полигоном» для испытания человеческой сущности. Как отмечает российская исследовательница феномена экологического сознания в американской литературе Е.А. Стеценко, «скитаются по дорогам Америки битники Дж. Керуака, отправляются на рыбную ловлю, на сафари в Африку герои Э. Хемингуэя, устраивают себе жилища на кронах деревьев “чудаки” Т. Капоте» [1, с. 32]. Так, их эскапизм превращается в бегство от цивилизации, а «естественная жизнь» становится не столько целью, сколько средством спасения от общественных пороков.

Появляется мода на альтернативный образ жизни – близкий к природе и предполагающий отказ от благ цивилизации. Уединение на лоне природы помогает человеку ощутить себя личностью и соразмерить свой микрокосм с макрокосмом окружающего мира, а наблюдение за природой с ее красотой и жестокостью служит одним из способов постичь суть человеческих проблем.

Новое отношение к природе формируется как неотъемлемая часть общего процесса смены научных, философских, этических и социальных парадигм. Суть этих перемен заключается в переходе от механичности к органичности, от приоритета материального к приоритету духовного, от раздробленности и антагонистичности к единству. В рамках этого мировоззренческого контекста и возникает феномен альтернативного экологического сознания, который находит талантливое художественное воплощение в американской эколитературе рубежа XX–XXI вв.

Освоение экологических проблем в художественной литературе не создает принципиально новой эстетики, а осуществляется в рамках уже устоявшихся жанров, среди которых традиционные «роман дороги», философский роман, утопия или антиутопия. Здесь экологическое сознание проявляет себя не только в различных формах отображения природы и экологических проблем, но и в многообразных трактовках соотношения природного и социального в деятельности человека. Разнообразные концепции природы влекут за собой различные концепции мироздания, что и становится идейно-тематической основой современной экологической литературы.

Одной из выдающихся представительниц американской эколитературы последней трети XX – начала XXI в. является Мэрилин Робинсон. Писательница родилась 26 ноября 1943 г. в живописном городке Сэндпойнт (штат Айдахо) на северо-западе США. Ее первый роман «Как вести домашнее хозяйство» («Housekeeping», 1980) был удостоен премии PEN-Центра, учрежденной Фондом Э. Хемингуэя, и номинирован на Пулитцеровскую премию в 1982 г.

Подобно большинству современных писателей американского Запада, М. Робинсон выступает в защиту окружающей среды. В центре ее внимания находятся глобальные проблемы взаимоотношений человека, природы и цивилизации, эскапизма, соотношения биологического и социального в человеке, внутренних связей личности и природы, создания альтернативных и виртуальных миров. Язык романа отличается яркой образностью и экспрессивностью, которые передают гармонию и красоту природы, сложность и интенсивность духовного поиска главной героини.

Основными темами романа являются духовное становление человека, поиск себя через путешествие к корням, возрождение и посвящение в мир природы, противоречивость мироздания, которая особенно наглядно проявляется в человеке, поскольку он обладает самосознанием, свободой воли и выбора. На примере судьбы девочки-подростка по имени Руфь автор рассматривает глобальные проблемы общества и цивилизации в целом.

В этом произведении переплетаются и взаимодействуют разнообразные литературные традиции. С одной стороны, писательница переосмысливает традиционные темы раннего сентиментализма и бытописания в женской прозе, с другой – преодолевает «суровый индивидуализм», характерный для канонических жанров мужской прозы США, например, для романа М. Твена «Приключения Гекльберри Финна» («The Adventures of Huckleberry Finn», 1884). В финале этого романа свободолюбивый Гек Финн, становясь свидетелем абсурдной жестокости «цивилизованного» общества, решает убежать на Запад – на лоно первозданной природы. Как подчеркивает американский литературовед К. ван Спэнкерен, на примере эволюции главного героя автор показал, что «открытая дорога ведет в девственную природу, подальше от морально развращающего влияния "цивилизации" ('sivilization')»¹ [3, с. 52]. Однако если для Гека главное – убежать от ограничивающей свободу цивилизации, то Руфь стремится обрести в результате такого ухода собственное «я».

Критики, которые относят роман М. Робинсон к экофеминистскому направлению в современной литературе США (например, Дана Хеллер), считают его не только и не столько «женской версией» романа М. Твена, но «попыткой постичь глубинную сущность женской природы, отличной от мужской» [4, с. 56]. По их мнению, писательница ищет пути освобождения женщины – таинственной «неизведанной земли» – от «света» мужского открытия и покорения. М. Робинсон подчеркивает мысль о силе женской коллективной памяти и общей истории.

¹ Здесь и далее перевод наш. – Н.К.

Писательница переосмысливает традиционный для героев-мужчин мотив поиска и раскрывает его через призму женского восприятия себя, показывая альтернативные модели поведения женщин в обществе. В этой связи значимо то, что М. Робинсон описывает пейзажи американского Запада, который у многих ассоциируется с маскулинным типом культуры. Однако писательница, будучи уроженкой американского Запада, уверена, что «если бы у природы ее родного края был голос, то он был бы не мужским, а женским» [4, с. 96].

Возможно, поэтому роман М. Робинсон открывается словами: «My name is Ruth» [5, с. 3]. Многоуровневость аллюзивного кода, который отсылает читателя и к Ветхому Завету как источнику имени Руфь и к знаменитой начальной фразе романа Г. Мелвилла «Моби Дик» («Moby Dick», 1851) – «Call me Ishmael», – способствует созданию сложного и динамичного образа главной героини. Более того, здесь таится ее невольный вопрос, обращенный ко всему миру и к себе: «When did I become so unlike other people?» [5, с. 214].

Главная героиня пытается отыскать ответ в своих воспоминаниях, однако ее попытки тщетны, поскольку территория памяти Руфи «ограничена» озером в городке ее детства Фингербон – безжалостным, глубоким и темным, которое каждую весну выходит из берегов. Озеро изменило судьбы многих жителей, покинувших родные места после железнодорожной катастрофы, во время которой их близкие захлебнулись в его холодных водах. В египетской мифологии озеро является символом «сокровенного, таинственного, мистического, родственного переходу от жизни к смерти. Подводное царство, из которого солнце поднимается и куда возвращается, символизирует “зеркало” души человека, его сознание» [6, с. 289].

Значимо, что в контексте изображения окружающего мира в романе озеро мыслится как часть, фрагмент целого. Оно включает в себя также дома, окрестные пейзажи и самих героинь романа. В поисках своего «я» Руфь пытается объединить эти фрагменты в целое, но память упорно возвращает ее к железнодорожной катастрофе у озера, в которой погиб ее дедушка. Этот эпизод выделяется из общего повествовательного полотна, поскольку именно с него начинается ее история, а все последующие события – эхо того несчастного случая, из-за которого в мировосприятии Руфи образовалась брешь.

Однако, по представлениям главной героини, душа ее дедушки не покинула этот мир – она живет в озере. Оставаясь верной этому убеждению, девочка отправляется в «духовную одиссею» на поиски своих корней и приближается к познанию реальности, которая не ограничена рамками дома, общественных правил и мнений: «What are these fragments for, if not to be knit up finally» [5, с. 92]. Руфь оказывается перед выбором: остаться в мире, которым заправляют социальные нормы и устои, или последовать за своей тетей и вернуться к миру живой природы, где царит гармония естественного хаоса.

Возможно, выбор героини предопределен уже ее именем, которое вызывает ассоциации с именем ветхозаветной моавитянки Руфи – прабабки иудейского царя Давида. После смерти мужа она последовала за своей свекровью Ноеминью в Иудею, где приняла веру и традиции чужого для нее народа, духовное родство с которым она ощущала и прежде. Ее история – это пример реализации потенциальных связей, идущих из глубины веков и преломляющихся в индивидуальном опыте человека через образы коллективного бессознательного. Подобно библейской Руфи, героиня совершает духовное путешествие, следуя за тетей Сильвией и обретая себя.

Сильвия и Руфь преодолевают нелегкий путь от социального к природному. Обе героини находятся в «пограничной зоне» между двумя мирами и ориентируются на ценности обоих, но если тетя стоит на пороге нового мира с самого начала, то девочка преодолевает весь путь от истоков, проходя несколько этапов личностного становления и в итоге заново рождаясь.

Для Руфи путешествие к центру мироздания начинается с дома, в котором жили два поколения семьи Фостеров. Дом расположен на холме, поодаль от других домов, а его причудливый вид словно бросает вызов всем нормам классической архитектуры. Расположение дома символично: холм олицетворяет «духовную высоту и центр мира, место соприкосновения неба и земли, является символом превосходства, вечности, чистоты, постоянства, подъема, устремленности и вызова» [6, с. 252].

Традиционно человек строит дом, чтобы оградить себя от дикой природы, установить границу между ней и цивилизацией, упорядочить хаос на Земле. Для Сильвии дом становится продолжением естественной среды обитания, поэтому вскоре он приходит в состояние, близкое к естественной природе: «And yet as I approached the house I was newly aware of the changes that had overtaken it. The lawn was knee high, on oily, dank green, and the wind sent ripples across it <...> And it seemed that if the house were not to founder, it must soon begin to float» [5, с. 124]. Такое образное описание лужайки перед домом вызывает ассоциации с озером, а самого дома – с кораблем, в описании которого подчеркивается идея движения. Эта ассоциация еще более усиливается посредством яркого сравнения Сильвии Фостер с русалкой в каюте корабля: «Sylvie in the house was more or less like a mermaid in a ship's cabin. She preferred it sink in the very element it was meant to exclude» [5, с. 125].

Под влиянием тети Руфь начинает искать пути возвращения к природному состоянию, в то время как ее сестра Люсиль стремится соответствовать стандартам «нормальности». Изначально эскапизм свойственен обеим сестрам, но если для Руфи уход от цивилизации связан с поисками своего «я», то причины такого ухода для Люсиль имеют, прежде всего, социальный характер. По сути, ее эскапизм является не добровольным бегством от окружающего мира, а вынужденным изгнанием. Осознавая свое несоответствие общепринятым нормам, девочка бежит от пристально-осуждающего взгляда окружающих ее людей.

Подобное поведение сестры заставляет Руфь окончательно укрепиться в своей вере в то, что они с Сильвией принадлежат к другому миру. В доме тети главная героиня осознает необходимость познать себя и научиться идти вперед в темноте. Это стремление к преодолению традиционных оппозиций «внешний – внутренний», «свет – тьма» приводит к внутренней перемене Руфи.

Вымышленный городок Фингербон на северо-западе США, где разворачивается действие романа М. Робинсон, расположен вдали от шума мегаполисов. Казалось бы, здесь, на лоне девственной природы, общение человека с окружающим миром должно быть индивидуализировано, поскольку такие пространства располагают к уединению, созерцательности и самопознанию. Однако все происходящее в городе свидетельствует о неблагоприятном психологическом климате, царящем здесь.

В этой связи уместно остановиться на символизме названия города Фингербон, которое акцентирует идею фрагментарности бытия. В этом названии прослеживается соотношение части–целого: фаланга пальца подобна части целого организма или маленькому городку, который является лишь точкой на карте мира. Вследствие отдаленности цивилизации жители Фингербона противопоставляют себя окружающему миру: они воспринимают природу как источник опасности и проецируют на нее свои страхи. Подобное мировосприятие оказывает отрицательное влияние на психику людей: они не познают мир, а стремятся укрыться и отгородиться от него.

Сильвия и Руфь протестуют против подобного уклада жизни, не только отказываясь принимать участие в общественных мероприятиях по наведению порядка, но и пренебрежительно относясь к ведению домашнего хозяйства в целом. Руфь убеждена в том, что душе нет места в стенах дома, а способ Сильвии вести домашнее хозяйство открыто показывает, что женщина – пленница дома, а не хранительница очага.

Однако не только атмосфера дома, который ассоциируется с цивилизацией, побуждает героиню романа скитаться. Такой уход, характерный для эколитературы, выражает мысль о деградации искусственной цивилизации. Жизнь на лоне природы формирует у героев романа особый тип мышления и уникальное мироощущение.

Постепенно Руфь принимает тот образ жизни, который ведет ее тетья. Характеризуя его, М. Робинсон обращается к понятию *transient* ‘бродяжнический’, раскрывая не только своеобразие физического опыта героини, но и суть ее духовного «бродяжничества». Ею руководит непреодолимое желание двигаться, идти прочь от разрушительной цивилизации. Об этом свидетельствуют ее увлеченность прогулками вдоль железной дороги и ее истории, которые связаны с путешествиями и поездами – символами движения, с одной стороны, и символами разрушительной цивилизации – с другой.

Сильвия близка к природе, что подчеркивает и ее имя (в мифологии оно связано с лесной нимфой), поэтому ей трудно приспособиться к обычной жизни по возвращении в родительский дом. Она стремится вернуться к исто-

кам, обрести внутреннюю гармонию и свободу. С каждым днем она все дальше уходит от дома и однажды находит на небольшом острове заброшенный дом, который может рассматриваться как символ покинутого убежища. Но Сильвия уверена в том, что видела в лесу детей, которые некогда жили в этом доме. Традиционно дети являются символом «чистоты, невинности, иррационального представления о мире» [6, с. 96].

Границы реального и ирреального стираются в сознании молодой женщины, бессознательное берет над ней верх, и она постепенно начинает преодолевать расстояние между двумя мирами. Именно поэтому она видит детей, которых никак не может увидеть Руфь. «Разумное» еще преобладает в сознании девочки, но прежде непроницаемая грань между цивилизацией и природой начинает стираться: «I knew why Sylvie felt there were children in the woods. I felt so, too, though I did not think so» [5, с. 154].

Первая значимая перемена происходит в Руфи во время ее путешествия с Сильвией к заброшенному дому. Оказываясь в какой-то момент одна рядом с его развалинами, она начинает истоиво их разбирать. Действия Руфи представляют собой протест женского естества против правил и норм общества, ограничивающих познание ею своей сущности. Этот момент символизирует пробуждение «я» героини.

Вторая кардинальная перемена в сознании Руфи происходит по пути домой. Ощущая сильный холод, она ищет защиты у тети, ютясь в лодке между ее колен. Сильвия, в отличие от племянницы, не ощущает холода – она уже живет в единении с природой. О глубокой перемене, произошедшей в девочке, свидетельствует символизм этого эпизода: «I lay like seed in a husk. <...> I slept between Sylvie's feet» [5, с. 162–163]. Руфь словно заново рождается из чрева своей тети: она открывает в себе сущность, позволяющую ей преодолевать границы физического бытия. М. Робинсон подчеркивает способность женщины к перерождению и освобождению ее «я» от пределов материнского чрева.

Девочка осознает, что это путешествие было лишь началом ее скитаний и поисков. Ей открывается не только сущность бродяжничества, но и даруется способность «видеть» в темноте. Традиционно, как подчеркивает Е.А. Стеценко, «свет, день в литературе XX в. является сферой порядка, тьма, ночь – сферой хаоса» [7, с. 10].

Роман повествует о бесперспективности технологической цивилизации, которая из орудия преобразования окружающей среды на благо человечества превращается в ее разрушителя и порождает «массового человека», поработанного вещами и потерявшего свою индивидуальность. У героев писательницы реакцией на подавление природного начала становится внутренний раскол личности, которая проявляет свою глубинную сущность либо тягой к нетронутой природе, либо стремлением к гармоничному слиянию с окружающим.

Таким образом, признаки альтернативного экологического сознания проявляются в романе М. Робинсон «Как вести домашнее хозяйство» на нескольких уровнях. Во-первых, в изображении самой природы, которая является и одним из действующих лиц, и сценой, где разворачиваются драматические события в жизни главных героинь. Во-вторых, в характере взаимоотношений человека и природы, для которых свойственен эскапизм и резкое осуждение цивилизации машин. В-третьих, на уровне самосознания Руфи, которая познает себя через возвращение к корням и обретает себя на лоне дикой природы, ставшей для нее единым источником бытия и прообразом Великой Матери.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Стеценко, Е.А.* Экологическое сознание в современной американской литературе / Е.А. Стеценко. – М. : ИМЛИ РАН, 2002. – 319 с.
2. *McLaughlin, A.* Regarding nature. Industrialization and deep ecology / A. McLaughlin. – Albany : State Univ. of New York Press, 1993. – 17 p.
3. *VanSpanckeren, K.* An Outline of American Literature / K. VanSpanckeren. – U.S. Information Agency, 1994. – 125 p.
4. *Heller, D.A.* The Feminization of Quest-Romance: Radical Departures / D.A. Heller. – Austin : Univ. of Texas Press, 1999. – 144 p.
5. *Robinson, M.* Housekeeping / M. Robinson. – N.Y. : Farr, Straus and Giroux, 1997. – 219 p.
6. *Vries, de Ad.* Dictionary of Symbols and Imagery / A. de Vries. – Amsterdam ; London : North-Holland Publishing Company, 1984. – 515 p.
7. *Стеценко, Е.А.* Концепты хаоса и порядка в литературе США / Е.А. Стеценко. – М. : ИМЛИ РАН, 2002. – 319 с.

The novel *Housekeeping* by a contemporary American writer Marilynne Robinson's can be viewed as a symbolic representation of the alternative ways in the development of ecological thinking. They include the protagonist's intensive search for identity and spiritual transformation through her conscious escapism. It results in transience and the discovery of her unified self in wild Nature.

Поступила в редакцию 26.06.12

Т.Г. Сыраежка

БЕЛАРУСКАЯ ЭКАЛАГІЧНАЯ П'ЕСА

Артыкул прысвечаны станаўленню і развіццю экалагічнага дыскурсу ў сучаснай беларускай драматургіі. У выніку павышэння грамадскай свядомасці ўсё больш беларускіх аўтараў на працягу апошніх дзесяцігоддзяў звяртаюцца да гэтай актуальнай праблемы. Акрамя амаль апрыорнай чарнобыльскай тэмы пры аналізе твораў М. Арахоўскага, Г. Багданавай, П. Васючэнкі, А. Дударова, С. Кавалёва, А. Карэліна, А. Макаёнка, М. Матукоўскага, А. Петрашкевіча і І. Сідарука прасочваюцца і іншыя тэндэнцыі гэтага напрамку, абумоўленыя як нацыянальнымі асаблівасцямі, так і ўплывам праяў глабалізацыі: ад небяспечных наступстваў здабычы карысных выкапняў да паступовага вымірання вёскі. Звяртаючыся да самых разнастайных жанравых форм (камедыйна антыўтопія, казачны фарс, п'еса-трылер, п'еса-апокрыф), класікі беларускай драматургіі і маладыя аўтары-эксперыментатары падкрэсліваюць неабходнасць ахоўваць не толькі прыроднае асяроддзе, але і традыцыйныя культурныя каштоўнасці, без якіх чалавек мусіць непазбежна страціць не толькі сваю гуманістычную сутнасць, але і будучыню.

Драматургія як асобны, “самакаштоўны” [1, с. 3] від літаратуры ва ўсе часы вылучалася здольнасцю своєчасова рэагаваць на любыя зрухі ў грамадскім жыцці. Дзякуючы сваім надзвычайным якасцям – непасрэднаму характару сувязі “аўтар–акцёр–глядач”, механізму глыбокага эмацыянальнага ўздзеяння і суперажывання, элементам эксперыменту і гульні, з аднаго боку, і ролі сцэны як палітычнай трыбуны – з іншага, магчымасці сціснуць прастору часу і надаць ёй заўгодныя формы яна адлюстроўвае рэальныя праблемы чалавечага існавання. Таму, калі ХХ стагоддзе выразна паказала, што ў выніку бесклапотных адносінаў людзей да навакольнага асяроддзя і саміх сябе гэта існаванне знаходзіцца ў будучым пад вялікім сумненнем, беларускія драматургі і крытыкі не маглі абысці сваёй увагай праблему *экалагічнага імператыва*.

Паняцце гэтае не вычэрпваецца тэзісам аб разумным выкарыстанні і ахове прыродных рэсурсаў, а прымушае дакладна вызначыць месца нашага соцыуму на планеце – яго правы, абавязкі, перспектывы – і ўяўляе сабой “альтэрнатыўны погляд на сусвет, што сцвярджае адзінства, узаемазалежнасць і роўнасць усяго існуючага”¹ [2, с. 6]. Аўтар падкрэслівае: “Сучасная экалагічная думка (пры ўсёй сваёй неадназначнасці, супярэчлівасці і схільнасці да палярызацыі поглядаў) здолела выпрацаваць шэраг асноўных прынцыпаў – глабалізацыі, архаізацыі, дэмакратызацыі, збліжэння Захаду і Усходу. Гэтыя надзвычай складаныя працэсы па-рознаму і з рознай інтэнсіўнасцю праяўляюцца ў тых ці іншых рэгіёнах і культурах і выклікаюць пры гэтым, аднак, падобныя рэакцыі ў нацыянальных літаратурах, дзе насілле над прыродай часцей за ўсё успрымаецца як знак гістарычнага разлому і крызісу традыцыйных каштоўнасных арыентацый” [2, с. 15].

Так, выбух на Чарнобыльскай АЭС стаў крыніцай унікальнай беларускай “чарнобыльскай” літаратуры, прасякнутае, па словах беларускага літаратуразнаўцы і крытыка А.І. Бельскага, матывамі “бяды, смяротнай пагрозы, трывогі” [3, с. 115], бежанства, мёртвай зямлі: “Чарнобыль нібы ў апошні раз папярэдзіў сучасную тэхнізаную цывілізацыю пра безадказнасць і бяздумнасць яе існавання, падвёў яе да бездані самазнішчэння і па-гамлетаўску завастрыў пытанне: быць ці не быць на зямлі чалавеку і жыццю” [3, с. 112].

Выдатным драматургічным прыкладам гэтага творчага напрамку з’яўляецца твор Алеся Петрашкевіча “Дагарэла свечачка” (1988): галоўная гераіня – Марфа – страціла амаль усю сям’ю і мусіць зараз пакінуць нават родную хату. Перад эвакуацыяй з “забруджанай” вёскі жанчына захлынаецца трагічнымі ўспамінамі і вырашае ўсё ж застацца на радзіме: запальвае свечку, кладзецца ў даўно падрыхтаваную труну і гаворыць: *Дагарыць свечачка да палічкі, а там і хатачка зоймецца. Сцярглю апошнюю пакуту, ды і па ўсяму <...> разнясе вятрыска попел наўкола, можа, зачাপлюся дзесь пылінкаю* [1, с. 282]. Праз гора аднаго чалавека аўтар паказвае гора “мільёнаў тых, каго

¹ Усе цытаты з рускамоўных крыніц прыведзеныя ў нашым перакладзе. – Т.С.

абяздоліў Чарнобыль” [1, с. 9], і прадракае небяспеку для кожнага, калі завяршае твор цытатай з “Апакаліпсісу” Іаана Багаслова, алюзіі да якога з’яўляюцца, дарэчы, адной з асаблівых характарыстык беларускай экалагічнай п’есы.

Але акрамя згаданай нацыянальнай трагедыі існуе яшчэ шэраг ідэй, якім аўтары прысвячалі і прысвячаюць свае драмы, і якія з’яўляюцца падставай аб’яднаць творчыя дасягненні драматургаў розных плыняў пад знакам экалагічнага гуманізму:

- захаванне крыніцы жыцця – зямлі ва ўмовах індустрыяльнай здабычы карысных выкапняў (А. Петрашкевіч “Соль”, 1980);
- паступовае выміранне вёскі (А. Дудараў “Вечар”, 1983);
- лёс цывілізацыі, амаль знішчанай сусветнай вайной (А. Макаёнак “Дыхайце ашчадна”, 1982);
- пасляапакаліптычная антыўтопія (А. Дудараў “Адцуранне”, 1994, А. Карэлін “Герда, альбо Горад, у якім мы будзем шчаслівыя”, 2001);
- смяротная небяспека шкодных адходаў (М. Матукоўскі “Бездань”, 1992);
- ілюзорнасць рэальнасці і агульная недарэчнасць існавання сённяшняга сярэднестатыстычнага чалавека (М. Арахоўскі “Ку-ку”, 1991);
- эсхаталагічны крызіс мыслення на фоне радыкальных сацыяльных змен (А. Дудараў “Злом”, 1988);
- абсурднасць разбурэння традыцыйных гуманістычных каштоўнасцяў (І. Сідарук “Галава”, 1992; Г. Багданава «АС-Лінія», 1997).

Да гэтай тэматыкі далучаюцца постмадэрнісцкі “трылер для дзяцей і дарослых” [4, с. 2] “Кацярынка і Кэт” (2007) Пятра Васючэнкі і п’еса-казка (ці, хутчэй, п’еса-апокрыф) “Пацалунак ночы” (2002) Сяргея Кавалёва.

“Трылер” распавядае пра тое, што здараецца, калі сімулякр робіцца больш зручным, чым рэальнасць, калі рэчы-пачвары могуць у сне забіць дзіця, калі ветлівая і паслухмяная “ідэальная” лялька Кэт падыходзіць бацькам лепей, чым дачка Кацярынка, якая “выкідае коні” [4, с. 4], не хоча паступаць, вучыць англійскую мову і задае зашмат пытанняў: *Мама. Доктар! Ды яна ўсё прыдумляе! А можа... Кацярынка, паслухай пра Парсюкоўскіх! У іх дачка на іголку села! Вось гэта трагедыя дык трагедыя, не давядзі Бог! Доктар. І такое здараецца. Кацярынка. Мама, а што такое “сесці на іголку”? На іголцы сядзець балюча... Мама. Ну, вось, самыя простыя рэчы не разумее!.. Можа, гэта хвароба якая, доктар?* [4, с. 4]. Твор нясе безліч рэмінісцэнцый: пачынаючы ад Суок з “Трох таўстуноў” Ю. Алешы і “Салаўя” Х.К. Андэрсена да законаў робататэхнікі А. Азімава. Але галоўным з’яўляецца сказ “Заўсёды трэба спадзявацца” [4, с. 11] у канцы п’есы. І пакуль дзеці будуць верыць і пісаць свае наіўныя лісты “дзядзечкам з ААН” [4, с. 11], спадзявацца ёсць на што.

С. Кавалёў расказвае казку-калыханку, стварае мрою, якая становіцца начным кашмарам для хворага хлопчыка Рыгоркі і клоўна Клаўса. Мідасава прага дарослых да багацця вядзе дзяцей найпрост у абдымкі Смерці, а наву-

ковае адкрыццё, якое магло б паслужыць дабру, робіцца праклёнам, – гэтая думка п’есы праходзіць скрозь шматлікія літаратурныя творы XX ст.: *Алхімік* (самазадаволена). *Гэтую Машыну прыдумаў я. Я матэрыялізаваў мару старадаўніх мудрацоў пра філосафскі камень. Я – Алхімік. Рыгорка* (глядзіць на Алхіміка ва ўсе вочы). *Праз цябе гінуць лясы і рэкі, паміраюць дзеці ў бальніцы* [5, с. 199]. Белае раптам робіцца больш чорным, чым самая цёмная ноч, чый пацалунак – пацалунак Смерці – не столькі забівае, сколькі збаўляе ад пакут.

Драма А. Петрашкевіча “Соль” таксама ўяўляе сабой свайго кшталту метафару-пярэварацень: словы, што заўсёды ўжываліся побач у пазітыўным сэнсе – *хлеб ды соль, соль зямлі* – раптам становяцца “варожымі” адно аднаму. Здабыча солі ператварае ўрадлівую любаградскую глебу ў саланчак, але парадокс у тым, што соль патрэбна для ўгнаенняў у іншых, менш ураджайных месцах. На першы погляд здаецца, нібыта дзеля вялікай мэты можна паступіцца малым, аднак ці не з малога ўрэшце рэшт складаецца вялікае?

Абаронцамі роднай зямлі выступае сям’я з “гаваркім” прозвішчам Крывічы, функцыянеры і эксплуататары завуцця *Хазяінаў, Шапаль і Калун-Каралевіч*. Стары партызан Ігнат, яго сціплая і гасцінная жонка Ганна (чыю прымаўку “дагарэла свечачка да полачкі” [6, с. 20] аўтар потым выкарыстае для назвы “чарнобыльскай” п’есы), сын Іван, сумленны і дасведчаны кіраўнік, нявестка Арына, урач, якая добраахвотна стала ахвярай шкодных умоў перапрацоўкі солі, апантана змагаюцца супраць “солевай жыжы, пылу і газаў” [6, с. 21] і за “зберажэнне генетычнага фонду насельніцтва” [6, с. 43], але канец п’есы дае ім, ды і нам усім, на жаль, мала надзеі.

Глабальная праблема дзіцячай смяротнасці як аднаго з вынікаў небяспечнай экалагічнай сітуацыі жахлівым чынам стала прыватнай для Аляксея Траяна, галоўнай дзеючай асобы п’есы Міколы Матукоўскага “Бездань”. Ён канчае жыццё самагубствам, каб прыцягнуць хоць крыху ўвагі да бездані, што паглынула горад побач са ртутнай звалкай. Яго жонка памірае ў рад-доме, нарадзіўшы нежывое дзіця, таму што на кожны квадратны кіламетр горада за суткі выпадае ад трох да пяці тон шкоднага пылу. Эксперты з ААН пацвярджаюць пагрозу для насельніцтва, аднак аўтар пакідае адкрытым пытанне аб тым, ці здолеюць іх папярэджанне і смерць Траяна нешта змяніць.

У старых Васіля, Гастрыта і Ганны з твора А. Дударова “Вечар” таксама няшмат падстаў для спадзяванняў на лепшае: у вёсцы яны засталіся ўтраіх, дзеці і ўнукі на іх забыліся, сіл працаваць амаль няма. Памерці? Але ж нехта павінен кожную раніцу будзіць сонца і прасіць у яго “цяпла і святла” [1, с. 379] і ўратавання “ад нашай чалавечай дурноты” [1, с. 379], дзякаваць “таму, хто дадумаўся Адама з Евай стварыць” [1, с. 378] і чакаць, нястомна чакаць да самага вечара, што ў вёску яшчэ прыдуць людзі.

Пэўны пазітыўны настрой “Вечара” вельмі адрозніваецца ад суцэльнай метафары, створанай Ігарам Сідаруком у эксперыментальнай п’есе “Галава”. У сваім творы аўтар выкарыстоўвае традыцыйныя прыёмы антытэатра, пададзеныя праз прызму постмадэрнісцкага бачання.

П'еса заяўлена як “казачны фарс у дзвюх дзеях” [7, с. 221], але нават гэтае вызначэнне з'яўляецца праявай парадыйна-іранічнай гульні з жанрамі, маскай, якой прыкрыта аўтарскае эсхаталагічнае ўяўленне аб рэчаіснасці, аб крызісе і дэструкцыі звыклых каштоўнасцяў і аўтарытэтаў. Усе дзеючыя асобы – Бежанка, якая ніяк не можа кінуць сваё дабро; Шукальнік, які сам не ведае, чаго шукае; Сіротка, “дзіця шчаслівага заўтра” [7, с. 228], уласна Галава (што папяровая, што гумовая, што сталёвая) – увасабляюць нейкую канкрэтную рысу эпохі і, кожны па-свойму, гэтую эпоху высмейваюць.

Да абсурду ў разбурэнні традыцыйных эстэтычных нормаў аўтар даходзіць наўмысна. Для яго герояў больш нішто ўжо не мае значэння, нават хрысціянскія ідэалы. Аб'ектам іроніі аўтара становяцца як камуністычны “светлы шлях” (*Ідзіце ўсе ў заўтра і – вам ніколі нічога не будзе балець!* [7, с. 223]), так і філасофія экзістэнцыялізму: *Шукальнік. Навошта цябе карміць? Не ў ежы шчасце! Сіротка. А ў чым? Шукальнік. У існаванні!* [7, с. 222].

Але на гэтым драматург не спыняецца: намагаючыся падкрэсліць усю жахлівасць становішча, І. Сідарук праводзіць паралель да Чарнобыльскай катастрофы (руды колер зямлі, валасы Бежанкі, што выпадаюць пасмамі). Праз гэтую рэалістычную алюзію аўтар выказвае не толькі страх грамадзян былога “сацлагера” перад надыходам новай эпохі, але сусветную эпістэміялагічную няўпэўненасць, таму творы, падобныя на п'есы І. Сідарука, з'яўляюцца своеасаблівым прадказаннем падзеяў кшталту тэракта ў ЗША 11 верасня 2001 г.

Трэба адзначыць, што, адлюстроўваючы ўсеагульны крызіс прагрэсівісцкага мыслення (*На абмежаванай прасторы – шырока для думак! Руху, не бачу руху* [7, с. 243]), аўтар на прыкладзе абсурднасці загадаў Галавы і паводзінаў усіх дзеючых асоб паказвае толькі “хваробы” сучаснасці, а не спосаб ад іх пазбавіцца. Такім чынам, у п'есе, створанай напрыканцы 90-х гг. ХХ ст., ужо даволі выразна бачна адлюстраванне постмадэрнісцкага тэзіса Жана-Франсуа Ліятара аб тым, што сённяшні стан грамадства вядзе да поўнага краху этыкі і маралі. Нігілізм і недавер да будучыні, безумоўна, адыгрываюць значную ролю ў стаўленні сучасных аўтараў да экалагічна-сацыяльнай праблематыкі.

Вызначальным момантам яшчэ аднаго абсурдысцкага па сваёй сутнасці твора – п'есы Галіны Багданавай “АС-лінія”, што мае падзагалавак “Абсурд у стылі посткамунізму” [1, с. 508], з'яўляецца меркаванне, што ўтапічная, ці нават гратэскная цэнтральная ідэя аб стварэнні новага “Саюза непарушнага” “не адлюстроўвае жадання аўтаркі пасмяяцца з людскай недасканаласці і неўладкаванасці. Сацыяльна-крытычны пафас “АС-лініі” скіраваны супраць прымітыўнай прагматыкі, масавай бездухоўнасці, пакланення фальшывым ідалам, якія набываюць абсурдную форму” [8, с. 138].

Як і ў п'есе І. Сідарука, дзеючыя асобы твора згодна з распаўсюджанай тэндэнцыяй да дэперсаналізацыі замест імёнаў пазначаны як *Былы партыец, Былая Савецкая Дама, Вучоны з авоськай, Сталічная правінцыялка* [1, с. 508].

Яны не бачаць выйсця з крызіснай сітуацыі і, шукаючы палёгкі ў бытавым эскапізме, не заўважаюць, што “адрачэнне ад роднай мовы, таптанне святыняў, спадчыны, ганьбаванне чалавечай годнасці, боскага на зямлі – усё гэта вядзе да глыбокага падрыву маральна-духоўных асноў быцця народа” [3, с. 117].

Мікола Арахоўскі ўвасобіў у п’есе “Ку-ку” матыў, непасрэдна звязаны з такім маральным крахам і вельмі характэрны для творчасці еўрапейскіх пісьменнікаў і драматургаў XX ст. – “комплекс няшчаснай свядомасці”, сапраўдны праклён маладога пакалення, якое ніяк не можа вырашыць, нашто яно жыве, і не заўважае пры гэтым, што хутка жыць будзе ўжо немагчыма дый недзе.

35-гадовы Вадзім паўсюль бачыць толькі здраду, памылкі і няўдачу, пры гэтым ён не ў стане разабрацца ў сваім жыцці, сямейным у тым ліку, не ў стане змагацца за жанчыну, якую пакахаў. Ён знаходзіцца ў лепшым узросце і ўжо адчувае сябе стомленым і зламаным. Галоўны герой твора перажывае экзістэнцыяльны крызіс, яго свядомасць не вытрымлівае знешняга і ўнутранага ўціску і распадаецца на часткі. Вадзім даходзіць у сваёй раўнівай энтрапіі да шызафрэнні, яму пачынаюць мроіцца незвычайныя істоты: Падушкападобны, Супермэн, Клеопатра, якія адгукаюцца на выпадкова сказанае Вадзімам сімвалічнае слова “ку-ку” і ў выніку спрабуюць яго забіць.

Сюррэалістычнае спалучэнне палёту птэрадактыля над горадам з шэрагам бясконцых мітынгаў (дзе людзі ўсе “нібы ачмурэлыя і нібыта атрутным нейкім туманам, ахутаны нянавісцю” [7, с. 259]), з амаль ідылічнымі пасядзелкамі Вадзіма і Алёны на лавачцы і з эратычнымі сцэнамі, што раз-пораз узнікаюць у вадзімавых мроях, стварае абсурднае, нават кітчавае, знакавае асяроддзе, дзе адбываецца поўная дэканструкцыя звычайнага культурнага кантэксту.

Калі апускаецца заслона, аўтар пакідае глядача амаль у шокавым стане ад дэманстратыўнай ілюзорнасці створанай ім рэальнасці, ад усведамлення таго, што свядомасць «сярэднестатыстычнага» чалавека, як высвятляецца, мае такія змрочныя глыбіны, пра якія не здагадваюцца нават псіхолагі” [8, с. 141]. Па словах беларускага літаратуразнаўцы П.В. Васючэнкі, “драма Міколы Арахоўскага набывае прыкметы філасофскай «антыдрамы» і «антыўтопіі»” [8, с. 142].

Тое, што “развіццё цывілізацыі паўзе па спіралі ўніз” [7, с. 261], падкрэслівае і Андрэй Макаёнак у трагікамедыі “Дыхайце эканомна”. Так, напрыклад, у першай сцэне героі размаўляюць пад амерыканскую песеньку пад сімвалічнай назвай “Перад пагібеллю” [7, с. 213] на фоне “цёмных і таму таямнічых небаскробаў, якія нагадваюць надмагільныя абеліскі” [7, с. 213], а ўсё наступнае дзеянне ўвасабляе паступовы зварот да першабытнай жорсткасці, што ажыццяўляе амерыканская эліта ў сваім “мікрацарстве выбраных” [7, с. 263] – падземным бамбасховішчы. Падзеі ў макракосме (на Зямлі, амаль знішчанай сусветнай вайной), у адрозненне ад мікрацарства эліты (якой ужо нечым дыхаць), парадаксальным чынам разгортваюцца ў бок утапічнай светлай будучыні, аб чым глядач даведваецца толькі ў апошняй сцэне.

У нечым блізкая ідэя прысутнічае і ў сімвалічнай драме А. Дударова “Адцуранне”. Але тут драматург выносіць на першы план матыў хрысціянскага пакаяння чалавека перад Богам, сабой і Сусветам. Пасля ядзернай катастрофы (яшчэ адна чарнобыльская рэмінісцэнцыя) пагроза мутацыі – фізічнай і духоўнай – прымушае звычайных людзей (Дачку, Медсястру, Старога, Арлет, Гулага, Ліквідатара, Дэсанніка) прыслухацца да Боскіх пасланцоў – ці, бадай што, постапакаліптычных прарокаў – Вешчуна і Хлопчыка, якія заклікаюць іх прыняць пакаранне і збудаваць жыццё нанова, як разбураную капліцу, што выступае алегорыяй веры і маральных каштоўнасцяў.

Дарэчы, аналіз эсхаталагічных пытанняў, якія аўтар закранае ў “Адцуранні”, пачынаецца раней, у яго п’есе “Злом” (ці “Звалка”). Цікава, што, як і твор А. Петрашкевіча “Соль” па адносінах да п’есы “Дагарэла свечачка”, гэтая драма з’яўляецца “папярэдніцай” “Адцурання”. Паміж імі можна правесці шмат паралеляў на самых розных узроўнях, пачынаючы ад словаў *Толькі каго люблю, таго караю* [7, с. 7] да постаці Збаўцы, якога ўжо ніхто не чакае. Пры гэтым “Злом” поўны злой іроніі (*Ці не з’явіўся табе вогненны анёл і ці не ізрэк: Вася, хрэновінай у жыцці займаешся* [7, с. 7]), а “Адцуранне” здаецца сапраўднай пропаведдзю.

У драме “Злом” А. Дудараў працягвае літаратурную традыцыю апісання “жыцця на сметніку”, гэта своеасаблівая паралель да твора Максіма Горкага “На дне” (1902). Тут таксама пераплятаюцца сацыяльны і філасофскі аспекты, узаемадзейнічаюць людзі самых розных класаў, што апынуліся на гарадскім сметніку, – дзе, дарэчы, “некалі вёска была, горад яе падмяў, усё знеслі” [7, с. 13] – зламаныя духоўна і фізічна, шукаючы спакою ў поўнай безвыходнасці: *Мы прыйшлі з Космасу ў адзіноце... У адзіноце і пойдзем туды... Час... Чалавецтва састарэла... І зямля састарэла* [7, с. 53]. Іх палюхае “Касмічны Чарнобыль” [7, с. 9], але блазен Хітры, які ў пачатку п’есы ўдае Ісуса на крыжы, лічыць, што людзі “і без страшнага суда самі сябе сажруць, як павукі ў банцы” [7, с. 9]. Аўтар падкрэслівае: чалавек павінен зразумець – ён не толькі нясе адказнасць за свае злачынствы, але і ўвесь час сам сябе (ці, прынамсі, сваіх нашчадкаў) за іх карае.

Падобную думку выказвае і малады драматург Андрэй Карэлін у антыўтапічнай п’есе “Герда, альбо Горад, у якім мы будзем шчаслівыя”: уцячы ад наступстваў чалавечых учынкаў немагчыма, але расплочвацца за гэтыя ўчынкі часта даводзіцца людзям, якія ніякага дачынення да іх не мелі. Таму героі п’есы – Драбязя (алегорыя пакінутага дзіцяці) і наіўныя ў сваім каханні Артур з Палінай – наўрад ці здабудуць сабе шчасце ў атручаным цывілізацыяй мёртвым горадзе, вакол якога нясуць варту верталёты, і дзе застаўся толькі адзін жыхар, Апошні.

Як бачна, меркаванні такіх прызнаных класікаў драматургіі, як А. Дудараў і А. Макаёнак адносна праблемы экалагічнай свядомасці, феномена страты сацыяльных каштоўнасцей арыенціраў і неабходнасці аховы чалавека як біялагаічнага віду ад яго ўласных суродзічаў часта супадаюць з пазіцыяй

прадстаўнікоў “малодшага” пакалення драматургаў-наватараў. З’яднаныя адзінай гуманістычнай мэтай, аўтары выходзяць за межы асобных творчых плыняў і пры дапамозе разнастайных мастацкіх сродкаў – ад традыцыйных да эксперыментальных – паказваюць, наколькі небяспечна для чалавецтва ігнараваць маральны аспект экалагічнага імператыва.

У цэлым экалагічны дыскурс у сучаснай беларускай драматургіі вызначаецца глыбокай занепакоенасцю лёсам як уласнай краіны, так і ўсёй планеты, намаганнем абудзіць нарэшце грамадскую свядомасць, гуманістычным пафасам, шматлікімі біблейскімі рэмінісцэнцыямі, алегарызмам, цытатамі і, нягледзячы на пэўны скептыцызм (ці нават нігілізм), надзеяй на ўсеагульнае духоўнае абнаўленне.

ЛІТАРАТУРА

1. Сучасная беларуская драматургія: традыцыі і наватарства / П.В. Васючэнка (гал. рэд.). – Мінск : Сэр-Віт, 2003. – 640 с.
2. *Стеценко, Е.А.* Экологическое сознание в современной американской литературе / Е.А. Стеценко. – М. : ИМЛИ РАН, 2002. – 320 с.
3. *Бельскі, А.І.* Краса і смутак / А.І. Бельскі. – Мінск : Мастац. літ., 2000. – 237 с.
4. *Васючэнка, П.* Кацярынка і Кэт. Трылер для дзяцей і дарослых ў 2-х дзях / П. Васючэнка // *Культура*. – 2007 – №30. – С. 2–11.
5. *Кавалёў, С.* П’есы-казкі: для сярэд. і ст. школьнага ўзросту / С. Кавалёў. – Мінск : Мастац. літ., 2009. – 231 с. – (Школьная бібліятэка).
6. *Петрашкевіч, А.* Соль: П’есы / А. Петрашкевіч. – Мінск : Мастац. літ., 1988. – 480с.
7. Сучасная беларуская п’еса: для ст. школьнага ўзросту / склад. П.В. Васючэнка. – Мінск : Мастац. літ., 1997. – 302 с.
8. *Васючэнка, П.В.* Сучасная беларуская драматургія: дапаможнік для настаўнікаў / П.В. Васючэнка. – Мінск : Мастац. літ., 2000. – 158 с.

The article deals with the analysis of the formation and development of the ecological discourse in the modern Byelorussian literature. More and more playwrights of our country take interest in this important problem, and it is obvious by example of their works, that in addition to the Tschernobyl-theme there are many other tendencies in the creative interpretation of the ecological imperative.

Поступила в редакцию 22.06.12

НАШИ АВТОРЫ

Аль Шибани Джамал – аспирант кафедры теории и практики английского языка МГЛУ. Тел. 288-25-69.

Басовец Ирина Михайловна – аспирант кафедры речеведения и теории коммуникации МГЛУ. Тел. 288-25-71.

Борчук Ольга Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры второго иностранного языка (немецкий) МГЛУ. Тел. 294-79-82.

Вологина Ольга Викторовна – аспирант кафедры теоретического и славянского языкознания БГУ. Тел. 222-33-66.

Дворкина Екатерина Юрьевна – аспирант кафедры лексикологии испанского языка МГЛУ. Тел. 284-81-16.

Кисина Анастасия Игоревна – студент магистратуры кафедры фонетики немецкого языка МГЛУ. Тел. 284-81-31.

Колбаско Елена Петровна – аспирант кафедры теории и практики английского языка МГЛУ. Тел. 288-25-69.

Колядко Наталья Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной литературы МГЛУ. Тел. 288-25-63.

Конашенко Екатерина Ивановна – аспирант кафедры теории и практики английского языка МГЛУ. Тел. 288-25-69.

Кондракова Светлана Викторовна – кандидат филологических наук, преподаватель кафедры грамматики и истории немецкого языка. Тел. 284-81-31.

Кязимова Фарида Мамед гызы – старший преподаватель кафедры современного русского языка Бакинского славянского университета. Тел. (8-10-994-12) 422-28-92.

Лапунова Ольга Владимировна – старший преподаватель кафедры теории и практики перевода БГУ. Тел. 222-73-84.

Мамедов Насирага Шахмурад оглу – кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка Бакинского славянского университета. Тел. (8-10-994-12) 422-28-92.

Плотникова Светлана Николаевна – доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии Иркутского государственного лингвистического университета. Тел. (8-10-720-3952) 20-03-61.

Серебренникова Евгения Федоровна – доктор филологических наук, профессор кафедры французской филологии Иркутского государственного лингвистического университета. Тел. (8-10-720-3952) 20-03-61.

Сокольчик Надежда Владимировна – аспирант кафедры грамматики французского языка МГЛУ. Тел. 288-22-15.

Степанова Альбина Николаевна – доктор филологических наук, профессор кафедры грамматики французского языка МГЛУ. Тел. 288-22-15.

Сыроежко Татьяна Геннадьевна – аспирант кафедры белорусского языка и литературы МГЛУ. Тел. 294-71-14.

Сытько Анна Васильевна – кандидат филологических наук, заведующая кафедрой фонетики немецкого языка МГЛУ. Тел. 284-81-31.

Хахалова Светлана Алексеевна – доктор филологических наук, профессор кафедры немецкой филологии Иркутского государственного лингвистического университета. Тел. (8-10-720-3952) 20-03-61.

Шашкова Светлана Андреевна – кандидат филологических наук, профессор кафедры грамматики французского языка МГЛУ. Тел. 288-22-15.

Шевцова Алесья Константиновна – аспирант кафедры теории и практики английского языка МГЛУ. Тел. 288-25-69.

Якутёнок Наталья Ивановна – аспирант кафедры лексикологии немецкого языка МГЛУ. Тел. 284-81-31.

Якушева Елена Николаевна – младший научный сотрудник Института языка и литературы им. Я. Коласа и Я. Купалы НАН Беларуси. Тел. 284-02-74.

ВЕСТНИК МГЛУ

Серия 1. Филология

№4 (59), 2012

Научно-теоретический журнал

Ответственный за выпуск *А.М. Горлатов*

Редактор *Л.М. Малинина*
Ст. корректор *С.О. Иванова*
Корректор *Л.И. Печенникова*

Журнал зарегистрирован
Министерством информации Республики Беларусь 26 апреля 2010 г.
в Государственном реестре средств массовой информации за № 1333.

Адрес редакции: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск
E-mail: vestnik@mslu.by

Подписано в печать 21.08.12. Формат 60×84¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Ризография. Усл. печ. л. 8,6. Уч.-изд. л. 10,13. Тираж 100 экз. Заказ 31.

Издатель и полиграфическое исполнение: учреждение образования “Минский государственный лингвистический университет”. ЛИ №02330/0548503 от 16.06.2009 г.
Адрес: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск.

Индекс подписки 75017/750172